

КОНАН И ПОТОМКИ АТЛАНТОВ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и четыре стихии	КОНАН и боги тьмы	КОНАН и мяч бодуна	КОНАН браслет выков	КОНАН и пещера пещер	КОНАН и пещера снегов	КОНАН и пещера секира	КОНАН на дороге королей	КОНАН принимает бон
КОНАН и кристалл богов	КОНАН и дар митры	КОНАН и ночные камни	КОНАН и трот данимы	КОНАН и перкало гридунило	КОНАН и пурим жажды	КОНАН и пурим войны	КОНАН и пурим зла	КОНАН и пурим нерала
КОНАН и горы блаженства	КОНАН и историю судеб	КОНАН и сераин аримана	КОНАН и багровое око	КОНАН и призраки прошлого	КОНАН и вонючко мрака	КОНАН варвары киммерии	КОНАН и рыжий истреб	КОНАН и гони вяз бездны
КОНАН и татуор тени	КОНАН и копье крома	КОНАН и враты вечности	КОНАН и камаильи альбиринт	КОНАН и красочный нада	КОНАН и чаша нессмертия	КОНАН и паланк страж	КОНАН и историю стремян	КОНАН и алтарь победы
КОНАН и ветра бессмертия	КОНАН и звезды глазти	КОНАН и берег проклятых	КОНАН и оковы бездолия	КОНАН и камаильи небес	КОНАН и драго миров	КОНАН и коямо власти	КОНАН из оз артених	КОНАН и пророк тьмы
КОНАН и пурим стек	КОНАН и храм ночи	КОНАН и король боров	КОНАН и паланк деси	КОНАН и митек четыре	КОНАН и калито и митек	КОНАН и хорон декана	КОНАН и корона мира	КОНАН и паланк света
КОНАН и стири дао	КОНАН и звезды шаданара	КОНАН и склон хоса	КОНАН и жрец тарима	КОНАН и солнечные пинкот	КОНАН и пурим младиши	КОНАН и пурим хайбории	КОНАН и пурим буты	КОНАН и сала истюрина
КОНАН и салта тумана	КОНАН и лик зверя	КОНАН и огнитель зраконов	КОНАН и наследие мертвых	КОНАН и злак аргоса	КОНАН и ляля печать	КОНАН и пурим пустоты	КОНАН и пурим мрака	КОНАН и толос крови

Дуглас Брайан

КОНАН И ПОТОМКИ АТЛАНТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сос)
Б87

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 03.05.07. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 6000 экз. Заказ № 5645 Э.

Брайан, Д.

Б87 Конан и потомки атлантов : [повести] / Дуглас Брайан. — М: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2007. — 381, [3] с. — (Конан).

ISBN 978-5-17-043290-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-93698-413-6 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитаются по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Венеции до Китая и восстанавливает справедливость во всей Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сос)

© А. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

ПЛЕННИКИ ПЕСЧАНЫХ ВИХРЕЙ

Глава первая

Одиночество в пустыне

Т от горизонта до горизонта, куда ни брось взгляд, везде одно и то же: бесконечные волны песка. Конан находился в самом сердце пустыни. Солнце сияло прямо у него над головой. Безжалостные лучи дневного светила выискивали свою жертву и, казалось, в считанные мгновения выпивали из него всю влагу.

Но киммерийцу не привыкать было к подобным путешествиям. И хотя родился он на далеком севере, многочисленные жизненные испытания приучили его без особого труда переносить самые разные условия. Он мог выжить и посреди моря, на утлом суденышке, и в душных вен-дийских джунглях, и в обществе кхитайских философов, и — наверное, это было самым трудным, — среди утонченной аристократии, при дворах цивилизованных владык, которые самого

Конана именовали не иначе, как дикарем и варваром.

Конан намеревался пересечь пустыню за несколько дней. Путь был ему хорошо знаком, так что он без страха пустился в дорогу один, не взяв с собой проводника.

Киммериец не нуждался в чьем-либо обществе. У него было скверное настроение, и самая мрачная меланхолия одолевала его. Ему хотелось побыть в одиночестве. Для подобного состояния духа не требовался спутник. Пустыня — самое лучшее, что можно было измыслить.

Конан огляделся по сторонам, и хмурая улыбка появилась на его загорелом лице. Никого и ничего. Его окружали пески и смертоносный солнечный свет. Достойный противник! Конан оскалился, словно желая бросить пустыне вызов.

Она ответила еле слышным шорохом песков. Где-то вдали ветер перемещал песчаные массы, но там, где находился киммериец, не было ни малейшего дуновения. Солнце, казалось, застыло на небе, в самом зените.

На Конане был наряд кочевника — широкий белый плащ, покрывало на голове. Но даже издали киммерийца невозможно было принять за обычновенного жителя пустыни. Северянин был выше ростом любого из них, гораздо шире в плечах, да и держался иначе. Говорят, будто каж-

дый кочевник обладает царственной осанкой; но любому, даже самому спесивому из них, далеко было до Конана-варвара.

Киммериец не сомневался в том, что рано или поздно он сделается королем. Завоюет себе королевство, какое глянется, и сядет там на трон. Человек, который не побоялся бросить вызов всему миру, вполне способен и на такое.

До него донесся пронзительный крик орла. Величавая птица кружила в вышине, и казалось, будто солнце и жаркий воздух породили ее. Кого высматривал орел? В других областях пустыни имелась хоть какая-то растительность. Там обитали разные мелкие существа, тушканчики и прочие, которые обычно служили добычей орлу. Но кого он высматривает сейчас? Не самого ли Конана?

Конан засмеялся и погрозил орлу:

— Хочешь побороться?

Как будто услыхав человека, орел взмыл еще выше и словно бы растворился в ослепительном солнечном свете.

Конан удовлетворенно кивнул.

Конь ступал по песку уверенно: ему передавалось настроение хозяина. Всадник не сомневался в том, что к вечеру они доберутся до оазиса и смогут отдохнуть и утолить жажду. К тому же у них имелась при себе вода — бурдюк опустел лишь наполовину.

Киммериец еще раз огляделся по сторонам и удовлетворенно хмыкнул. Ни одного человеческого лица вокруг! Вчера он тоже был один и ночевал прямо на остывающем песке, под звездами, которых здесь великолепное множество. Рассвет нагрянул на пустыню, словно неприятель из засады, из-за горизонта выскочило гигантское красное солнце, и казалось, будто до него можно дотянуться рукой, а затем почти сразу же снова началась изнуряющая жара.

Пустыня. Пустая земля.

Неожиданно киммерийцу показалось, будто он замечает среди золотых песков нечто темное. Он приподнялся на стременах, всматриваясь в это.

Наверное, лучше было бы просто отвести взгляд и проехать мимо, подумалось ему. Но это «нечто» своей неуместностью и очевидным безобразием настойчиво лезло в глаза, так что Конан поневоле направил коня в ту сторону. Лучше бы сразу разрешить загадку — и выбросить ее из головы.

Конан почти не сомневался в том, что увидит сейчас плащ какого-нибудь незадачливого бедолаги, а может быть, и труп, иссохший и почерневший. Должно быть, пески сместились и обнаружили то, что было много земли погребено под ними.

Он приблизился и остановил коня.

Так и есть! Одежда. Только какая-то странная. Расписной шелк, к тому же очень яркий. Если бы эти вещи пролежали под солнцем хотя бы несколько дней, они утратили бы краски — солнце выжгло бы их, сделало бы гораздо более тусклыми.

Стало быть, эти тряпки попали сюда совсем недавно. Что ж, люди погибают в пустыне постоянно. И века назад, и день назад, и час назад... Всегда одно и то же.

Конан хотел было повернуть коня и двинуться дальше, как вдруг тряпки зашевелились, и слабый голос простонал:

— Помогите...

* * *

Киммериец резко остановил коня. Удивленный подобным обращением, конь взвился на дыбы и громко заржал, но Конан быстро усмирил его. Звук лошадиного ржания вызывал почти магическое действие на незнакомца, лежавшего посреди пустыни. Он проявил еще более очевидные признаки жизни, из-под горы тряпок показались довольно пухлые белые руки с накрашенными ногтями. Человек закопошился, пытаясь подняться.

— Лежи, не трати силы, — буркнул киммериец.

— Здесь человек... — прошептал незнакомец и вдруг сухо, без слез, зарыдал.

— Ты почти угадал, — сказал Конан ровным, равнодушным тоном. — Здесь варвар, который совершенно не рад нашей встрече. Учи это на будущее и не будь многословен.

Он соскочил на землю и с бурдюком в руках подошел к незнакомцу. Присев рядом на корточки, Конан плеснул водой ему на голову.

— Выпей воды, — сказал киммериец.

— Вода... — простонал неизвестный.

Холеные руки с красными ногтями вцепились в бурдюк. Показалось лицо, обожженное солнцем, с багровыми пятнами, шелушащееся. Черты этого лица, впрочем, были довольно правильными и даже приятными: широко расставленные темные глаза, прямой нос, твердый подбородок.

Незнакомец принялся жадно глотать воду. Он оживал прямо на глазах. Конан смотрел на него с хмурой усмешкой. Вот и закончилось блаженное одиночество. Придется теперь терпеть рядом с собой какого-то незадачливого бедолагу. Тот, несомненно, начнет сейчас изливать благодарность, и на голову киммерийца обрушатся мутные словесные потоки.

А потом, что еще хуже, поведает ему свою историю. Какую-нибудь длинную, полную ненужных подробностей повесть о том, как он отпра-

вился за какой-нибудь нелепой надобностью в путь, как его предали и бросили здесь на смерть, предварительно обобрав до нитки.

Когда эти темные глаза начнут хорошо видеть — а такое случится очень скоро, едва лишь тело напитается водой в должной мере, — незнакомец быстро разглядит своего спасителя и поймет, кто перед ним. Человек, способный браться за любое дело. Наемник, если угодно. Бродяга — в любом случае.

И тогда начнется вторая часть их «знакомства»: незнакомец вцепится в Конана мертвой хваткой и будет предлагать ему любые деньги, лишь бы он, Конан, отыскал негодяев, покарал их и отобрал у них похищенное. А судя по тому, что незнакомец довольно молод, сравнительно крепок и наверняка обладает волей — иначе он не отправился бы в опасный путь и вообще не пошел бы на риск, — велика вероятность того, что он предложит свое общество спасителю. «Ты спас меня, теперь найди тех, кто меня предал. Я пойду с тобой. Можешь рассчитывать на меня...»

И, поскольку он предложит киммерийцу хорошие деньги за работу, у Конана не хватит духу отказаться. Нужда в деньгах была у него всегда — и сейчас, возможно, еще больше, чем год назад.

Конан морщился, предвидя обычное развитие событий.

Незнакомец, как ни был он измучен пережитым, заметил, какое выражение лица у его спасителя.

— Что? — настороженно спросил он. — Я сделал что-то, что оказалось тебе не по душе? В таком случае, прошу меня простить.

— Нет, — сказал Конан. — Ты пока еще ничего не сделал. Просто я подумал о том, как противно предвидеть наперед...

— О чём ты говоришь?

— Да о том, что произойдет дальше! — с досадой воскликнул Конан. — Боги, должно быть, я сильно прогневал вас! — Он глянул на солнце с таким негодованием, как будто рассчитывал узреть у себя над головой какого-нибудь прогневанного бога, с которым можно было бы поспорить, а то и подраться.

— Я не понимаю... — пробормотал спасенный.

— Да? — Конан издевательски засмеялся. — Хорошо, я объясню, чтобы ты потом не говорил, будто не знал... Я уехал в пустыню с единственной целью: избавить себя от лицезрения людей. Мне неприятны человеческие лица. Мне отвратительна суeta так называемых «цивилизованных» господ. Меня тошнит от ваших забот, от ваших разговоров, от вашей мелочности... Я избрал самый опасный путь и отправился в одиночку. Знаешь почему? Просто потому, что это был единственный способ побыть в полном и со-

вершенном одиночестве. И что же? Прошло все-го три дня — и я встречаю тебя! Теперь ты понял?

— Ты мог проехать мимо, — заметил незна-
комец.

Конану показалось, что в его тоне прозвучала легкая ирония. Но, быть может, это была лишь иллюзия... Или нет? Киммериец, насупившись, глянул на незнакомца.

— Мое проклятое любопытство! — бросил вар-
вар. — Вот что стало причиной. Кроме того, пустыня часто обнажает то, что было погребено в ней веками — и иногда это оказываются сокровища какого-нибудь давным-давно погибшего кара-
вана. Я не мог упустить такой возможности.

— Понятно, — сказал незнакомец. — Итак, ты спас меня, сам того не желая, и теперь я — до-
садная помеха для тебя.

— Что-то в таком роде, — признал Конан.

— Ты ведь не оставил меня здесь уми-
рать? — освёдомился незнакомец.

— Проклятье! — зарычал Конан.

— Вот и хорошо.

Спасенный поднялся на ноги, и Конан с удив-
лением уставился на него.

Обожженное лицо этого человека говорило о том, что он долго находился под палящим солн-
цем, не имея надлежащего головного убора и во-
обще слабо понимая, как следует защищать неж-

ную белую кожу от смертоносных лучей пустын-
ного светила. Ухоженные руки с крашеными ногтями — свидетельство того, что чужак прежде жил в богатстве и роскоши и никогда не занимался физическим трудом. Одно с другим со-
четалось неплохо.

Но одежда! Митра, разве это одежда? На чу-
жаке было шелковое одеяние: очень широкие штаны, схваченные под коленом лентами. По форме верхняя часть этих штанов напоминала два кхитайских фонарика, что раскачиваются обычно возле входа в зажиточный дом. Нижняя часть штанов, напротив, была узкой и облегала икры. Отправляясь в путешествие, никаких сапог незнакомец не надел, предпочтя им туфли на каблуке с пряжкой в виде бабочки. Конан был потрясен, заметив, что бабочка сделана из накрахмаленного шелка и усыпана крошечными драгоценными камушками.

И это — обувь, которую надевают в дорогу? Боги, должно быть, вы и впрямь лишили этого парня остатков рассудка!

Рубаха незнакомца была под стать штанам: расписной шелк. Очень широкие рукава, расши-
тые бусинами и украшенные бахромой. Рубаха запахивалась на груди и стягивалась тонким по-
ясом.

Ни оружия, ни кошеля с деньгами у незна-
комца при себе не было. Темные волосы, полные

песка, слиплись от пота; он не захватил с собой даже шляпу!

— Может быть, тебя бросили умирать, отобрав у тебя дорожную одежду и соломенную шляпу? — вырвалось у Конана.

— Что? — Чужак заморгал, удивленный вопросом.

Конан с досадой прикусил губу. Он поклялся себе, что не станет любопытствовать касательно приключений незнакомца. Доставит его в оазис — и избавится от него навсегда. Но увиденное оказалось чересчур диковинным даже для Конана, так что удивление оказалось сильнее желания побывать в одиночестве и не связываться с очередным спутником.

— Меня зовут Югонна, — сказал незнакомец.

— Конан, — буркнул в ответ варвар.

— Конан? Это, кажется, аквилонское имя?

— Я киммериец, и закончим на том все разговоры обо мне, — отозвался Конан. — Полагаю, ты успел понять, с кем имеешь дело.

— Возможно. — Югонна вздохнул.

— Держись за стремя, — сказал Конан. — Пока мы тут стоим и болтаем, время идет, а мы ни на шаг не приближаемся к оазису.

Югонна не спросил, далеко ли оазис, и Конан против воли почувствовал к нему легкую симпатию.

— Протяни руку, — приказал Конан.

Югонна молча повиновался. Киммериец отхватил ножом кусок длинного рукава от шелковой рубахи.

— Обвязи себе голову и закрой лицо, — сказал он. — Иначе солнце убьет тебя.

Киммериец сел в седло, и они вдвоем двинулись в путь.

* * *

Югонна шел рядом с конем Конана, пошатываясь, но не произнося ни слова жалобы. Несколько раз киммериец останавливался и давал ему воды из бурдюка. Драгоценные бабочки отвалились от туфель Югонны и остались где-то в песках. Затем развалились и сами туфли. Пустыня уничтожила их прежде, чем солнце заметно переместилось на небе.

Теперь Югонна шел по песку босой. Конан увидел, что на пальцах ног он носит перстни. Это было уже чересчур.

Конан натянул поводья.

— Садись на коня позади меня, — распорядился варвар. — Ты сожжешь ноги...

Югонна безмолвно забрался на коня. Животное протестующе заржало: было очевидно, что конь не желает нести двойную ношу. Конан потрепал его по гриве.

Происходящее все больше и больше раздражало киммерийца. Он хорошо понимал возму-

щение своего коня. Путешествие начиналось так хорошо! Даже слишком хорошо. В караван-сарае на варвара, желавшего пересечь пустыню в одиночку, посмотрели как на безумца и в долгие беседы с ним вступать не стали. Конь, которого Конан купил незадолго до этого, оказался выносливым и понятливым.

И вот теперь...

... Да еще эти перстни на пальцах ног! Последнее обстоятельство особенно угнетало Конана.

Наконец киммериец не выдержал. Обернувшись к своему спутнику, он спросил:

— Что такой неженка, как ты, делает в пустыне?

— Не знаю, — ответил Югонна.

— Что?

— Я не знаю, — повторил Югонна. — Не понимаю, как здесь очутился.

— Ты утратил память? — уточнил Конан на всякий случай. Он испытал облегчение: итак, никаких коварных спутников, никаких ушедших прочь караванов, никаких просьб догнать и покарать предателей.

— Нет, памяти я не терял, — отозвался Югонна. — Я хорошо помню, как ложился в постель в своем доме в Авенвересе...

— Это где? — перебил Конан.

— Далеко отсюда, это уж точно. Как ты, наверное, догадался, я принадлежу к богатой и знатной семье.

— Угу, — буркнул Конан.

— Я дремал, — продолжал Югонна, — а потом решил спуститься вниз, в комнаты моей матери, и поговорить с ней о... об одном семейном деле.

— Это важно? — спросил Конан.

— Для моей истории? Понятия не имею. В любом случае, я хотел поговорить с ней о моей женитьбе. Я надел туфли и потерял сознание. Когда я очнулся, кругом была пустыня — и никакой надежды на помощь. Вот и все.

— Может быть, тебя усыпили и доставили сюда так, что ты и не знал об этом? — предположил Конан. — Ты не знаешь, существуют ли враги у вашей семьи?

Югонна покачал головой.

— У каждой знатной семьи есть враги, такое в порядке вещей. Но я не думаю, чтобы наши враги прибегли к столь изощренному и трудоемкому способу мести. От меня можно было избавиться куда более простыми средствами. Видишь ли, у меня есть любовница и...

— Это точно не имеет отношения к делу! — оборвал Конан.

— Любой человек, имеющий любовницу, уязвим, — спокойно заключил Югонна. — В ее доме, а также по пути к ее дому его легко убить.

— Знаю, — сказал Конан мрачно.

— Ты, наверное, и сам проделывал подобные штукки, — добавил Югонна.

— Тебя это не касается.

— Хорошо.

И Югонна замолчал.

Неожиданно варвар напрягся. Ему показалось, будто некто следил за ним из укрытия. Он огляделся по сторонам, однако никого не увидел. Кругом по-прежнему расстилалась пустыня, плоская, как блин. Видно было на много полетов стрелы. Никого — ни коня, ни человека, ни демона. Даже орел, круживший в небесах, исчез.

И тем не менее Конан явственно чувствовал чье-то присутствие. Он слишком хорошо знал, как опасно бывает пренебрегать дикарскими инстинктами, особенно когда эти инстинкты предупреждают его о приближении неведомого врага.

В пустыне, помимо врагов, обладающих зり мой плотью, водятся враги незримые, вроде духов-ифритов, обитающих в глубине песков.

Но чутье говорило Конану о том, что неведомый наблюдатель — отнюдь не ифрит. Нечто иное.

Мгновение спустя ощущение пропало. Кем бы ни был этот наблюдатель, он скрылся.

Югонна заметил состояние своего спутника и осторожно осведомился:

— Что-то случилось?

— Мне показалось, — буркнул киммериец.

— Что тебе показалось? — уточнил Югонна.

Теперь его голос звучал настойчиво.

— Что за нами следят, — ответил варвар. — Разумеется, это невозможно. Мне показалось.

И тут наблюдатель, кем бы он ни был, вернулся. Снова чей-то холодный, недоброжелательный взор устремился на киммерийца. Конан невольно потянулся к своему мечу, но рука его застыла на полпути.

Конан криво усмехнулся. Будь он один, поехал бы с оружием наготове. Но этот Югонна, будь он проклят!

Неожиданно Конану пришло в голову странное соображение. А что, если Югонна знает больше, чем говорит? Что, если сей затерянный в песках аристократ каким-то образом связан с невидимкой? Лучше ему не знать о том, что Конан подозревает.

Конан громко, гортанно вскрикнул и погнал коня вперед. Он торопился добраться до оазиса, но куда важнее было понять, не следует ли за ними некто незримый.

Поэтому киммериец незаметно для Югонны заставил коня описать широкий полукруг, сильно отклонившись от первоначальной цели. Если бы спасенный следил за положением солнца, он догадался бы о маневре варвара. Но Югонна скоро утратил всю свою изначальную боевитость и, казалось, жил от глотка до глотка — он подавал признаки жизни только в тех случаях, когда киммериец протягивал ему бурдюк с водой, а

затем вновь впадал в полубессознательное состояние.

«Должно быть, солнце выжгло его рассудок, — размышлял Конан. — Он ничего не рассказывает о подлых предателях только потому, что не может о них вспомнить. Ложился в постель у себя дома? Надел туфли с бабочками, чтобы побеседовать со своей матерью касательно женитьбы? И вдруг очнулся посреди пустыни? Целый кусок жизни выпал из его памяти. Такие вещи бесследно не проходят... Что-то нехорошее здесь творится».

В отличие от своего измученного спутника, Конан хорошо ориентировался по солнцу. Он видел, как петля, которую он описывает, скоро приведет их к тому месту, откуда они начали путь. Здесь он найдет разгадку кое-каким странностям, которые с некоторых пор не дают ему покоя.

* * *

Конан натянул поводья, и конь остановился. Киммериец слез с седла. Югонна заставил себя открыть глаза — в последние часы он не то спал, не то впал в бессознательное состояние.

— Конан...

— Сиди спокойно, — приказал ему киммериец. — Я не собираюсь бросать тебя в пустыне, если ты об этом.

Югонна не стал возражать — то ли от слабости, то ли оттого, что Конан правильно угадал его подозрение. Разумеется, такое поведение варвара не противоречило бы в воспаленном сознании Югонны всему прочему, что произошло с беднягой аристократом. Сперва его бросают в пустыне, оставив ему лишь домашние туфли да нелепую в своей роскоши одежду. Затем спасают. А после опять бросают на прежнем месте. Абсурд тоже может быть последовательным.

Конан присел на корточки, рассматривая песок. То, что он увидел, подтвердило его первоначальную догадку. За ними действительно следили. Некто прошел здесь совсем недавно, отпечатки на песке были еще свежими. В пустыне следы сохраняются недолго.

Но это не были следы копыт верблюда или коня. Не похожи они были и на человеческие. Это был отпечаток когтистой лапы какого-то непривычного чудовища.

* * *

Вскочив в седло, Конан направил коня прямо к оазису. Больше никаких уловок, никаких кружных путей. Киммериец спешил. Тревога всадника как будто передалась животному: конь мчался изо всех сил.

Югонна не задавал ни одного вопроса. Кажется, он вообще плохо понимал, что происходит вокруг.

Неожиданно перед глазами киммерийца рассыпались искры. Это были бледные, слабо светящиеся искры, как бы растворенный в воздухе блестящий перламутр. Видение длилось недолго; затем свечение сделалось почти совсем незаметным, зато воздух впереди сгустился и стал вязким. Конь испуганно заржал и прыгнул назад, приседая на задние ноги. Югонна не удержался в седле и свалился на песок. Конан натянул поводья, стараясь успокоить коня.

Но животное обезумевшими от ужаса глазами косило в сторону стеклистого марева. Несколько раз конь взвивался на дыбы и бил в воздухе копытами. Наконец Конан усмирил его и спешился. Конь подталкивал своего хозяина мордой и шумно фыркал.

— Мне и самому все это не нравится, — проговорил Конан. — Но пустыня порой проделывает странные штуки. Как и море, она любит порой поиздеваться над человеком, и с этим ничего не поделаешь.

Он наклонился к Югонне, который скрчился на песке. Спутник Конана подтянул колени к подбородку и трясясь, то ли от озноба, то ли от страха.

— Эй, ты! Отпрыск знатного рода! Вставай!

Югонна, казалось, не слышал его. Зубы бедняги постукивали, выбивая причудливую дробь.

Конан хотел было вздернуть его на ноги, но тут странное свечение внутри густого воздуха привлекло внимание киммерийца.

— Кром!

Конан схватился за меч. На сей раз ничто не могло удержать его от порыва взяться за оружие. Что бы там ни думал о нем этот Югонна, Конан намерен встретить неведомое с мечом в руке. Говорят, будто призраков невозможно одолеть добной сталью. Говорят, будто меч бессилен перед тьмой. Но киммериец не раз убеждался в обратном.

Добрая сталь обладает собственной магией, и магия эта — доблесть. И какие бы ужасы не появились сейчас из глубины перламутрового свечения посреди пустыни, Конан-варвар готов к встрече с ними.

Сияние делалось все ярче, и скоро до слуха Конана донесся звук: как будто очень крупная птица хлопала крыльями перед тем, как взлететь. Злой орлиный клекот сопровождал это хлопанье.

Орел? Этого не может быть!

Конан на миг глянул на небо. Солнце заметно передвинулось к горизонту, но никаких птиц в небесах не было видно.

Киммериец снова перевел взгляд на сияние.

И вовремя! Стеклистая вязкая масса, в которую превратился воздух, расступилась, и, облитые перламутровым сиянием, точно водой, на песок перед киммерийцем выскочили два монстра.

Они были совершенно одинаковы, если не считать того, что один был немного темнее другого. Два огромных льва, в полтора раза больше самого крупного хищника, с гигантскими торчащими из пасти клыками, похожими на кривые турецкие сабли.

Вместо обычных львиных лап у них были когтистые ноги, похожие на птичьи, и когда один из них в ярости ударили себя хвостом по ребрам, Конан увидел на кончике хвоста — там, где у обычного льва была бы кисточка, — змеиную голову с разинутой в бешенстве пастью.

Чудовища присели на песке, готовясь к прыжку. Конан зарычал так, словно сам был злобным хищником, и поднял меч. В воздух взвилось могучее львиное тело. В прыжке монстр растопырил когти. Но целил он не в киммерийца, а в Югонну. Конан понял это еще прежде, чем лапы зверя коснулись песка.

С громким боевым кличем Конан набросился на зверя, оттесняя его от своего спутника. Меч с силой опустился на длинный извивающийся хвост. Острый клинок без труда перерубил позвонки, и отсеченная от тела чудовища змея с шипением поползла по песку, роняя яд с клыков. Она ус-

пела отползти на половину полета стрелы, когда жизнь покинула ее.

Раненый зверь зарычал в ярости и повернулся к киммерийцу. Второй хищник присел и тоже уставился на варвара желтыми глазами, в глубине которых светился нечеловеческий злобный разум.

— Кром! — взревел Конан, набрасываясь на чудовище.

Он нанес рубящий удар, целясь зверю между глаз. Быстрый, как молния, монстр отпрянул и в свою очередь махнул когтистой лапой. Два когтя задели киммерийца по бедру, и он ощутил, как горячая кровь бежит вниз по ноге: эти когти были не только длинными, но и острыми, точно бритва.

Второй монстр подкрадывался к Югонне. Он явно решил не вмешиваться в схватку. Пока его собрат пытается уничтожить Конана — неожиданную помеху на их пути — он сам намерен схватить заранее намеченную жертву.

Югонна со стоном зашевелился на земле. Конан не обращал на него внимания. Он сразу понял, что в битве с жуткими тварями от аристократа толку будет немного и даже испытывал подобие благодарности к Югонне за то, что тот не пытается геройствовать. Неподвижную жертву гораздо легче спасать. Бывают такие «герои», которые решают принять участие в сражении —

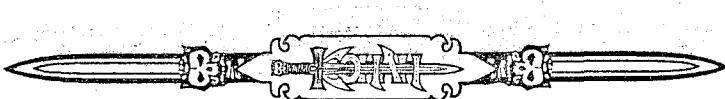
и потом другие вынуждены рисковать жизнью, чтобы выручить безрассудных храбрецов из беды. Многих неприятностей удалось бы избежать, если бы люди умели оставаться пассивными в тех случаях, когда это необходимо.

Междуд тем Югонна с трудом поднялся на колени. Он сорвал с головы повязку, которую соорудил было из отрезанного рукава, и снял с мизинца перстень с большим гладко отполированным прозрачным камнем. Не обращая внимания на кипящую возле него битву, Югонна бросил тряпицу на песок и поднес к ней перстень.

Солнечный луч, пойманный прозрачным камнем, упал на тряпицу, и она вдруг задымилась. Югонна засмеялся сквозь зубы. Еще немного — и тряпица вспыхнула.

Междуд тем Конан успел отсечь первому монстру одну лапу. Зверь, отчаянно завывая, откатился прочь. На песке остались ярко-красные следы звериной крови. Кровь хлестала из разрубленной лапы так обильно, что это казалось чудом.

Второй монстр пришел на помощь собрату. С утробным рычанием он прыгнул на варвара. Конан был готов к этой атаке и встретил чудище ударом меча. Клинок рассек гриву монстра, не причинив самому зверю никакого вреда. Пока Конан разворачивался для нового удара, зверь уже нацелил на него змею, и киммерийцу при-

шлось спешно отступать. Он не слишком боялся когтистых лап и зубастых пасти, но змеиный яд — другое дело. Оказаться отравленным посреди пустыни, где нет никаких противоядий, означало бы верную смерть.

Змея пролетела совсем близко, не задев щеки киммерийца лишь чудом. Конан ощущал ее зловонное дыхание, слышал разочарованное шипение. Зверь подпрыгнул и, перевернувшись в воздухе, приземлился на все четыре лапы. Его пылающие глаза смотрели прямо на киммерийца. Глухое рычание зародилось в брюхе существа, и оно разинуло пасть.

Конан отчетливо видел клыки-сабли и застрявшие между зубами зверя кусочки полусгнившей плоти.

Киммериец видел, куда вонзил меч. Он смотрел на обнажившееся фиолетовое небо зверя и знал, что клинок, войдя прямо туда, воткнется в мозг чудища.

Но зверь как будто читал мысли своего врага. Он с лязгом захлопнул пасть и в последний миг снова нанес удар лапой.

Конан выбросил вперед руку с мечом, и когти заскрежетали по стали. Один коготь был перерублен, зато удар звериной лапы оказался настолько мощным, что киммериец выронил меч;

Варвар тотчас бросился на песок ничком и откатился в сторону. Следующий удар пришелся

на пустое место. Смертоносные когти взрыли песок, взметнули вверх целую тучу пыли.

От разочарования зверь зарычал, широко разевая пасть. Раненое чудовище между тем зализало обрубок, оставшийся на месте отсеченной лапы. Кулья перестала кровоточить, и там, где зияло обнаженное мясо, уже появилась тонкая серая кожица. Рана зарастила прямо на глазах, хотя новая лапа у монстра, кажется, пока не появлялась.

Конан быстро оглянулся на второго монстра. Если так будет продолжаться, то долго он не продержится. Между тем безлапый, хромая, направился к Югонне. Он не отступил от своей изначальной цели.

Киммериец больше не сомневался в том, что ковы истинные намерения обоих зверей. Они охотились на его спутника. Они охотились на него с самого начала. И, кем бы они ни были и кому бы они ни служили, они каким-то образом связаны с тем, как Югонна очутился посреди пустыни.

Все эти мысли пролетели в голове у варвара, когда он начал подбираться к своему мечу, выпавшему у него из руки. Однако чудища недаром были наделены рассудком. Одно из них сразу же догадалось о намерении своего врага и стало так, чтобы киммерийцу было не схватить меч. Прежде чем Конан сумеет взять ору-

жение, ему придется разорвать монстра голыми руками.

Киммериец вскочил на ноги и яростно взревел:
— Кром!

В это мгновение он ощущал себя не менее диким, чем напавшие на него существа.

Монстр присел. В желтых глазах чудовища вспыхнула радость. Он предвкушал последнюю схватку, в которой у человека будет очень мало шансов.

Но прыгнуть на своего врага чудовище не успело. Безмолвно, как атакующая змея, Югонна метнулся к жуткому зверю. В руке у аристократа дымилась подожженная им тряпица. Выкрикивая какие-то странные ругательства, Югонна взмахнул тряпкой, точно знаменем, и все вокруг заволокло едким дымом. Конан тряхнул головой, как недовольный пес, и заворчал, но тут же замолк, когда увидел, какое впечатление произвел этот маневр на обоих монстров.

Они отступили и, улегшись на песке, принялись жалобно скулить и мотать головами. Из их широко раскрытых желтых глаз потекли обильные слезы.

— Бей их сейчас! — отрывисто бросил Конану Югонна. — Бей их, пока они слепы!

Он снова махнул тряпкой.

— Я сам сейчас ослепну! — рявкнул варвар, бросаясь к своему мечу.

Югонна шел за ним следом, не переставая водить по воздуху тряпкой. Сам аристократ отчаянно закашлялся, когда случайно глотнул дыма, но своего «оружия» из руки не выпустил.

— Проклятье! — закричал Конан. — Ну что, твари, берегитесь!

Первым ударом он добил изувеченного, а затем взялся за второго и для начала избавился от змеи на его хвосте. Обезумевший от страха и внезапно объявившей его темноты зверь, метался по песку взад-вперед, продевая не более десяти шагов в обе стороны и не решаясь вслепую броситься наутек.

Конан преследовал его молча. Югонна с дымящейся тряпкой в руке смотрел на своего спасителя. Движения варвара были такими же точными и полными грации, как движения любого дикого зверя, хищника, привыкшего убивать добычу. В них угадывалось врожденное благородство.

В несколько прыжков киммериец настиг монстра. Зверь еще пытался обороняться и рычал, оскалившись, но Конан одним мощным ударом отрубил ему голову. Затем выпрямился, обтер лицо краем одежды и сильно пнул гривастую голову зверя. Она откатилась далеко от туловища и пропала за барханом.

Конан перевел дыхание. Он постоял немного над обезглавленным туловищем, а затем широ-

ким шагом направился ко второму трупу. Этот зверь больше не двигался, его глаза уже остекленели, а вокруг натекла лужа крови. Но Конан решил не рисковать и тоже отсек ему голову. Варвар наклонился и схватил отрубленную голову за гриду.

— Зачем? — хрипло спросил Югонна.

— Они выскочили ниоткуда, — ответил Конан. — Ты видел, как они появились?

— Кажется... нет.

Югонна бросил тряпницу на песок и затоптал ее, а потом и засыпал песком, чтобы избавиться от удушилого дыма.

— Ты уверен, что не видел их появления? — настойчиво повторил варвар.

— Уверен. Я был без сознания, — сказал Югонна.

— Ладно, тогда я расскажу тебе. — Варвар огляделся по сторонам в поисках своего коня, но животное, напуганное схваткой с монстрами, убежало. Конан несколько раз пронзительно свистнул и криво улыбнулся: — Будем надеяться, что глупая тварь услышит мой призыв и вернется. Не то его ждет бессмысленная гибель в песках. Ладно, слушай, Югонна. Мы с тобой ехали по направлению к оазису, а за нами кто-то наблюдал. Я знаю это точно, потому что всегда чувствую подобные вещи.

— Понимаю, — кивнул Югонна.

Невозмутимый и отчасти важный вид аристократа взбесил киммерийца.

— Понимаешь? — переспросил он издевательским тоном. — Вот и хорошо, что понимаешь. Не знаю уж, кто там за нами следил, но охотился он за тобой. Надеюсь, ЭТО ты понимаешь тоже.

— Ну... да, — сказал Югонна.

— А потом воздух превратился в кисель, и твари вылезли оттуда, как по волшебству, — с кислой миной продолжил Конан. — У тебя есть какие-нибудь объяснения, коль скоро ты все понимаешь?

— Нет, — промолвил Югонна. — Я не в состоянии растолковать случившееся. Пока.

— Пока? Стало быть, потом ответы у тебя появятся? Хорошо бы это случилось поскорее...

— Я тоже этого хотел бы, поверь, — сказал Югонна.

— Они охотились за тобой.

— Я не стал бы утверждать это наверняка. Но... нам стоит поторопиться.

— Сперва подождем, не вернется ли конь. Пешком мы далеко не уйдем.

Югонна пожал плечами. Он изо всех сил старался держать себя в руках, но Конан видел: спокойствие аристократа напускное. Он то и дело озирался по сторонам, прислушивался, нервно потирал руки.

— За тобой кто-то гонится? — спросил Конан.

— Нет... почему ты так решил?

— Потому что ты испуган.

— Конан, я испуган потому, что видел этих монстров. Они пытались убить нас... не говоря уж о том, что я понятия не имею о причинах своего появления в этой пустыне. Неужели этого недостаточно?

Киммериец не ответил. Он подождал немногого, а затем резко хлопнул в ладоши. Югонна так и подскочил. Конан невесело засмеялся.

— Все-таки ты боишься.

— Я этого, кажется, не отрицал, — сердито проговорил Югонна. — Хватит потешаться надо мной.

— Нет ничего смешнее разодетого франта посреди пустыни, — заявил Конан. Он размахнулся и бросил гривастую голову далеко прочь.

— Давай пойдем. Чем дольше мы стоим, тем больше времени потеряем.

— Подождем еще немного. Конь мог убежать достаточно далеко.

Югонна сделал шаг, словно намеревался пойти дальше один, но затем замер на месте и прислушался. Слабая улыбка показалась на его лице.

Конан тоже услышал ржание коня и оглянулся. Умное животное вернулось. Конан подбежал к нему, погладил по морде.

— Молодец.

Он снял притороченный к седлу бурдюк — изрядно похудевший за последние несколько часов — и отпил сам, после чего позволил напиться своему спутнику.

— Солнце скоро сядет, и в воде уже не будет такой надобности, а к середине ночи мы будем в оазисе, — пояснил киммериец. — Так что не считай глотки. Просто взбодрись, нам еще ехать и ехать.

Югонна так и поступил. Когда Конан забрал у него бурдюк, вода булькала только на дне.

Оба путника уселись в седло и двинулись дальше. Как и говорил Конан, до оазиса еще оставалось значительное расстояние.

* * *

Скоро Югонна вновь впал в полу забытье. Тяжелые мысли ворочались в голове у Конана. Ему все меньше и меньше нравилась история, в которую он против своей воли ввязался. В том, что Югонна отчасти говорит правду, Конан не сомневался. Вероятно, аристократ действительно в последний раз помнил себя в собственном доме, в спальне, а переезд в пустыню остался для него загадкой. Здесь он не лжет. Ни один, даже самый изощренный лжец, не наденет такую обувь для путешествия по пустынной местности.

Вспомнив злосчастных бабочек на туфлях своего спутника, киммериец не смог сдержаться и насмешливо фыркнул. Да уж! Выдумают же такое!..

А вот появление жутких тварей из пустоты... здесь Югонна явно что-то недоговаривал. Он несомненно встречался с подобными существами и прежде. В противном случае откуда бы Югонне знать, что от дыма монстры задыхаются, слепнут и становятся на какое-то время совершенно беспомощными?

Кто он такой, этот Югонна? Почему за ним охотятся? Что им нужно от этого человека? И кто такие эти непонятные «они»?

Опять загадка — и Конан в самом ее центре.

Глава вторая Вести о странной женщине

Когатый месяц показался на черном небосклоне и увенчал собою ночь. Стало прохладно. Раскаленные пески пустыни нехотя отдавали свой жар. Усталый конь взбодрился и пошел быстрее. Даже Югонна очнулся от своего полузабытья и уселся за спиной Конана прямо — в последние несколько часов чужак бессильно наваливался на своего спутника, как будто жизнь окончательно оставила его.

Оазис появился перед путешественниками среди ночи. В первые мгновение, как всегда, он предстал почти невозможным видением. Казалось невероятным, чтобы после бесконечных песков вдруг перед глазами вырос настоящий город. И тем не менее все это существовало в действительности: и обильная роща финиковых пальм, и десятки домов, белеющих в ночном мраке, и приветливые огни караван-сарай, и рос-

лые стражники в тяжелых халатах, с саблями за поясом, охраняющие водопой.

Почуяя близость воды, конь заржал и помчался во весь опор, больше не чувствуя на себе тяжести двойной ноши.

Югонна встрепенулся.

— Это мне не чудится? — спросил он хрипло.

— Нет, — ответил киммериец. — Мы прибыли. Это оазис Шахба. Здесь можно передохнуть, пополнить запасы, а потом отправляться дальше в путь... Надеюсь, — прибавил он, — у тебя водятся деньги, потому что хозяева оазиса — люди жадные и требуют платы решительно за все, даже за клочок неба над головой, ведь это их собственный клочок неба.

— Их можно понять, — мягко промолвил Югонна. — Ведь здешняя вода — единственный источник их богатства.

— Не спеши оправдывать этих акул, — возразил Конан. — Они способны дать умереть тебе от жажды прямо возле их ног, если ты не в состоянии заплатить за глоток воды.

— Неужели это правда? — удивился Югонна.

— Да. Хотя обычно у человека всегда что-нибудь да находится. Близость смерти обостряет сообразительность... Но мне бы не хотелось платить за тебя, вот что я хотел, собственно, сказать, Югонна.

— Не беспокойся, — по голосу Югонны Конан

понял, что тот улыбается. — Тебе не придется выкладывать ни монеты. У меня есть деньги.

Ночная тьма придавала пейзажу какую-то эпическую торжественность. Финики свисали большими гроздьями. В просторных вольерах, разбуженные чужаками, завопили обезьяны, привезенные сюда специально для сбора урожая: в здешнем оазисе традиционно использовали для подобных работ животных. И хотя обезьяны съедали часть собранного, все же их хозяева оставались не в накладе. Найм работников обошелся бы куда дороже.

Для Югонны все это было в новинку. Он молчал, озираясь по сторонам и жадно впитывая новые впечатления. Конан мимоходом отметил про себя: какие бы испытания ни пережил этот человек, он все же не утратил способности интересоваться окружающим и даже удивляться. Признак сильного характера.

Конан подошел к источнику. Стражи повернулись к нему. Это были рабы откуда-то из Южных Королевств, чернокожие, огромного роста, неподкупные, неспособные внимать ни уговорам, ни лести, ни слезам. Они знали лишь один язык — язык денег, как и предупреждал Конан.

Длинные копья в их руках шевельнулись, готовые направиться в грудь незнакомцам.

Конан протянул одному из стражей пару монет, а его спутник снял с мизинца ноги перстень

и добавил свою лепту. Стражники переглянулись, в лунном свете белки их глаз блеснули. Не сковориваясь, молча, они расступились, пропуская путников к воде.

Конан дал напиться коню, после чего пополнил запас в бурдюке и только затем выпил сам. Югонна терпеливо ожидал, пока настанет его очередь, хотя и дрожал всем телом в нетерпении. И снова Конан поразился его выдержке. Югонна не проронил ни слова. И хотя каждая частица естества незнакомца рвалась к воде, он продолжал сохранять невозмутимость.

— Здесь есть постоянный двор, — обратился к нему Конан. — Можно заночевать там. Немного шумно, когда там останавливается караван, но в целом сносно. И можно поесть и купить в дорогу лепешек и сущеного мяса. Кстати, постоянные дворы здесь называются «сарай», имей в виду.

— Хорошо, — кивнул Югонна.

— Я рассказываю тебе все это потому, что намерен здесь с тобой рас прощаться, — объяснил киммериец, пока они шагали по направлению к караван-сарай.

Найти это здание оказалось совсем просто: оно единственное было построено из камня, а не из пальмовых листьев и комьев глины, и к тому же ярко освещено, несмотря на поздний час.

Югонна почти не слушал. Он смотрел на длинный дом с множеством крохотных проре-

зей-окон на фасаде, как будто пытался вопрошать его: какая здесь ожидает его судьба?

Идти босиком по прохладному песку было приятно. Но что ждет Югонну утром, когда солнце раскалит пески? Нежные ступни растрескаются, начнут кровоточить, и это убьет его раньше, чем вражеская стрела.

— Кстати, купи себе сапоги, — прибавил Конан хмуро. — Спроси харчевника, он присоветует, как это сделать.

— Так и сделаю.

Они вошли в широко раскрытые ворота и очутились во дворе. Здесь все кишело: верблюды, кони, ослы, наваленные горой тюки с товаром, сундуки, носилки, которые обычно возят на двух верблюдах, повозки и телеги — все это застремождало двор. Некоторые животные флегматично жевали, поглядывая по сторонам, иные беспокойно трясли головами и принимались кричать при первом же случае.

На кучах тюков полулежали стражники с обнаженными саблями. Они болтали, жевали какую-то одурманивающую жвачку и тупо смотрели на проходящих мимо путников. Впрочем, насколько знал Конан, при первом же признаке опасности они хватались за оружие и разили подозрительного человека с безрассудной отвагой.

— Не смотри на них, — прошептал киммериец своему спутнику. — Иначе они решат, что ты

оцениваешь их товар и пытаешься что-то украдь. А если им придет такое в голову, они не станут ни о чем спрашивать и просто-напросто убьют тебя.

— Но я ведь даже не приближаюсь к ним, — шепнул в ответ Югонна. — Зачем же им убивать меня?

— Посмотри на их глаза. Они одурманены своим зельем, для них доводы рассудка — ничто, и страха для них тоже не существует. Имей это в виду, когда будешь странствовать по здешним краям.

— Хорошо, — кивнул Югонна и больше не проронил ни слова.

Они пробрались ко входу в само здание. Оно было одноэтажным и не имело обычного для постоялых дворов разделения на общий зал и отдельные комнаты для постояльцев. Единственное помещение представляло собой и общий зал, и место для ночлега. Дальше от очага спали более богатые путешественники — их не тревожили бесконечные хождения взад-вперед других постояльцев иочные трапезы. Бедняки лежали вповалку ближе к проходу.

Конан привязал коня у пустой коновязи и засыпал ему зерна в кормушку. Югонна покосился на Конана, и киммериец объяснил:

— Хочешь спросить, почему эти врачи не взяли с меня деньги за зерно?

Югонна улыбнулся.

— Ты читаешь мои мысли, киммериец.

— Когда я говорил, что здесь позволят человеку умереть от голода и жажды, я имел в виду именно это, — сказал Конан. — Человек стоит в пустыне недорого, и его жизнью действительно не дорожат. Другое дело — лошадь. Коню позволяют напиться даже без денег, и накормить его можно тоже бесплатно. А вот если бы я взял горсть зерна для себя самого — тут, поверь мне, тотчас набежали бы блюстители и начали бы выворачивать мой кошелек.

— В каждой стране свои обычай, — произнес Югонна. Конан понял, что с помощью этой фразы его новый знакомец удержался от осуждающих замечаний в адрес обитателей оазиса.

Хозяин заведения не спал. Если бы его постояльцы были более внимательны к людям, они непременно задались бы вопросом: а когда он вообще спит? В любое время суток его можно было застать бодрствующим.

Объяснение этому имелось, и очень простое. Много зим назад хозяин приучил себя спать урывками, в любой момент, когда удается прикорнуть.

Кроме того, он пользовался различными снадобьями для бодрости духа.

Оглядев Конана и его спутника, хозяин удовлетворенно хмыкнул.

— Все лучшие места уже заняты, так что придется вам ночевать возле самого очага, — предупредил он. — Зато я могу хорошо накормить вас. Кажется, деньги при вас водятся. Знаете, — словоохотливо добавил хозяин, — всегда ведь заметно, при деньгах человек или с дырой в кошельке. Осанка другая...

Конан протянул ему три серебряных монеты.

— Это за меня, — сказал киммериец в ответ на вопросительный взор хозяина. — Подай мне мяса и, если найдёшь, вина. Кроме того, я хочу купить кое-чего в дорогу.

— Здесь мало для оплаты за двоих, — взор хозяина прояснился. — Но если у второго господина есть чем оплатить свое содержание...

Югонна ловко распахнул шелковую рубаху и открыл пояс, туто схватывающий его талию.

— Здесь у меня кое-что сохранилось, — сказал он. — Я хочу побывать в одиночестве, поэтому подай мне, что найдёшь съестного на своей кухне, вон в тот угол. А я тем временем достану монеты.

— Понимаю, — кивнул хозяин. — Иной раз на то, чтобы вытащить деньги, требуется время. Но если ты обманул и денег у тебя нет...

— То ты продашь меня в рабство, — заключил Югонна, улыбаясь уверенно.

— Нет, просто убью, — ответил хозяин так спокойно, что у Югонны мороз пробежал по коже.

Конан оценил деликатность случайного знакомца. В разговорах киммериец не раз упоминал при нем о том, что избрал путь через пустыню именно для того, чтобы избавиться от всякой компании. И теперь, едва только они добрались до оазиса, Югонна спешил освободить Конана от своего общества.

Киммериец уселся возле очага, скрестив ноги, и скоро ему подали большой кусок плохо прожаренной баранины и кувшин с разбавленным вином. Конан принял за позднюю трапезу.

Он уже совсем было выкинул из головы Югонну со всеми его загадками, как вдруг хозяин подсел к киммерийцу и доверительно проговорил:

— А знаете, господин варвар, что я вам скажу...

Конан поднял на хозяина убийственный взор. Более догадливый человек давно бы убрался прочь, встретившись с таким взглядом, но хозяин был не из таковских. У него имелось, что сообщить киммерийцу, и он не уйдет, не выполнив задуманного. Как все трактирщики, он был любопытен.

— Чудно одет ваш приятель, — продолжал хозяин.

— Да, одежка странная, — согласился Конан с набитым ртом.

— Совсем не для пустыни, верно?

- В самую точку.
- И босой. У него была хоть какая-то обувь?
- С бабочками, — лаконически ответил Конан.
- И что с нею стало?
- Улетела.
- Понятно... — Хозяин вздохнул, оглянулся на Югонну. Тот пил кислое молоко и жевал лепешки, обмакивая их в чашку с молоком, и явно не подозревал о том, что харчевник с киммерийцем обсуждают его.
- Что-то с ним не так? — спросил Конан.
- Просто не возьму в толк, как такой человек, как вы, оказались в столь странной и неподходящей компании.
- Это уж не твое дело, — сказал киммериец.
- Как знать, — ответил хозяин, поднимаясь. — А только тут была пару дней назад женщина.
- О! — вымолвил Конан. — Странно!
- Она путешествовала одна.
- Действительно странно. Хотя и такое случается.
- И одета была похоже.
- С бабочками?
- Вы мне не верите, — зашептал хозяин, то и дело косясь в сторону Югонны, — а ведь я правду говорю. Чудная была, вроде этого, который с вами приехал. Глазища на пол-лица, темные, а

сама бледная, как молоко. Платье — как у него рубаха, пояс под грудью, а когда ходит — видны штаны, и тоже с пузырями сверху, как бы подвязанные... Вот в точности как у него.

— Может быть, сейчас такое в моде где-нибудь в Аквилонии, среди тамошних аристократов, а мы здесь сидим посреди пустыни и ничего такого не знаем, — возразил Конан.

Харчевник с хитрой улыбкой покачал головой.

— За кого вы меня принимаете, господин варвар? Уж я-то хорошо знаю, что и где нынче в моде. Через мой караван-сарай проходят сотни торговцев, каждый со своим товаром. Они везут шелка и пряности, и готовое платье, и украшения... И все любят поговорить. Такой уж народ — болтливый. Рассказывают, что выгодно продавать, а что не окупится, будь товар хоть трижды хороши. Нет такой моды — штаны с пузырями и рубаха с прорезями почти до пят. Нигде нет. И ни один торговец такой одежды не везет. Да и сам этот шелк... Вы к нему хоть приглядывались?

— Не было времени, — отрезал киммериец.

— И напрасно! Роспись ручная, я такой не видывал. Без трафаретов, понимаете? Как будто художник рисовал. Или каллиграф.

— Не вижу в этом ничего особенного. Кхитайские богачи любят такие вещи.

— Любят! Но роспись не кхитайская. Уж это-то вы могли бы заметить. И шелк слишком плотной выделки. Такого тоже сейчас не делают. Во всяком случае, я не встречал.

— Мало ли чего ты не встречал, — проворчал Конан. — У меня была любовница, воровка и акробатка, женщина всяческих достоинств, — ее ты тоже, полагаю, не встречал.

— Зонара? — улыбнулся караванщик. — Нет, ошибаетесь, любезный: ее я встречал пару раз...

Конан только развел руками.

Хозяин, довольный тем, что последнее слово осталось за ним, отошел от киммерийца, предоставив тому в одиночестве дожевывать мясо, а одно и осмыслять полученные сведения.

Ничего нового Конан, собственно, о своем спутнике не узнал. Одежда странная? Не заметил бы этого только слепой.

А вот наличие некоей женщины, одетой похожим образом, удивило киммерийца по-настоящему.

И если такой моды действительно нет нигде в Хайборийском мире, значит, эта женщина каким-то образом связана с Югонной...

Конан достал из кошеля монету и положил рядом с кувшином.

Хозяин тотчас появился рядом и услужливо улыбнулся. Он поклонился киммерийцу:

— Что угодно господину?

Когда хозяин выпрямился, монета уже исчезла. Конан восхитился ловкостью, с которой это было проделано.

— Расскажи еще про ту женщину.

— Про какую женщину?

— Не притворяйся! — рыкнул киммериец. — Ты понял, о ком я спрашиваю.

— А, про ту — бледную, в чудном наряде... — Трактирщик задумался. — Ничего особенного. Расплатилась драгоценностями. Отдала кольцо с камнем. Простое колечко, но камень хороший. Денег у нее при себе не было. Впрочем, она бы и телом могла бы расплатиться, охотники бы нашлись... И вот еще что. Конь у нее был такой же чудной, как и она сама. Или верблюд? Тут уж все сбежались поглязеть.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Конан.

— Имею в виду чудного верблюда, — упрямо повторил хозяин. — Размером он точно был с верблюда. Ноги мощные, копыта раздвоенные и лохматые сверху, понимаешь? Вот эдакие. — Он растопырил пальцы руки. — А шея длинная, длинней, чем надо. Разве в полтора длинней, думаю. И голова крупная, мясистая, а глазки маленькие и почти без ресниц. Мы его хорошенко рассмотрели, этого зверя. Он сперва зерно брать не хотел. Как будто никогда прежде зерна не видел. Потом, правда, расprobовал. И даже понравилось ему. Странный, говорю тебе.

— Все это странно, — промолвил Конан.

Хозяин подмигнул ему и отошел.

Киммериец скоро растянулся прямо там же, где сидел, заложил руки за голову и заснул крепким сном без сновидений.

* * *

Между тем Югонна все не знал, на что ему решиться. Он покончил с трапезой и наконец снял пояс. Как он и говорил Конану, прежде чем очутиться в пустыне, он находился у себя дома, в спальне. В пояссе этом он носил несколько монет на счастье, согласно обычаю, принятому в семье. Когда мать преподносила Югонне пояс, она объяснила:

— Ты никогда не должен расставаться с этой вещью. В пояс зашито десять монет. Таков обычай. И хотя мы давно уже утратили нужду в том, чтобы постоянно иметь под рукой деньги, память об этом не умрет. Наши предки построили благосостояние семьи благодаря тому, что всегда могли расплатиться за услуги. И пояс — напоминание об этом.

— Я понял, — кивнул Югонна.

Странно, что слова матери сбылись буквально. Югонна никогда и в голову не приходило, что пояс с монетами может стать чем-то большим, нежели просто символ.

Он вытащил золотую монету и положил ее на ладонь. Она была красива, в своем роде совершенна: треугольная, исписанная знаками на одной стороне и украшенная изображением сидящей богини — на другой.

Эта монета поможет ему расплатиться за ночлег и еду. А что ожидает его дальше? Куда ему отправиться? Где его дом? Югонна даже приблизительно не представлял себе, в какую сторону ему направиться...

Краем уха он уловил обрывок разговора Конана с хозяином. Те, очевидно, считали Югонну чем-то вроде слабоумного, потому что обсуждали его самого в его же присутствии и даже не считали нужным понизить голос.

Он услышал: «... чудная одежда... женщина, одетая так же... и верблюд странный, с длинной шеей...»

Югонна поднял руку, подзываая хозяина. Тот приблизился, встал рядом, всем своим видом выражая готовность усугубить.

— О чём вы только что говорили с киммерийцем? — требовательно спросил Югонна.

— Но, господин, вряд ли тема нашего разговора может заинтересовать вас, — харчевник отвел взгляд.

— Если я спрашиваю, значит, меня это интересует, — возразил Югонна.

— Господин, — твердо произнес харчевник, —

я не могу пересказывать вам то, что говорил другому постояльцу. Это невежливо по отношению к нему.

— Да? — Югонна прищурился. — А обсуждать мой внешний вид и мои манеры в моем же присутствии — это, по-вашему, вежливо?

— Если мы и делали это, то без всякого недоброжелательства.

— Вот как? Коли вы оба такие мои доброжелатели, то и скрывать вам нечего, так что выкладывай правду.

Югонна раздвинул пальцы, и в просвет мелькнул золотой отблеск монеты, которую он накрыл ладонью при приближении хозяина.

Глаза у харчевника загорелись ответным блеском. Он опять поклонился своему гостю.

— Кажется, я увидел что-то блестящее.

— Точно.

— Возможно, я могу рассказать кусочек нашей беседы. Так, самый незначительный и невинный. Ничего особенного и уж конечно никакого недоброжелательства.

— Сделай милость.

— Я говорил, что видел женщину, одетую похожим образом. Мода, видите ли, весьма странная. Обращает на себя внимание. И женщина эта ехала на верблюде со слишком длинной шеей и, что странно, с маленькими глазками. У верблюдов, если вы имели удовольствие наблю-

дать их, глаза обычно большие, как у красивой женщины..

— Выпущеные, ты хотел сказать?

— Выпущеные? Я хотел сказать — большие, — харчевник выглядел оскорбленным, как будто замечание касательно глаз верблюдов чем-то его задело. — Словом, вот такой странный был у нее скакун. А одежда точно как у вас, только женская — рубаха длинная.

— Куда она направлялась? — спросил Югонна.

— В сторону караванной тропы на Кхитай.

— Благодарю. — Югонна сжал пальцы, поднял руку с монетой и повернул ее ладонью вверх. — Надеюсь, золотого хватит для того, чтобы окупить все расходы на мою персону и беспокойство, мною причиненное.

— И заботы о вашей безопасности, — подхватил харчевник. Но когда Югонна подал ему монету, харчевник отшатнулся в ужасе, словно увидел гремучую змею.

— Что это?

— Ты о чём? — Югонна удивленно уставился на хозяина. — Что тебя так испугало?

— Это. — Хозяин показал на монету. — Что это такое?

— Деньги.

— Это что угодно, только не деньги! — выкрикнул хозяин, дрожа. — Уберите эту отвратительную штуку!

— Ты с ума сошел, любезный! — Югонна повысил голос и теперь разговаривал с харчевником так, словно тот был его слугой, в чем-то провинившимся. — Что ты называешь «отвратительной штукой»? Это ведь золотой!

— Да пусть он хоть из чистого алмаза, — пробормотал хозяин. — Треугольник. Проклятый символ. Кто ты такой? Кто ты, а? Ты, с твоими штанами жуткого вида, с твоей странной рубахой без рукава — это такая мода, да?

— Нет, рубаха пострадала во время путешествия, — криво усмехнулся Югонна.

Но трактирщик продолжал смотреть на него с ужасом и отвращением.

— Кто ты такой? — повторил он шепотом. — Почему твои деньги треугольные?

— Объясни для начала, что дурного в треугольной монете, — попросил Югонна.

— Я поклоняюсь солнцу, — ответил хозяин и нарисовал круг в воздухе. — Митра — мой бог, тот, кому я возношу мои молитвы, кому вверяю мою судьбу. Здесь, в пустыне, солнце — жестокий и требовательный бог. Это не такое божество, к которому можно относиться легкомысленно. Солнце в состоянии убить тебя одним лучом. Ни один человек в здравом уме, обитая посреди пустыни, не станет оскорблять такого бога. Если солнцу станет неугодно мое поклонение, оно выпьет наш источник вод, и мы погибнем. Мы все

погибнем! А ты предлагаешь мне монету в форме треугольника! Да это же кощунство!

Плюясь и делая пальцами знаки для отвращения беды, хозяин отошел от Югонны. Отступая, он пятился спиной вперед в опасении — как бы опасный незнакомец не наслал на него каких-нибудь жутких чар.

И потому не заметил, как очутился возле спящего киммерийца.

Когда о Конана споткнулись, он тотчас пробудился. С проклятьем схватился за оружие и вскочил. При этом хозяин сильно стукнулся лбом и не удержал равновесия, так что они с Конаном, сплетаясь, снова рухнули на пол — на сей раз оба. Конан сомкнул руки на шее хозяина и прорычал:

— Почему ты напал на меня?

Но полузадушенный хозяин не в состоянии был вымолвить ни слова.

Конан выпустил его. Харчевник закашлялся и не мог прийти в себя довольно долго. Наконец он прохрипел:

— Прости. Я тебя не заметил.

— Меня? Не заметил? — изумился огромный киммериец.

— Да, потому что я шел спиной вперед.

— Он боялся, что я запущу в него чем-нибудь тяжелым, — подал голос Югонна, приближаясь.

Завидев его, хозяин дернулся, как будто хотел бежать, но Конан удержал его на месте.

— В чем дело? — осведомился киммериец. — Коль скоро мне помешали спать, я желаю знать причины. Да говорите поживей, вы оба, иначе я придуши вас по очереди.

Он встярхнул хозяина за плечо. Тот послушно начал:

— У него треугольные деньги. Я таких никогда не видел.

— Покажи, — велел Конан Югонне.

Тот, пожав плечами, протянул киммерийцу монету. Конан взял ее, повертел в руке, попробовал на зуб.

— Золото, — определил киммериец. — Довольно красивая. Работа искусная. Сразу видно, что монета большого достоинства. Интересно, кто такие чеканит?

— Князь Лемуан, — сказал Югонна. — Разве ты не умеешь читать?

Он перевернул монету, лежавшую на широкой ладони Конана, и показал значки.

— Не на всех языках, — буркнул Конан. — Что за князь Лемуан? Впервые слышу такое имя.

— Я же говорил! — вставил хозяин. — Все это весьма подозрительно.

— А? — Конан посмотрел на харчевника так, словно видел его впервые. — Больше тебе нечего

сказать? В таком случае, ступай. Ты мне прискучил.

Он отпустил хозяина, и тот почти мгновенно исчез. А Конан уставился на Югонну с интересом.

— Чем же ты так перепугал его?

Югонна уселся рядом с киммерийцем.

— Похоже, не судьба нам с тобой расстаться, Конан, — заговорил он.

Конан нахмурился.

— Почему? Кажется, мы договорились, что начиная с оазиса каждый пойдет своей дорогой.

Югонна как будто не заметил этих слов.

— Скажи, Конан, как тебе понравились мои деньги?

Киммериец поднес к глазам золотой треугольник и долго смотрел на него. Затем перевел взгляд на Югонну:

— Это золото, вот и все, что я могу тебе сказать. Золото очень хорошего качества, добавлю как человек, имевший много дел с этим желтым металлом. Какую форму ему ни придай, оно останется золотом. И наверняка есть место, где эти монеты принимают с большим удовольствием.

— Да, — серьезно подтвердил Югонна. — Там, откуда я родом, на такую монету можно купить очень красивую наложницу, или породистую лошадь, или несколько книг в кожаном переплете,

или десять, а то и пятнадцать мешков отборного зерна... Продолжать?

— Я понял, — кивнул Конан. — Осталось только найти то место, откуда ты родом, и предъявить деньги. Впрочем, золото обладает способностью находить себе друзей в любой местности.

— Как выяснилось — нет.

— Наш хозяин поклоняется солнцу, — возразил Конан. — Его религиозные принципы очень сильны и обладают одной неприятной особенностью, которая вообще свойственная религиозным принципам: они зачастую берут верх над здравым смыслом.

— А у тебя не так?

— Нет, — сказал Конан. — Мой бог — Кром, а Крому нет никакого дела до людей и уж тем более — до того, какую форму они придают своим монетам.

— В таком случае, я хотел бы нанять тебя, — сказал Югонна. — У меня есть еще девять таких монет, и ты получишь по крайней мере половину, если доведешь меня до караванной тропы на Кхитай.

— Зачем тебе туда?

— Если верить нашему хозяину, именно в том направлении ехала женщина, одетая по той же моде, что и я.

Конан вздохнул. В конце концов, все обернулось именно так, как он и предвидел. И даже ес-

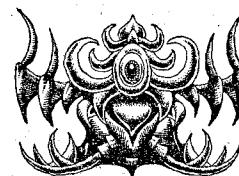

ли Югонна сперва вел себя совершенно неожиданным образом, то в конце концов сделал то, что от него ожидалось с самого начала: попытался нанять Конана в проводники.

И, естественно, Конан не нашел в себе сил отказаться: Югонна предлагал хорошие деньги. А кроме того — киммериец не хотел себе признаваться в этом, но это было именно так, — некая тайна, окружавшая Югонну, становилась все интересней и дикарское любопытство киммерийца с легкостью победило осторожность.

— Ладно, — пробурчал Конан. — Я согласен. В конце концов, до кхитайской караванной тропы не так уж и далеко. Там ты встретишь какой-нибудь большой караван и сможешь присоединиться к нему. Только придется купить тебе лошадь — мой конек явно не в восторге от того, что сегодня мы ехали на нем вдвоем.

Югонна сжал плечо Конана и отошел на свое место возле очага, где и заснул, так безмятежно, словно ночевал не в караван-сарае, среди чужаков, посреди безводной пустыни, а у себя дома, в той самой шелковой постели, где устраивался на ночлег накануне — до того, как начались его приключения.

Глава третья Похождения разбойника

разбойник Ширкух не спешил. Он промышлял в этих песках уже второй десяток зим и до сих пор не знал неудачи. Его жертвами становились одиночки, отбившиеся от караванов, гонцы, отчаянные малые, отправившиеся в странствия в поисках счастья... Всех их ожидал один и тот же конец: неожиданно из-за бархана перед ними появлялся Ширкух, красивый, рослый, смуглый, с белозубой улыбкой на лице. Один взмах сабли — и бездыханное тело валится на пески, захлебываясь кровью.

Иногда добыча Ширкуха оказывалась богатой, иногда — ничтожной, но он не пренебрегал ни одним встречным. Это позволяло ему процветать.

О нем ходили самые разные слухи. Никто из встретившихся с Ширкухом не оставался в живых, чтобы рассказать остальным — как выглядит легендарный разбойник, каков его обычай.

У него не было своей шайки. Он охотился как волк-одиночка, чтобы ни с кем не делиться ни опасностями, ни добычей.

А этот путник вообще представлялся Ширкуху недостойным даже того, чтобы всерьез размышлять над тем, как лучше нанести удар. Казалось, нет ничего проще: просто подъезжай к нему и бери голыми руками.

Ширкух заметил его на закате. По пескам шел немолодой мужчина. Все в этом человеке было странным. Возможно, кто-нибудь и насторожился бы, приметив столь необычную фигуру посреди пустыни, но только не Ширкух: знаменитый разбойник считал ниже своего достоинства удивляться чему-либо.

Что с того, что путник немолод? Седые волосы, красиво уложенные локонами, ниспадали на широкие плечи незнакомца. Ясные глаза глядели на луну так, словно ожидали от нее откровения, и луна щедро заливала бледным светом роскошный парчовый халат путника, его нижнюю рубаху, и еще одну рубаху, выглядывающую из-под первой.

Эта трехслойная одежда красиво колыхалась при ходьбе, ее длинные полы собирались в причудливые складки.

На ногах у старика были мягкие сапожки, украшенные драгоценными камнями и вышивками. Если бы он сидел верхом на лошади, это еще

могло бы понять, но он шел в подобной обуви пешком!

Ширкух ухмылялся, наблюдая за своей будущей жертвой. Чего только не встретишь в пустыне! Впрочем, к чему рассуждать о неразумии старого глупца? Чем легче захватить добычу, тем лучше. Ширкух не принадлежал к числу тех дураков, что воображают, будто трудная победа приносит им много чести.

Коль скоро Ширкух всегда был один, некому будет восхититься его храбростью и ловкостью, а потому легкая добыча всегда будет предпочтительней.

Итак, старику было роскошно одет. Первая странность. Вторая — он находился в пустыне один. Его не сопровождали слуги, не было рядом телохранителя — вообще никого. Третья удивительная особенность старца заключалась в том, что он даже не шел по пустыне, а как бы прогуливался. Можно подумать, он совершает приятную прогулку где-нибудь в прохладном саду, среди фонтанов, а не среди барханов.

Последнее обстоятельство взбесило Ширкуха больше всего. Ну надо же! Можно подумать, что в пустыне нет никаких опасностей! Не бывает песчаных бурь, налетающих внезапно и убивающих все живое, нет смертоносных солнечных лучей, не водится хищников... не говоря уж о разбойниках.

Ширкух пришпорил коня и неожиданно предстал перед путником. Широко и приветливо улыбаясь, как он это делал всегда, Ширкух воскликнул:

— Какая удивительная встреча!

— Воистину так, — ответил старик. — Встреча удивительная... Но скажи мне, дитя мое, что ты делаешь посреди этой пустыни один? Разве ты не знаешь, что здесь может быть небезопасно?

— Вот так дела! — вскричал Ширкух. — А я-то думал, что только меня одного беспокоят подобные обстоятельства. Частенько я задаю одиноким путникам этот вопрос... И знаешь что, старик? Ни один из спрошенных мною еще не дал мне внятного ответа.

— Полагаю, все они мертвы, — заметил старик.

— Ты зришь в самую суть вещей, — вежливо ответил Ширкух. — Но я обязан был покарать их за неразумие.

— И кто поставил тебя здесь карателем? — прищурился старик.

— Я сам назначил себя на эту должность, — ответил Ширкух. — И раз до сих пор никто не оспорил этого моего права, я остаюсь при своем.

— А, — промолвил старик и склонил голову набок, рассматривая Ширкуха так, словно тот изрядно его позабавил.

Ширкух вдруг покраснел от гнева. Он понял, что путник попросту издевается над ним. Испус-

тив яростный боевой клич, он выхватил саблю и помчался прямо на старика. Разбойник замахнулся, намереваясь снести старцу голову и покончить с ним раз и навсегда, но старик ловко отскочил. Казалось, он не перепрыгнул, а перелетел с бархана на бархан. В лунном свете блеснуло лезвие, и маленький метательный кинжал вонзился Ширкуху в щеку.

Разбойник взвыл и развернулся коня. Он снова помчался в атаку на упрямого старика. И снова тот успел увернуться, поднырнув под живот коня и выскочив с другой стороны. Второй крохотный метательный кинжалчик воткнулся в плечо Ширкуха. Третий, брошенный почти мгновенно вслед за вторым, пронзил ладонь разбойника, и тот выронил саблю.

Одним стремительным броском старик метнулся к упавшей сабле и наступил на нее.

— Ты побежден, — обратился он к разбойнику. Тон старика был суровым, взгляд — пронзительным. Теперь Ширкух поразился тому, как мог не замечать властной осанки старца. Совершенно очевидно, этот человек привык повелевать другими.

«Может быть, это маг, — в ужасе подумал разбойник. — Как я мог так ошибиться? Но откуда в нашей пустыне маг? Здесь они не встречаются просто потому, что здесь нет ничего интересного... ничего интересного для магов».

Впрочем, разбойник счел за благо промолчать.

— Так ты признаешь мою победу? — осведомился старик.

— Да, — хрипло кивнул разбойник.

Старик безжалостно выдернул свои кинжалы из тела покорившегося ему пленника. Тот лишь вскрикивал при каждом новом рывке, а затем обмяк на песке у ног старика.

— Очень разумно, Ширкух, — сказал старик. — Потому что если бы ты не согласился подчиниться мне, пришлось бы убить тебя и искать кого-нибудь другого.

— Да, — тупо повторил разбойник.

Старик ударил его по лицу.

— Приди в себя! Мне не нужны слуги, которые ничего бы не соображали и только твердили «да, господин!» Если бы я захотел завести таких, я купил бы на рынке десяток глупых рабов... Мне нужен хищник, но хищник прирученный, преданный лично мне.

— Я готов, — сказал Ширкух.

— Отлично! — воскликнул старик. — А теперь слушай, что ты должен сделать. Через пару дней на этом самом месте появится одна женщина.

— Женщина?

— Да. Не перебивай. Тебе под силу справиться с женщиной? — презрительно осведомился старик. — Потому что меня ты одолеть не смог. Сумеешь победить хотя бы женщину?

— Полагаю, да... Если только она не пользуется какими-нибудь магическими штучками...

— То, чем пользовался я, тоже не было «магическими штучками», как ты выражаяешься, — поморщился старик. — Самые обыкновенные кинжалы, только брошенные умелой рукой и попавшие в цель. Кстати, я один раз промахнулся. Не веришь?

Он наклонился и поднял с земли маленький кинжалчик.

— Хотел отсечь тебе ухо, да промазал. — Старик улыбнулся с обезоруживающей простотой, но Ширкух не ответил на эту улыбку. Он просто ждал, что воспоследует дальше. Из всего, что разбойник успел увидеть, он понял: старик далеко не так стар и слаб, как кажется, и совершенно явно представляет собой не то, чем видится стороннему наблюдателю.

— Слушай меня внимательно, — продолжал старик. — Ты должен находиться на этом самом месте еще два дня. Понятно? Никуда не отлучайся. Надеюсь, воды у тебя довольно. Жди. Через два дня она здесь появится — эта самая женщина. Она будет одета приблизительно так же, как и я. Может быть, вместо нижней рубахи на ней будут штаны — в таком случае, они будут похожи на шаровары, только гораздо короче. Потрогай шелк, из которого сделаны мои рубахи. Потрогай, не бойся.

Разбойник протянул дрожащую руку и осторожно коснулся кончиками пальцев халата своего собеседника. Шелк был на ощупь очень плотным и прохладным. Разбойник быстро отдернул руку, как будто обжегся.

Старик с насмешливым любопытством наблюдал за ним.

— Ну как?

— Никогда такого не видел, — признался Ширкух. — Наверное, этот халат стоит целого состояния. Можно купить целую деревню.

Он даже облизнулся, произнося это. Старик рассмеялся.

— Люблю простые человеческие чувства в их откровенных проявлениях! Даже трясясь от страха за свою никчемную жизнь, ты не перестаешь быть алчным.

— Алчность — моя натура, — не стал спорить Ширкух. — Может быть, я жив до сих пор именно благодаря этому своему качеству.

Старик хмыкнул.

— Что ж, будем надеяться, что ты прав... Теперь запоминай. Через два дня здесь появится дама в шелках. Знаю, у такого негодяя, как ты, сразу возникнет мысль переспать с нею, а потом продать ее в какой-нибудь богатый гарем. Ты сразу оценишь ее красоту: бледное лицо, большие черные глаза... К тому же она очень нежная, и с первого взгляда видно, что она получи-

ла отменное воспитание. Все это так, и все же воздержись от искушения. Ты должен убить ее.

— Убить? — вскрикнул Ширкух.

— Именно так... Надеюсь, твоих жалких сил хватит на то, чтобы справиться с женщиной.

— Я не намерен обсуждать такие вещи, — выпрямился Ширкух. Его лицо приняло обиженное выражение.

Старик опять рассмеялся.

— Ты не одолел седого человека, который гордится тебе в деды... Возможно, женщина также будет представлять для тебя трудность. Кстати, велика вероятность того, что она будет верхом на одном звере, который покажется тебе диковинным. Этот зверь немного похож на верблюда, хотя на самом деле совершенно верблюдом не является. У него длинная шея... Чрезмерно длинная. Понял?

Ширкух кивнул. Все происходящее вдруг начало казаться ему сном.

Старик как будто читал его мысли.

— Тебе, наверное, думается: уж не сон ли все это? — спросил он. И добавил: — Но это все происходит наяву. И я — тоже реален, а доказательством пусть послужит тебе вот это.

И он, сняв с пояса, бросил Ширкуху кошелек. Разбойник схватил маленький мешочек, поймав его на лету, дернул кожаные завязки и высыпал на ладонь горстку золотых монет странной тре-

угольной формы. Старик наблюдал за ним с на- смешливым любопытством.

— Это очень большие деньги, — заметил старик.

Разбойник быстро попробовал монету на зуб и прошептал:

— Золото!

— Чистейшее золото, — подхватил старик. — И я дам тебе в десять раз больше после того, как увижу голову той женщины.

— Хорошо, хорошо... — пробормотал разбойник, пряча кошелек под рубаху. — За такие деньги всякая мысль о продаже женщины в богатый гарем испаряется из моей головы... и исчезает в мареве пустынного полудня.

— Молодец, ты быстро учишься, — одобрительно кивнул старик.

— Я хотел спросить только одну вещь, — не- решительно проговорил разбойник.

Старик, который уже собрался было уходить, обернулся.

— Что тебя интересует? — бросил он через плечо. — Я сказал тебе все, что нужно. Ты получил задание и аванс. Остальное — после выполнения поручения. В чем дело?

— Что... что она такого натворила, эта женщина, если тебе нужна только ее голова? — спросил Ширкух, осмелеев. — Ибо, могу предположить, в женщине голова — далеко не самое ценное.

Старик рассмеялся.

— Да, ты прав — голова не самая нужная часть тела у женщины, тем более у красивой; но в данном случае голова, отделенная от туловища, будет свидетельствовать о несомненной смерти означенной особы.

— В чем ее вина? — спросил Ширкух напрямую.

— А, тебя беспокоит это... — старик пренебрежительно усмехнулся.

— Да, — твердо ответил разбойник.

— У такого негодяя, как ты, есть принципы?

— Вовсе нет; просто я считаю убийство женщин расточительством.

— Что ж... Она украла у меня одну вещь. Медальон. Это очень ценная вещь. Священная реликвия, если угодно. Утрата подобного предмета является несмываемым позором для меня.

— Ты жрец? — спросил разбойник.

— Это не имеет значения — и в любом случае тебя не касается, — сказал старик. — Я говорю о реликвии. О медальоне. Такой позор, как утрата его, можно смыть только кровью. Мне совершенно не нужно, чтобы та, которая сумела провести меня и выставить на посмешище, оставалась в живых и получила возможность трубить везде и всюду о своем триумфе.

— Что ж, — вымолвил разбойник торжественно, — считай, что мы договорились. Медальон и

голова женщины — в обмен на десять таких же кошельков.

Старик кивнул и сделал еще несколько шагов, постепенно удаляясь от Ширкуха. Разбойник вдруг ощутил слабость. Все-таки во время схватки он получил несколько довольно болезненных, хотя и неопасных ран. Он пошатнулся и сел на песок, держась за кровоточащее плечо. На миг он отвел взгляд от своего нанимателя, а когда снова посмотрел в ту сторону, там уже никого не было.

— Неужели я действительно спал? — проворчал он. — Но нет, рука по-прежнему болит, и дырка в ладони осталась, хотя и перестала кривить. А главное — со мной денежки этого старикиана. Да будь я проклят, если двинусь с этого места, пока не встречу женщину и не сниму с плеч ее хорошенькую головку. А с такими денежицами можно будет отойти от дел и прикупить собственный дом — с садом, гаремом и прочими радостями.

Он растянулся на песке и безмятежно заснул.

* * *

Указанный срок близился. Ширкух с тревогой поглядывал по сторонам. Он понятия не имел о том, что должно произойти. Женщина появится здесь, на этом самом месте, сказал старикиан с

кинжалами. Что, собственно, имел в виду старый хрыч?

За те два дня, что Ширкух провел на одном месте, разбойник успел прийти в себя. От страха перед таинственным старцем не осталось и тени. Теперь в мыслях Ширкуха незнакомец был ничем иным, как «чудаковатым стариком» и «богатым бездельником» — как, собственно, разбойник и привык именовать всех, кого считал своей законной добычей. Ширкух как будто позабыл о той ловкости, с которой «богатый бездельник» ушел от удара саблей и в ответ разделся с самим нападавшим. Теперь, оставшись наедине с пустыней, Ширкух снова был самим собой: сильным, хитрым, безжалостным.

Он вытащил саблю из ножен и положил рядом с собой на песок. До чего же хороша! Как изящны линии, какая сдержанная мощь таится в смертоносном изгибе клинка!

Ширкух вздохнул, потянулся за флягой, сделал глоток воды. Затем задрал голову и посмотрел на солнце. Уже скоро. Если только старик не ошибся.

Золотые треугольники приятно отягощали пояс Ширкуха. Когда ожидание делалось невмоготу, он вынимал монеты и рассматривал их. Он никогда не видел таких денег, но это ничего не значило: в мире много стран, где Ширкух еще не побывал. В одном из цивилизованных государств

Хайборийского мира наверняка найдется применение и этим золотым крошкам.

Ширкуха поражало искусство, с которым были выполнены монеты. Обычно он держал в руках медяки с кое-как оттиснутым номиналом и грубым подобием царского изображения, реже — серебро, более ценное по материалу, но такое же грубое по исполнению. Золотые монеты, попавшие в руки разбойника, были хороши, иногда даже весьма хороши, но и им было далеко до золотых старика.

Каким бы невежественным ни был Ширкух, он недурно разбирался в качестве товара. И сейчас определенно видел, что ничего из попавшегося ему прежде даже близко не стоит по искусности работы со стариkovыми треугольничками.

Тонкость исполнения монет в очередной раз убеждала Ширкуха в их высокой номинальной стоимости. Очень хорошо, отлично! Еще пара часов — и у него будет целый мешок этого добра.

Неожиданная мысль поразила Ширкуха. Старики велел ему добыть голову женщины и медальон... Старики обещал заплатить... Но как и где они встретятся? Каким образом старец намерен выполнять свою часть уговора?

От этой мысли Ширкуха бросило в жар. Он почувствовал, как пот выступил у него на лбу, заструился между лопаток. Болван! Он бранил

самого себя последними словами. Как он мог не договориться о месте и обстоятельствах встречи? А если старики его обманут? Если Ширкух останется посреди пустыни с обезглавленным трупом и мешочком денег — без всякого вознаграждения?

Зачем, в таком случае, все эти труды? Если старики — маги? Что ж, он хорошо посмеется над глупым Ширкухом. В свое магическое зеркало — или в магическом шаре, или что там у него имеется для ясновидения, — старики полюбуется на то, как разбойник выполняет его задание. Как он старается. А потом, удостоверившись в том, что дело сделано и кошунница наказана, старики попросту выбросит Ширкуха из головы.

Что ж, решил в конце концов Ширкух, в любом случае он не останется внакладе. Аванс сам по себе достаточно велик.

Неожиданно подул ветер. Мысли Ширкуха оборвались: он поднялся на ноги, взял в руки саблю и внимательно всмотрелся туда, откуда летел потревоженный ветром песок.

— Что за ерунда? — прошептал он. — Что происходит?

Если начиналась песчаная буря, то следовало вскакивать на коня и поскорее уходить. Но буря обычно так не начиналась. Сперва небо должно было изменить свой цвет, в воздухе появляется тяжесть... Здесь же все происходило мгновенно,

и никакой тяжести в воздухе не ощущалось — напротив, разбойнику дышалось на удивление легко.

Скоро он заметил и источник ветра — небольшой смерч, который не спеша двигался над барханами. Столб из подвижного песка был высотой приблизительно в два человеческих роста и совсем невелик в обхвате. Он был строен, если можно применить такое определение к смерчу, и на ходу извивался. Неожиданно Ширкух понял, что смерч напоминает ему танцовщицу, которая приближается к своему господину, виляя бедрами и поводя плечами, так, чтобы грудь ее была выставлена в наилучшем и самом соблазнительном виде.

И как только эта мысль пришла ему в голову, он мгновенно осознал: вот то, о чем предупреждал старик! Женщина здесь, внутри смерча.

Разбойника опять бросило в холодный пот. Что происходит?

Неужели она — тоже колдунья?

Следует держать с ней ухо востро, иначе она поразит его чарами прежде, чем он успеет отрубить ей голову.

«Да, — решил Ширкух, — я заговорю с ней по-дружески. Пусть считает, что намерения у меня самые добрые. Пусть расслабится и спрячет свои магические молнии подальше. А когда

она не будет ни о чем подозревать, снесу ей голову — и покончу на этом».

Смерч добрался до того места, где ожидал Ширкух, и вдруг остановился. Песок начал осипаться, и скоро перед глазами удивленного разбойника предстала всадница.

Она восседала на животном, которое имело отдаленное сходство и с лошадью, и с верблюдом: у зверя были раздвоенные копыта, очень крупные, мускулистые ноги, мощное туловище, чрезмерно длинная шея, увенчанная мясистой головой с крохотными глазками.

Всадница, в отличие от скакуна, производила весьма приятное впечатление. Ее бледное лицо, казалось, чуть светилось, как будто было изваяно из алебастра.

Большие темные глаза смотрели задумчиво и вместе с тем с испугом: ее явно озадачила встреча с незнакомцем. Крупные нежные губы были перламутрового оттенка.

Дорогой плотный шелк ее одежды украшала роспись, и Ширкух разглядел филигранно изображенные домики, ветви деревьев и таких же верховых животных, как и то, на котором восседала женщина.

А на груди у нее возлежал небольшой круглый медальон без всяких украшений. Медальон был медным и очень старым, о чем свидетельствовали зеленоватые пятна.

Ширкух улыбнулся своей обаятельной улыбкой и протянул к женщине руку.

— Здравствуйте, прекрасная госпожа. Вижу, вы немного заблудились в этой пустыне...

Она продолжала рассматривать его большими влажными глазами. Впрочем, увиденное быстро успокоило ее. Она увидела то, что и должна была: красивого молодого мужчину с открытым лицом, доброжелательного, с учтивым и мягким обхождением. Мужчину, который знал свое место, когда встречал знатную даму.

— Кто вы? — тихо спросила она.

— Мое имя Ширкух, — был ответ. — Я здешний житель.

— Вы живете прямо в песках? — удивилась она. — Разве такое возможно?

— Пустыню напрасно называют пустыней, — возразил Ширкух. — Она вовсе не пуста. Смотрите, — он наклонился, призывая ее рассмотреть какую-то крохотную норку в песке, — видите?

— Нет, — нерешительно отозвалась она.

— Если вы сойдете с вашего... животного, то сможете рассмотреть, — настаивал он.

Она насторожилась.

— Вы хотите, чтобы я спешилась?

— В этом нет никакой нужды, я просто хотел показать вам норку сурка, — быстро сказал Ширкух. Ему вовсе не нужно было пугать женщину раньше времени. Но она должна сойти со

своего скакуна, иначе ему трудно будет убить ее.

— Здесь обитают сурки? — улыбнулась она.

— И сурки, и многие другие зверьки, не говоря уж о диких верблюдах... Во время сезона дождей пустыня цветет. Это самое завораживающее зрелище в мире. К сожалению, сезон дождей очень недолог.

— Как интересно! — воскликнула она, оглядываясь по сторонам. — Я подозревала, что рано или поздно сочетание зеркал и формул приведут к подобному результату, однако никогда прежде не видела... — Она осеклась, как будто спохватилась, что наговорила лишнего, и тотчас перевела разговор на другую тему: — Больше всего меня интересуют растения.

— Я могу показать вам целую кучу всяких растений, — заверил ее разбойник. — Если вы проедете со мной несколько миль по пескам, то увидите чудные заросли.

— Заросли? — недоверчиво улыбнулась она, оглядывая песчаные волны.

Разбойник громко расхохотался.

— Так я называю мои любимые пучки верблюжьей колючки. Они растут неподалеку отсюда.

Он сел на своего коня и двинулся вперед. Женщина, явно заинтересованная обещанием, поехала следом. Ширкух лихорадочно соображал: каким образом ему напастить так, чтобы она не

успела заколдовать его. Наверное, верблюжья колючка покажется ей интереснее, чем нора суслика, и она все-таки сойдет со своего монстра.

Они проделали несколько миль в полном молчании.

Женщина молчала так естественно и спокойно, что Ширкух еще более утвердился в изначальном мнении: это аристократка, знатная дама, для которой важнее всего ее собственное настроение. Она привыкла не обращать внимания на слуг и не считает нужным развлекать беседой спутников.

Но до чего же хороша! В воображении Ширкуха то и дело возникали то ее светящиеся але-бастровые щеки, то стройная шея, то чудная ямка у основания шеи, видная в воротнике одежд. А ее нежные руки! О, если бы эти пальцы прilаскали Ширкуха!..

Он мотнул головой, отгоняя непрошенные мысли. Он должен убить ее и получить деньги. Наверняка она — жуткая уродина, а ее соблазнительная внешность — лишь маска. Колдуны часто так поступают. Заманивают в свою постель мужчин, а когда те удовлетворяют их страсть, обрачиваются отвратительными старухами и в довершение всего пожирают своих незадачливых партнеров.

Нет уж. Он, Ширкух, не так прост. Его не проведешь подобными фокусами.

— Вот здесь, — он натянул поводья и остановил коня. — Если угодно, можете посмотреть сами.

Она увидела чахлый блекло-зеленый пучок, выросший среди песков, и радостно засмеялась.

— В самом деле! Я бы, пожалуй, сорвала его.

— Это не так просто, он довольно прочно сидит на своем месте. У него длинные корни, так что лучше его не рвать, а резать, — сказал Ширкух.

Он потянулся за саблей (вот удачный момент!), и в этот миг что-то в его улыбке выдало намерения разбойника. Может быть, он слишком пристально посмотрел на женщину, прицеливаясь заранее к ее шее, а может быть, она правильно истолковала хищную улыбку, появившуюся на его лице.

Как бы там ни было, она испуганно вскрикнула и погнала прочь своего мощного зверя. С громким проклятьем Ширкух погнался за ней. Больше не было нужды притворяться. Он держал саблю наготове и изо всех сил погонял коня.

Всадница явно опережала преследователя. Ее зверь был мощнее любой лошади, к тому же обладал куда более длинными ногами. Следовало отдать женщине должное — она была превосходной наездницей. Уверенно и крепко держалась в седле и направляла своего скакуна твердой рукой.

Но Ширкух недаром провел в пустыне всю свою жизнь. Он знал здесь все тропы и пути. Это только невеждам кажется, будто в пустыне безразлично, какой путь избирать — везде она одинакова. Ничего подобного! Ширкух видел неизримые тропы и знал, куда лучше ехать, если хочешь обойти противника.

Скоро появится вади — пересохшее русло древней реки. Женщина потеряет скорость, направляясь на другую сторону. Там он и перехватит ее. Он знал другой путь, в обход, так что ему не придется спускаться на дно этого оврага.

Вереща, точно демон, Ширкух гнал вперед своего коня.

* * *

До пересохшего русла оставалось совсем немного, когда неожиданный порыв ветра бросил горсть песка прямо в лицо разбойнику. Он защмурил глаза и сердито затряс головой. Что происходит?

Конь испуганно заржал и поднялся на дыбы. Ширкух не без труда удержался в седле. Он выругался последними словами. Не хватало еще потерять коня в этой пустыне! Никогда прежде с ним не случалось подобного позора — не случится и сейчас.

— Стой спокойно, глупая тварь, — обратился он к коню, — это всего лишь ветер, и...

Он не успел договорить. Прямо перед ним начал сгущаться воздух. Справа и слева все было чисто: все так же светилось небо, и песчаные волны устремлялись к горизонту, в то же время оставаясь неподвижными. А в двух шагах от того места, где в испуге застыл Ширкух, все обстояло совершенно иначе. Все потемнело и утратило ясность, мельчайшие частицы песка и пыли медленно поднимались наверх и закручивались спиралью. Новый смерч, гораздо больше предыдущего, рождался на глазах Ширкуха из ничего, из пустоты. Он не прилетал издалека, не сходил с небес, он формировался, как бы возникая из пустоты.

Постепенно воздух чернел и делался все более плотным. Каждый вдох давался Ширкуху с трудом. В эти мгновения он забыл о женщине, о старице, о медном медальоне и о треугольных золотых монетах. Застыв на месте, он боролся за свою жизнь, за право дышать. Он попытался уйти, но конь отказывался сделать хотя бы шаг. Животное как будто приросло к месту и мелко тряслось всем телом. С губ коня срываилась пена, ноздри дрожали. Затем конь громко захрапел, обнажая зубы.

В этот самый миг смерч закончил формироваться и явился перед Ширкухом во всей своей смертоносной красоте и могуществе. Тучи песка закрутились с невероятной быстротой, столб взле-

тел на высоту в пять человеческих ростов и двинулся прямо на Ширкуха.

Он сделал последнюю попытку сдвинуть коня, но было уже поздно: вращающаяся темнота опустилась на разбойника и накрыла его.

Неодолимая сила подняла его в воздух вместе с конем. Ширкух ощущал, как взлетает все выше. Он стиснул зубы и изо всех сил вцепился в гриву коня. Животное ржало и было копытами, попадая по пустоте. Песок избивал обоих, и коня, и всадника, и Ширкуху казалось, что некто сдирает заживо кожу с его лица и рук.

Они летели в неизвестность, окруженные мраком и ревом колдовской бури.

* * *

Ширкух не мог сказать, как долго продолжался этот полет. Наверное, он потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел своего коня спокойно стоящим неподалеку, а себя — простирым среди барханов. Никаких следов бури не было и в помине.

На миг Ширкуху подумалось: уж не проспал ли он все это время, уж не привиделось ли ему во сне все случившееся — и созданный чародейством смерч, и красивая женщина с медным медальоном на шее?

Но видение — даже если оно и было нереальным — оставалось в памяти слишком ярким, чтобы можно было выбросить его из головы.

Ширкух пошевелился и тотчас застонал: все его тело было избито и болело. Он поднес руку к лицу: на ладони осталась кровь. Нет, смерч ему не привиделся. Все это произошло на самом деле.

А значит... А это значит, что необходимо продолжить погоню! Проклятье, он даже не знает теперь, где находится женщина и в какой стороне ее следует искать. Не говоря уж о том, что Ширкух понятия не имел о том, куда занесло его самого.

Он заставил себя подняться на ноги и забраться в седло. Затем огляделся.

Он узнавал это место. Пустыня охотно открывала ему свои тайны. Да, смерч — не иллюзия: Ширкух и впрямь теперь в тысячах полетов стрелы от того места, где встретился с таинственным стариком.

Что ж, нельзя медлить. Вперед! Он удариł пятками коня и помчался в погоню. Что бы ни происходило, какие бы злокозненные чары ни напускали на него враждебные колдуны, он намерен заработать свой мешок денег, а для этого требуется доставить старцу медальон и голову женщины.

Ширкух не давал отдыха ни себе, ни своему скакуну, пока не очутился возле того самого

места, где возник первый смерч, из которого явилась женщина. Отсюда следует начинать преследование. Нужно только внимательно осмотреться и отыскать следы.

Конечно, пустыня быстро заносит все следы, но от Ширкуха, ее верного сына, у пустыни нет тайн. Он сумеет рассмотреть то, что ускользнет от взора менее опытного следопыта.

Здесь. Он спешился и наклонился над первым отпечатком. Вот в этом самом месте стояло то жуткое животное, на котором она восседала.

Ширкух вдруг услышал слабый стон. Он подскочил, как ужаленный. Это еще что за новость?! Кто здесь может находиться? Неужто она вернулась? Может быть, ее перенесли сюда чары старика? Может быть, старик заранее позаботился о том, чтобы она не могла покинуть определенного для нее места? Это было бы очень кстати и существенно облегчило бы Ширкуху работу.

Он оскалился, предвкушая завершение своих трудов. Но тотчас крик разочарования вырвался из груди разбойника.

Там, где он ожидал увидеть женщину, в неловкой позе лежал какой-то непонятный мужчина.

Несколько мгновений Ширкух рассматривал этого нового незнакомца. Несомненно, тот был богат и знатен — как и красотка на монстре. Таких холеных, белых ручек Ширкух не видывал даже у самых балованных красавиц из гаремов. А

крашеные ногти! А туфли — о боги! Его туфли были украшены шелковыми бабочками, усыпанными мельчайшими драгоценными камушками! Ширкух не сдержал смешка. Тяжко придется этому разнаряженному индюку в пустыне, если он вздумает идти по пескам в подобных туфельках!

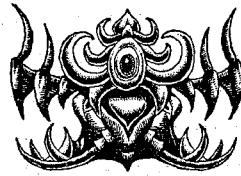
Шелковая одежда незнакомца была сделана по тому же образцу, что у старика и женщины. Сомнений в этом не оставалось: такой же плотный шелк, такая же искусственная яркая роспись.

При виде штанов незнакомца — с большими буфами наверху, с лентами под коленом, — Ширкух громко расхохотался. Если когда-нибудь он, Ширкух, сделается богатеем и сможет содержать собственный двор, он непременно заведет себе шута. И обрядит его сходным образом. То-то будет потеха!

В последний раз оглянувшись на бесполезного разнаряженного чужака, Ширкух равнодушно проехал мимо. О мужинах старик не говорил ничего. До мужчины Ширкуху не было никакого дела. Ему требовалось только одно: разыскать ту женщину.

Несчастный богатей, волей капризной судьбы и чьих-то непонятных чар заброшенный в пустыню, был обречен на гибель. Наверное, он созергал это в предсмертном сновидении.

И только случайность привела на это место Конана-киммерийца — несколько часов спустя.

Глава четвертая История Югонны

Ревратившись из спасенного и облагодетельствованного чужака без рода и племени в состоятельного нанимателя, Югонна несколько изменил свое обхождение с Конаном. Теперь он держался как человек, который получает некие оплаченные им услуги, — молчаливо, с едва уловимым высокомерием.

Конан решил пока терпеть это обхождение. Киммериец хорошо знал: рано или поздно во время их путешествия случится нечто такое, что быстро събьет спесь с молодого красавчика. Нужно только подождать.

Едва рассвело, они выступили в путь. Югонна отчаянно спешил, это было очевидно. Рассказ о незнакомке верхом на диковинном звере совершенно лишил его сна и покоя. Как только они покинули оазис, Югонна обратился к Конану:

— Умоляю тебя, веди меня самым коротким путем! Мы обязаны отыскать ее как можно быстрее, иначе... иначе может случиться беда, и тогда уже ничего нельзя будет поправить.

Киммериец пожал своими широченными плечами.

— От того, что ты беспокоишься и сутишься в душе, дорога не станет короче, а твоя лошадь не побежит быстрее. Загонять коней — верный путь к погибели. Так что смотри на меня и подражай мне во всем.

Югонна чуть растянул губы в улыбке.

— Стало быть, ты — образец для подражания?

— Именно, — кивнул варвар. — Учи, у меня целых два весомых довода в пользу этого утверждения.

— Интересно.

— Тебе интересно? — Киммериец изобразил удивление. — В таком случае, слушай и запоминай. Во-первых, другого образца для подражания у тебя сейчас нет. А во-вторых, я до сих пор жив.

— Я тоже, — тихонько заметил Югонна.

— Благодаря мне, — напомнил киммериец. Югонна засмеялся.

— Я надеялся, что ты забудешь об этом. Не будем больше тратить времени на разговоры — в путь! Я должен найти ту женщину как можно скорее, и ты мне в этом поможешь.

Конан только покачал головой.

Чем-то Югонна нравился ему. Возможно, тем, что не сдавался при виде непреодолимых, на первый взгляд, трудностей. Ничто не могло сбить аристократа с избранного им пути. Даже гибель шелковых бабочек он воспринял stoически, а это уже говорит о многом.

Они ехали по пустыне, Конан впереди, Югонна — сразу за ним, след в след. Солнце старалось убить их, терпеливо, час за часом, ни на миг не оставляя своих попыток. Они обмотали головы тряпками, закрыли лица, чтобы уберечься от ожогов. Югонна, которому солнце обожгло щеки и лоб, к тому же смазался маслом, купленным в оазисе специально для этой цели, и теперь, смешанное с потом, это масло пропитывало его повязку и нестерпимо воняло. Однако Югонна stoически переносил это испытание.

То и дело он опускал веки, не в силах выносить яркий свет, но снова и снова поднимал их и всматривался в окружающие его пески: не видно ли женщины.

Но видел он только спину Конана.

Киммериец тоже высматривал впереди незнакомку. Вся эта история не на шутку занимала его теперь. В голове тянулись привычные мысли: если у Югонны имеются при себе девять монет, то у его подруги, возможно, найдется еще... И если они оба жаждут встречи, то, вполне вероятно, их щедрость не будет знать границ. Во вся-

ком случае, Конан позаботится о том, чтобы границы эти расширить как можно больше.

Несколько раз киммериец бросал через плечо взгляд на своего спутника — чтобы проверить, не случилось ли с ним беды. Как бы стойко ни держался Югонна, все же он совершенно не был приспособлен для подобных испытаний. Вдруг солнце все-таки довершило свою смертоносную работу? Вдруг Югонна забыл хлебнуть воды из фляги и потерял сознание? За ним нужно следить.

Конан не принадлежал к числу таких проводников, что только и ждут смерти работодателя, дабы прикарманить денежки, не выполнив поручения, и смыться. Нет уж. Он взялся доставить человека в нужное ему место — и он проследит за тем, чтобы клиент добрался куда ему нужно в целости и сохранности.

Киммерийцу не хотелось признаваться себе в том, что Югонна начал вызывать у него подобие симпатии. И это — несмотря на тот легкий налет высокомерия, который появился у Югонны нынче утром.

В очередной раз посмотрев на Югонну, Конан вдруг заметил, что тот как будто начинает растворяться в воздухе. Киммериец придержал коня и оказался вровень со своим спутником. Тот как будто не слишком озабочился происходящим и продолжал тащиться вперед, поглядывая

сквозь щелки между покрасневшими, распухшими веками.

— Кром! — пробормотал Конан. — Нет, мне не чудится!

Югонна действительно стал почти прозрачным. Контуры его фигуры размылись, сделались нечеткими и начали сливаться с мутным воздухом. Затем, как будто от толчка, все вернулось, и перед Конаном вновь был прежний Югонна, закутанный в белое покрывало всадник на выносливой и смиренной лошадке.

— Кром! Проклятье! Что здесь происходит? — взревел киммериец, хватаясь за оружие и поднося острие меча к горлу своего спутника. — Кто ты такой?

Югонна молча смотрел на него. Оба остановили коней и замерли посреди пустыни. Куда ни кинь взгляд — кругом ни души, и даже орел не кружится над головой, только солнце застыло в точке зенита.

— Ты кто? — повторил киммериец. Голос его зазвучал угрожающе. — Ты только что начал исчезать. Ты колдун?

Югонна не ответил, продолжая взирать на киммерийца мутным взором.

— Отвечай! — заорал Конан.

— Ты хочешь убить меня? — спросил Югонна. Его голос прозвучал до странного спокойно и ровно. Казалось, то говорит человек, сидящий у

себя в гостиной, в удобных креслах. Югонна держался так, словно его собеседник вовсе не был разъяренным варваром с мечом в руке, готовым убить его в любое мгновение.

— Клянусь Кромом, я сделаю это! — ответил Конан мрачно. — Ты колдун?

— Нет — в обычном понимании этого слова, — ответил Югонна. — Убери оружие. Я не могу разговаривать таким образом. Ты ведь видишь, я безоружен и полностью в твоих руках.

— Если ты колдун, то вовсе не безоружен, — возразил киммериец, не отводя меча. — Я знаю вашу братию и все ваши уловки. «Я бедный старичок, у меня нет даже ножа, чтобы защитить свою жалкую жизнь», — передразнил киммериец кого-то несуществующего и продолжил своим обычным голосом: — А потом — раз! — заклятие, и сильный, мужественный воин лежит с раздробленной головой, и никто даже не понял, что произошло. Нет, я тебе не верю.

— Тебе придется мне поверить, — сказал Югонна. — Впрочем, если ты оставишь меня в живых, у тебя будет время убедиться в том, что я говорю правду. Я не колдун.

— Я собственными глазами видел, как ты начал становиться прозрачным, а потом опять обрел плоть в этом мире, — сказал Конан, убирая меч. — Учи, я очень быстро могу вытащить меч из ножен. И мне уже доводилось убивать холод-

ной сталью колдунов, даже самых могущественных. Так что не советую лгать мне...

— Я ведь уже сказал, что говорю тебе только правду! — в голосе Югонны послышалась досада. — Все дело в том, что я сейчас существую... в двух мирах... должно быть, это именно так, потому что никакого другого объяснения случившемуся я не нахожу... И чары эти — не мои.

Он произнес слово «чары» с очевидным отвращением. Это было отвращение ученого, вынужденного называть некое явление совершенно неправильным словом, приоравливаясь к низкому умственному уровню слушателя.

— Остановимся на отдыхе, — предложил Конан. — Ничего не случится, если мы задержимся ненадолго. В пустыне все происходит медленно, даже если ты за кем-то гонишься. Уж поверь мне.

* * *

— Я родился в Авенвересе, — начал свой рассказ Югонна. — Это великолепный город, один из самых примечательных в Атлантиде.

— Атлантида? — перебил Конан. — Так назывался давно погибший мир...

— Тот осколок погибшей Атлантиды, где расположена мой родной город, мы называем именем целого континента, — сказал Югонна. — Он не всегда сообщается с Хайборийским миром.

Лишь иногда путь из нашей Атлантиды в ваш мир оказывается доступен, да и то немногим и на очень короткое время. У наших ученых нет объяснений для этого явления. А ваши никогда не задавались подобными вопросами...

— Продолжай, — сказал Конан. — Я тоже нечасто задаюсь подобными вопросами. К тому же я вообще не ученый.

— Хорошо, я расскажу тебе все... Авенверес процветал благодаря науке. Целые дворцы науки были построены на центральных площадях. Ты даже не можешь представить себе, как они выглядели! Это были огромные лабиринты, множество стен, мириады комнат и лабораторий под прозрачными крышами. Можно было годами находиться внутри такого лабиринта и не выходить наружу. Там устроены и спальни, и кухни, провизию доставляли туда по отдельным ходам, прорубленным так, чтобы простонародье не могло повстречаться с учеными и смутить их чистый разум.

Я знал старых ученых, которые никогда не бывали за пределами лабиринта. Они даже не знали, откуда берутся все те продукты, которые поддерживали в них жизнь. Годами они были погружены в изучение небесных светил или различных веществ, из которых они создавали лекарства, яды и всевозможные растворы, необходимые для строительства, очистки материалов

или крашения одежды. Другие занимались исследованиями в области шелкопрядства, третья изучали искусства... Ты даже представить себе не можешь, как разнообразна наука в лабиринтах нашего города!

— Я бывал в Стигии, — скромно заметил Конан.

— Стигия? — удивился Югонна. — Это где?

— Неважно, — отмахнулся Конан. — Продолжай.

— Сам я изучал свойства зеркал и стекол, — вернулся к своему рассказу Югонна. — Зеркала обладают удивительной особенностью превращать самый тонкий лучик света в мощное пламя.

— Это любой ребенок знает, — фыркнул Конан. — Не понимаю, что тут изучать.

— Существуют определенные законы, которые управляют этим превращением, — объяснил Югонна. — Я получал неслыханное наслаждение, рассматривая различные сочетания зеркал и... Впрочем, не буду утомлять тебя описанием моих исследований, — спохватился он. — Я жил не в лабиринте, а в доме моей матери. Точнее, в моем собственном доме. После смерти отца я стал главой семьи. Но я очень люблю и почитаю мачтушку, поэтому и называю мой дом — ее домом. И по поводу женитьбы я тоже решил с нею посоветоваться. Хотя, конечно, все уже было сговорено между мной и Далесари. Да, мою невесту

зовут Далесари, и именно ее мы сейчас пытаемся отыскать...

Югонна вздохнул. Он взялся за флягу, но вода в ней кончилась, и Конан налил туда из бурдюка еще.

— Продолжай.

— Мы с Далесари познакомились в лабиринте. Она занималась исследованием растений. Составляла книгу. Ее работа не имела прикладного характера. Ей просто хотелось описать как можно больше растений. Ее книга — это нечто потрясающее! Огромный том, больше тысячи страниц, и на каждой — описание растения, изображение его и, если есть возможность, засушенный образец. Очень интересно. Она была просто помешана на том, чтобы собрать всеохватывающую коллекцию.

Меня поразила эта девушка своей целеустремленностью. Мы проговорили с ней целый день. Видишь ли, она заблудилась в лабиринте — что немудрено, — и случайно оказалась в моих рабочих комнатах. Я вызвался проводить ее, но по дороге мы запутали оба. Должно быть, то была воля богов, чтобы мы надолго остались наедине. В конце концов мы очутились на кухне, и нам пришлось выбираться из лабиринта по рабочему ходу, вслед за какими-то воюющими мясниками в забрызганных кровью фартуках! Мы сочли это приключение непристой-

ным и забавным и, оказавшись на улице города, долго смеялись. Ничто так не сближает, как общие испытания и смех.

К концу дня я понял, что влюблен. Это было совершенно новое для меня чувство. Обычно я увлекался только научными достижениями, и из-за них способен был не спать ночами. Однако на сей раз все обстояло иначе. Стоило мне закрыть глаза, как я видел перед собой Далесари... В ней воплотился для меня весь зримый мир.

— Ну, такое бывает, — нехотя признал Конан. — Должно быть, она действительно хороша. Впрочем, как бы хороша ни была женщина, всегда найдется нечто лучше...

Югонна бросил на киммерийца уничтожающий взгляд, которого Конан даже не заметил.

— Далесари тоже полюбила меня. Она сказала мне об этом через несколько дней, когда мы снова встретились в лабиринте. Я был счастлив... Мы забросили наши научные занятия и только разговаривали да обнимались, и так проходили целые дни...

— Болтали и обнимались? — Конан презрительно фыркнул. — Да вы просто теряли время, вот что я тебе скажу!

— Нет, мы вовсе не теряли время, — рассердился Югонна. — Ты совершенно не понимаешь, что такое любовь.

— Не понимаю, — не стал отрицать варвар. —

По-моему, при встрече с женщиной, которая тебе по сердцу, нужно как можно скорее тащить ее в постель. Разумеется, в том случае, если и ты ей по сердцу и она не возражает против того, чтобы хорошо провести время вдвоем. Вот и все.

— Можно получать наслаждение от легкого прикосновения, от встречи взглядов, от обмена мыслями, — сказал Югонна. — Я не хотел торопиться, да и она этого избегала. Мы решили вступить в брак и провести вместе остаток жизни. К этому имелось одно-единственное препятствие... Она имела опекуна — дядя, брата отца. Ее родители давно умерли, и дядя — его имя Ронселен — вырастил Далесари как собственную дочь. Здесь нужно упомянуть еще о том, что все семейные средства Далесари, в основном то, что она унаследовала от матери, находились в распоряжении ее дядюшки.

— Позволь, я угадаю, — перебил Конан. — Как только речь от сладких объятий и бессвязных речей перешла к деньгам, я сразу стал догадливым. Этот Ронселен растратил все состояние своей подопечной. Да?

— Именно это я и выяснил, действуя через подставных лиц, — признал Югонна. — Для меня не имело значения то обстоятельство, что Далесари оказалась бедна. Я взял бы ее и без приданого. Но ее дядя продолжал изображать из себя заботливого опекуна. Если бы Далесари вы-

шла замуж, ему пришлось бы выделить ей приданое. А никакого приданого уже не существовало. За растрату денег подопечной Ронселену грозила смертная казнь. Таковы наши законы.

— Стало быть, он мог еще долго морочить голову окружающим, если бы только Далесари не вздумала выйти замуж, — заключил Конан. — Поэтому он решительно возражал против вашего брака.

— Да. Сначала я подумал, что не понравился ему — я сам, лично. Но как я мог не понравиться? Я из знатной семьи, наше состояние весьма значительно, намерения мои касательно Далесари абсолютно чисты — да и она меня любила... Почему же Ронселен возражает? Здесь явно скрывалась какая-то тайна, и я приложил некоторые усилия, чтобы раскрыть ее.

— Ясно. Страх разоблачения — вот основная причина.

— Именно. Все это стало мне известно... А спустя какое-то время Ронселен перехватил моего человека и выпытал из него все, что тот успел рассказать мне. И тогда злодей начал действовать.

Пользуясь какими-то своими средствами, он забросил меня сюда. Когда я очнулся посреди пустыни, я сперва подумал, что болен и все это мне чудится в бреду. Но затем я осознал, что все происходящее — вполне реально.

— И самое реальное во всем этом — я, — добавил Конан.

— Возможно, — задумчиво согласился Югонна. — Очень даже возможно... Во всяком случае, довольно скоро мне стало ясно, что Ронселен отправил меня куда-то очень далеко от Авенвереса. Да еще в таком виде... — Он с усмешкой развел руками. — По замыслу Ронселена, я должен был исчезнуть без следа. Однако Далесари недаром провела в лабиринте много времени. Она быстро догадалась о намерениях своего дяди и последовала за мной. Я только надеюсь на то, что она подготовилась к путешествию лучше, чем я. Во всяком случае, в этом меня убеждает то обстоятельство, что ее видели верхом на животном, которое всем здешним очевидцам показалось очень странным.

— Полагаешь, она тебя ищет?

— Да, и по иронии судьбы оказалось так, что это мы преследуем ее, а не она нас. Нам следует поторопиться, Конан, потому что Ронселен не оставит своих попыток избавиться от нас обоих. И самая большая опасность грозит, пожалуй, Далесари. Ты поможешь мне спасти ее?

Киммериец только усмехнулся и тронул коня.

Глава пятая В поисках Далесари

алесари спешила. Медальон на ее груди то разогревался, то остывал, и это сбивало ее с толку. Ей казалось: еще немного, и она донесет своего возлюбленного, но в следующий миг все изменялось.

От надежды она переходила к отчаянию, и эта смена настроений совершенно измучила ее.

Верховое животное не знало устали. Оно бежало и бежало, уверенно выбрасывая вперед длинные мощные ноги. Песок взлетал под широкими копытами.

В Авенвересе Далесари считалась одной из лучших наездниц. Она даже хотела участвовать в гонках, но дядя-опекун запретил ей и думать об этом.

«Ты — наследница аристократического имени, представительница знатной семьи, ты ни в коем случае не должна делать что-либо на потеху толпы!» — строго внушал он ей.

Далесари криво усмехнулась, вспоминая об этом. Жалкий лицемер! И он еще смел говорить с ней о «наследстве». Кроме имени, ей теперь нечего наследовать. Югонне удалось вскрыть все темные махинации этого человека.

К счастью, Далесари с Югонной оба были достаточно молоды, чтобы не слишком огорчаться из-за потери наследства. Далесари никогда ни в чем не нуждалась: у нее имелись наряды, книги, была возможность заниматься изучением растений в лабиринте... А старый друг ее покойной матери подарил девочке это верховое животное. Ничего больше ей и не требовалось. Она всегда была счастлива тем, что имела, и не стремилась к большему.

Страсть к наживе оставалась для Далесари непонятной. Полностью обеспеченная, она не могла взять в толк, как можно испытывать не преодолимое желание накапливать деньги, владеть ими — просто ради «счастья обладания».

Другое дело — верховая езда. Эти радости были для Далесари близки и понятны, и все-все занимало ее воображение: седла, подпруги, узелочки, подковы разной формы, различные способы выездки, команды, подаваемые голосом или коленями... Она умела устанавливать контакт с этими животными, а это — редкое искусство.

По обычаям Авенвереса, ни одно существо, кроме человека, не имеет права носить имя, по-

этому верховое животное Далесари оставалось безымянным. Но она относилась к нему так, словно оно обладало именем.

Это обстоятельство также настораживало дядю-опекуна. Ронселен понимал: его подопечная — не такая, как все остальные. В ее присутствии он всегда напрягался, потому что не понимал, чего от нее ожидать. То, что представлялось Далесари естественным, для Ронселена оставалось тайной за семью печатями. Так, ему и в голову не приходило, что она может безразлично относиться к потере семейных денег.

Девушка спешила. Сейчас она была уверена: еще несколько переходов — и она настигнет Югонну. Она не могла избавиться от назойливой тревоги: а вдруг с Югонной случилась беда? Вдруг он попал в руки разбойников или, того хуже, застрял посреди пустыни без воды и припасов? Вероятность того, что в такой ситуации он найдет помощь, крайне мала.

Нет, ей следует разыскать его во что бы то ни стало! Мысль о том, что теперь, быть может, уже поздно, была для Далесари невыносимой...

Вот уже несколько часов за ней кто-то следил. Сперва она слишком беспокоилась о судьбе Югонны, чтобы обращать внимание еще и на это. Она была достаточно уверена в своем скакуне, чтобы заботиться еще и о погоне. Но затем этот «кто-то» приблизился на достаточно близ-

кое расстояние, и теперь, бросая взгляды через плечо, девушка видела, как по песку пылит всадник.

Проклятье! Он скакал достаточно быстро, чтобы настигнуть беглянку. Скоро она уже различала даже покрывало на его голове, вздувавшееся на ветру пузырем. Пена срывалась с губ разгоряченного коня.

Далесари сжала коленями бока своего скакуна, не приказывая, но прося его бежать быстрее. Однако девушка знала, что это бесполезно. Эти животные умны и довольно своеенравны: если они считают, что нет надобности мчаться сломя голову, они будут продолжать идти размеренной ровной рысью, и никакие уговоры, никакие угрозы и даже хлыст не помогут. Другое дело — скачки: здесь они, по крайней мере, видят соперников и понимают, что их нужно обогнать во что бы то ни стало.

А куда торопиться здесь? Следует, напротив, сберегать силы и правильно их рассчитывать, чтобы хватило до цели. Животное чуяло воду, но до нее следовало еще добраться. Если же лететь вихрем, то можно растратить все запасы энергии и сдохнуть, не добравшись до источника жизни.

Поэтому животное никак не реагировало на уговоры всадницы. Она гладила его шею, сжимала бока и даже била его по животу пятками — все бесполезно.

Между тем преследователь приближался неуклонно, как судьба.

Это был красивый мужчина со смуглым лицом и белозубой улыбкой. После того, как внезапно налетевший колдовской смерч отбросил его в сторону и зашвырнул в глубину пустыни, точно нашкодившего котенка, Ширкух чувствовал себя опозоренным. Несомненно, старик был колдуном. И эта женщина с медальоном — тоже колдунья. Они оба напустили на него чары с одной-единственной целью: посмеяться над ним.

И теперь они поплатятся за это. Сперва женщина, потом старик. Никто не посмеет сказать, будто сумел одурачить Ширкуха и выставить его на посмешище! Он широко улыбался, предвкушав месть.

Разбойник уже хорошо различал впереди свою жертву. Молодая женщина верхом на странной зверюге. Ширкуху доводилось видеть самых разных верховых животных. Одна карлица, к примеру, ездила на леопарде. Ширкух до сих пор со дрогался при воспоминании об этом существе. Карлица, очень смуглая, почти черная, покрытая бородавками, сумела при помощи слабой магии приручить леопарда, и тот катал ее на своей спине.

Кажется, закончилось дело тем, что леопард свою наездницу все-таки съел... Ширкух в точности не помнил.

Теперешняя его жертва совершенно очевидно оседлала зверя хоть и странного на вид, но не хищного. Действительно, нечто среднее между верблюдом, лошадью и неизвестно чем. Неопасное. Разве что лягается.

Ширкух знал, что при умелом управлении конь может превратиться в оружие. Но он слишком презирал женщин, чтобы подозревать незнакомку в том, что она сумеет проделать такое со своим нелепым зверем. Нет, всех ее умений хватит лишь на то, чтобы позорно удирать.

Он облизнулся. Скоро, совсем скоро эта хорошенькая хитроумная головка слетит с плеч! Даже если старик и не заплатит обещанного, Ширкух считает себя удовлетворенным.

Он с удивлением понял, что ненавидит эту особу. Что ж, тем лучше. Проще будет убить.

Сабля сверкала в его руке. Он держал ее на отлете, готовясь нанести удар. Вот уже его конь почти поравнялся с верховым животным беглянки...

И тут она резко натянула поводья и остановилась, а затем так же резко повернулась к нему.

И он разжал пальцы, так что сабля выпала из его руки.

Женщина была обнажена до пояса. Ее шелковые одежды были распахнуты на груди и спущены до талии, так что все ее гибкое тело было выставлено на обозрение. Маленькие нежные груди округлой формы с удивительно розовыми

сосками глядели прямо на Ширкуха. Талия изгибалась, словно в предвкушении ласки, а бедра казались на редкость пышными, и глаза разбойника сами собой так и впились в них.

Медальон, висевший между грудей, больше не казался Ширкуху обычной приметой, по которой он должен узнатъ свою жертву. Теперь это было украшение, призванное подчеркивать соблазнительность женских форм.

Ширкух направил коня прямо на женщину. Улыбка вновь вернулась на лицо разбойника. Теперь он разве что не облизывался, рассматривая Далесари.

Далесари знала, что мужчины такого рода почти никогда не заглядывают женщинам в лицо. Их не интересует то, что чувствует партнерша на самом деле. Таких занимает лишь одно: их собственное удовольствие. Что ж, сегодня кое-кто поплатится за это невнимание.

Если бы Ширкух дал себе труд поднять взгляд и посмотреть в глаза девушке, он прочел бы в глубине ее зрачков свой смертный приговор. Но он не мог оторваться от ее красивой фигуры.

Жаль было бы превратить в прах это тело, так и не воспользовавшись им! Что изменится, если Ширкух убьет женщину не прямо сейчас, а спустя некоторое время? Сперва он возьмет свое. Должен же он немного отдохнуть после из-

нурительной погони! Разве он не заслужил хотя бы небольшого удовлетворения?

Неожиданно он понял, что очень давно не лежал с женщиной. Наверное, в последний раз это случилось больше луны назад. Да и то женщина попалась какая-то неприятная, все время визжала и плакала. Никакого удовольствия.

Эта — другая. Эта не станет плакать. Может быть даже обнимет его своими сильными маленькими руками, примется шептывать нежности... Ему жаль будет убивать ее, но такова уж их судьба. Это было предопределено еще до их встречи.

Ширкух тяжело перевел дыхание и снова улыбнулся. Она смотрела на него серьезно, уголки ее губ вздрагивали от гадливости, а он даже не замечал этого. Хорошо, очень хорошо.

Далесари никогда еще не убивала людей. И если боги будут милостивы к ней, этот ублюдок окажется первым и последним. Но уничтожив его, она окажет благодеяние всему человечеству.

«Или я, или он, — подумала она. — Колебаться нельзя».

— Иди ко мне, моя красавица, — сказал разбойник, не замечая, что слюна вытекает у него изо рта. Он облизал губы и снова перевел дух. — Иди скорее. Я вижу, ты стосковалась по ласке настоящего мужчины. Иди ко мне. Я приласкаю тебя. Я сумею утолить твою жажду.

Он сошел с коня и приблизился на несколько шагов. Далесари подождала, чтобы он подошел еще немного.

Ширкух вдруг рассердился.

— Что ты застыла? — резко выкрикнул он. — Чего ждешь? Я ведь велел тебе идти ко мне! Или ты хочешь, чтобы я свернул тебе шею, шлюха?

«Пора!» — шепнула себе Далесари. Она сунула руку под одежду. Ширкух с жадность следил за каждым ее движением. «Он решил, что я раздеваюсь», — подумала она.

Быстрым движением она вытащила наружу маленький мешочек, рванула завязки и вытряхнула содержимое мешочка прямо в лицо своему врагу. После чего, подняв зверя на дыбы, развернула его. Умное животное отбежало на несколько шагов и остановилось.

Ощущив в глазах острое жжение, Ширкух выругался. Он потер лицо рукой, чтобы избавиться от неприятного ощущения, но оно не проходило, наоборот — становилось все сильнее.

— Проклятая ведьма! — заорал Ширкух. — Что ты со мной сделала?

Он слепо повел головой и вдруг осознал, что ничего не видит. Он свистнул, пытаясь подозвать своего коня, но скакун убежал, испуганный странным запахом.

Скакун Далесари раздувал ноздри и шумно фыркал, и ей стоило больших усилий успокоить

его и удержать на месте. Ей хотелось видеть, к чему приведет ее хитрость.

Этот гриб растет только в одном месте — на северной окраине Авенвереса. Далесари вычитала о его свойствах в одной книге. Там же говорилось и о том, что гриб этот давным-давно был уничтожен, и сейчас ни одно живое существо не в состоянии его отыскать и изготовить описанный в книге яд. «Мы потому и дерзаем излагать способ приготовления сего яда и оказываемое им на все живые существа действие, что ныне это совершенно безопасно. Бесполезное сведение не может представлять опасности, однако имеет некоторых теоретический интерес», — говорилось в книге.

А Далесари отыскала этот гриб — может быть, единственный из сохранившихся. Она изготовила яд и носила его при себе.

Когда она только приступала к этой работе, она уверяла себя, что делает это лишь как исследователь. Она обязана попробовать все, о чем пишут в книгах. Просто обязана, иначе какой из нее ученый!

Впоследствии она предполагала испытать яд на каком-нибудь животном. Но выбрать подопытное животное оказалось непросто: у Далесари просто не поднималась рука уничтожить ни в чем не повинное живое существо просто ради эксперимента. Поэтому яд оставался в мешочке.

И вот сейчас ему наконец нашлось достойное применение.

Разбойник, мыча и стеная, метался из стороны в сторону. Он то принимался бежать, то вдруг падал на песок и катался, стуча по земле руками и ногами. Далесари с ужасом видела, как его кожа прямо на глазах становится грубой, зеленеет, покрывается толстым слоем плесени.

Грибок-паразит все сильнее проникал в кровь человека. Размножение спор шло стремительно, быстрота эта казалась неестественной, почти колдовской.

— Это не магия, — сказала Далесари. Голос ее треснул и прозвучал сипло. — Это всего лишь свойство растения. Например, порошок черного лотоса вызывает странные видения. Это тоже не магия...

Но ей удалось убедить себя лишь наполовину, ибо происходившее чересчур напоминало злые чары.

В считанные минуты разбойник, по-своему привлекательный, сильный мужчина превратился в бесформенный кусок плоти. Завывая, как зверь, он полз по песку на четвереньках. Одежда на нем истлела и превратилась в удобрение для грибка. В крупных грубых складках грязно-зеленого цвета еще угадывались человеческие черты, но скоро и это исчезло. У Ширкуха больше не было лица, глаза его заплыли, пальцы рук и ног

превратились в толстые обрубки, шевелящиеся внутри кожистых складок.

С карьерой Ширкуха было покончено.

Далесари поправила свою одежду. Солнце уже начало припекать ее нежную кожу, так что следовало поторопиться. Девушка набросила на плечи рубашку, наслаждаясь прохладным прикосновением шелка, затянула пояс и завязки, тщательно закутала голову. Теперь она готова была продолжать путешествие.

Далесари в последний раз оглянулась на разбойника. Странное существо копошилось на песке и выло жалобно и вместе с тем озлобленно. Далесари знала, что грибок продолжает размножаться в теле человека, что разрушительная работа не закончена. Грибница будет разрастаться, постепенно она захватит не только кожу, но и все внутренние органы своей жертвы...

«Я убила его, — подумала Далесари. — Я сделала это! Я уничтожила этого мерзавца... У меня хватило смелости. Не знаю только, хватит ли у меня смелости рассказать о моем поступке Югонне...».

Даже подобия жалости не шевельнулось в ее душе при виде отвратительного чудища, в которое она превратила Ширкуха. Развернув скакуна, она помчалась прочь от своей жертвы.

* * *

— Ты уверен в том, что мы ее нагоним? — спросил Югонна у Конана.

Молодой человек задавал своему спутнику этот вопрос уже в тысячный раз. Сперва — в первые сто раз — Конан отвечал положительно и вполне серьезно:

— Следы однозначно говорят о том, что Далесари здесь проезжала. Вот, посмотри.

— Я ничего не вижу, — возражал Югонна.

— Вот здесь и здесь, — показывал Конан на какие-то ямки в песке, вид которых приводил Югонну в отчаяние: городской житель никак не мог взять в толк, чем эта ямка в песке отличается от другой такой же.

— Мне остается лишь одно: довериться твоему мнению, — говорил в конце концов Югонна.

— Это самое разумное из всего, что ты можешь сделать.

На сто первый раз Конан начал разнообразить свои ответы.

— Уверен ли я? В чем вообще может быть уверен смертный человек? — сказал киммериец и с удовольствием увидел, как Югонна побелел.

Иногда Конан отвечал так:

— Мы ее, несомненно, настигнем, вот только вопрос: в каком виде она предстанет перед нами, в живом или мертвом.

Или:

— Ни одна женщина не стоит того, чтобы так за нею гоняться.

Или:

— Знаешь, однажды я заблудился в степи и не мог выбраться к стойбищу целых двенадцать дней. Едва не помер.

Или еще:

— Как-то раз, помнится, преследовали мы двух сбежавших рабынь, а когда нашли — одна угодила в муравейник и ее там съели заживо, а вторая запуталась в лианах и задохнулась, как будто ее повесили... Скелетик, кстати, был весьма симпатичный.

Наконец Югонна не выдержал:

— У меня складывается такое впечатление, что ты надо мной издеваешься, Конан.

— У тебя складывается совершенно правильное впечатление, — не стал отпираться киммериец.

— Почему? — в упор спросил Югонна.

— Потому что я знаю, что делаю, а ты своими вопросами показываешь, что сомневаешься во мне.

— Я в тебе не сомневаюсь, — заверил Югонна и тут же добавил: — Просто я беспокоюсь.

— А ты не беспокойся. Мы идем за ней след в след. Можно сказать, наступаем ей на пятки. Доверяй мне.

— Да, конечно, — быстро согласился Югонна. — Но ты уверен, что мы идем правильно?

* * *

Далесари встряхнула флягу, но ожидаемого звука не последовало: вода закончилась. Девушка обтерла лоб и с мукой подняла глаза на небо. До вечера оставалось еще несколько часов. Она не продержится столько времени без воды. Это жители пустыни в состоянии жить без глотка воды по целым дням — у них как-то особенно устроены тела. Может быть, есть какой-то второй желудок, где они хранят про запас выпитую прежде воду. Далесари читала в книгах о подобных вещах.

Как бы там ни было, она не обольщалась на свой счет: ее часы сочтены. Спасти ее может только чудо.

Ее скакун тоже начал испытывать страдания от жажды. Обычно эти звери довольно выносливы и неприхотливы, но всему есть предел, даже их терпению. Животное начало пофыркивать, что говорило о его недовольстве.

— Потерпи, я что-нибудь придумаю, — попыталась успокоить его Далесари. Она старалась сделать так, чтобы голос ее звучал уверенно.

Впрочем, она знала: ее спасет лишь случайность. Счастливая случайность, и ничего больше.

Тот человек, который напал на нее в пустыне... Сперва Далесари полагала, что это было случайностью. Подобные дикие места часто служат убежищем для разного отребья. Встретив беззащитную женщину, разбойник решил, что это самая легкая и удачная добыча, и напал на нее. Но поразмыслив, она пришла к выводу, что ошибалась. Разбойник держался так, словно в точности знал, чего хочет. А хотел он убить ее. Таково было его изначальное намерение.

И это само по себе странно. Как правило, молодых женщин не убивают. Ими пользуются, а потом продают в рабство. Юная красавица всегда и везде будет пользоваться спросом.

Этот же разбойник имел в мыслях лишь убийство. И только увидев Далесари обнаженной, не сумел совладать со своими инстинктами.

И о чем говорит такое поведение? Далесари пыталась рассуждать спокойно, отстраненно, как будто речь шла не о ней самой, а о ком-то постороннем, совсем незнакомом.

— Такое поведение свидетельствует лишь об одном, — заключила Далесари. — Его наняли. И наняли именно для того, чтобы меня уничтожить, и ни для чего иного. И не будь он таким похотливым идиотом, я была бы уже мертва...

Она содрогнулась при этой мысли и поехала быстрее. Неожиданно впереди она увидела несколько пальм. Далесари знала о том, что в пус-

тынях бывают миражи. Измученному жаждой путнику видятся деревья, прохладные водные источники... но приблизившись к ним, он падает лицом в песок. Ничего, кроме раскаленного песка и смертоносного одиночества.

Но ее верховой зверь громко закричал и сам прибавил ходу. Значит, вода настоящая! Далесари было известно о том, что животные не подвержены иллюзиям, они лишены воображения и полагаются лишь на собственные зрение, слух и обоняние.

Вот оно, чудо, на которое Далесари не смела надеяться!

Она упала лицом на шею своего скакуна, предоставив тому самому выбирать путь. Зверь бежал легко, унося свою всадницу навстречу спасению.

Должно быть, она впала в забытье, потому что когда зверь остановился, Далесари едва не упала на землю. Да, оазис был настоящий. Со всеми небольшой: пять пальм и обнесенный невысокой изгородью источник.

Прохладная вода била из глубины. Камни, ограждавшие колодец, были всегда влажными. По ограде бегали блики, отбрасываемые водой.

Рядом с колодцем лежало кожаное ведро, а для водопоя животных имелась специальная колода. Держась на ногах из последних сил, Далесари оттащила своего скакуна от воды, чтобы он

не сунулся туда мордой и не замутил источник, и привязала его к пальме. Зверь возмущенно фыркал и бился.

— Подожди, — сказала Далесари строгим тоном.

Она набрала воды в колоду и подала зверю, после чего напилась сама. Она почувствовала, как воскресает. До сих пор ей казалось, что ее кожа грубеет, делается жесткой и трескается, как у лягушки, вытащенной из болота и оставленной посреди дороги. Теперь все ожило, задышало.

Она наполнила бурдюки, налила воды во флягу.

Пальмы не отбрасывали тени, но у Далесари было покрывало, и она соорудила небольшой навес, натянув ткань между двух стволов.

Конечно, оставаться здесь надолго небезопасно. Кто знает, кто может приехать к этому источнику, чтобы напиться и напоить животных! Если здесь водился один разбойник, может найтись и другой, а то и целая дюжина.

Но Далесари чувствовала, что не в силах больше продолжать путь. Ей следует отдохнуть, выспаться, привести в порядок мысли и чувства. Иначе она попросту свалится посреди пустыни и умрет.

Она отвязала своего зверя, зная, что тот не уйдет далеко от воды и от своей хозяйки, забра-

лась под навес и мгновенно погрузилась в забытье. Усталость и переживания сделали свое дело — сон сморил Далесари в считанные мгновения.

* * *

Неожиданно Конан остановил коня. Его спутник едва не налетел на киммерийца.

— Смотри, куда едешь! — буркнул Конан. — Кажется, в пустыне достаточно места, чтобы разъехаться двум всадникам... Или у тебя срабатывает привычка горожанина — жаться к соседу и непременно втирать того в стену?

Югонна промолчал. Он уже достаточно долго изучал характер киммерийца, чтобы понять: тот чем-то взволнован, и сейчас его лучше не злить.

— Смотри. — Конан поднял руку, указывая направления.

Югонна повернулся в ту сторону, куда показывал варвар, и увидел далеко впереди слабое мерцание. Воздух как будто дрожал и переливался.

— Что это? — спросил Югонна.

— Там должен быть оазис, — уверенно ответил варвар. — Все приметы на это указывают. Смотри.

— Я ничего не вижу, — признался Югонна.

Киммериец насмешливо фыркнул.

— Разумеется... Знаешь что, Югонна, я, по

правде говоря, тоже ничего не вижу, кроме этого мерцания в воздухе. И мерцание это мне не особенно нравится. Когда-то я знал одного старика — тот угадывал близость воды просто по цвету песка. Наклонялся и нюхал, а если находил среди песчинок красную крапинку, то ликовал и приказывал копать на том месте.

— И находили воду? — спросил Югонна.

— Да.

— И он никогда не ошибался?

— Один раз сочли, что он ошибся. Копали долго, но никакой воды там не обнаружили. Люди это были на расправу скорые, они очень прогневались на старика. Он называл их болванами и не скучился на бранные слова, и ухитрился так разъярить их, что они его убили.

— И что было потом?

— Ты умный, Югонна, если догадался, что история на этой смерти не закончилась. Все эти люди умерли от жажды — кто через день, кто через два. А потом на это место явились другие. Они увидели труп старика и страшно разозлились, потому что во всей пустыне было не сыскать второго такого кудесника по части поисков воды. Они продолжили копать там, где остановились их предшественники, и через час упорного труда все-таки нашли воду. Она была там, только следовало потрудиться немного больше, чем рассчитывалось изначально...

— Печальная история.

— Пустыня полна печальных историй, — сказал Конан. — И наша с тобой задача — не стать героями еще одной. Поэтому будь начеку, Югонна. Здесь нехорошее место. И что-то не помню я в этих краях никакого оазиса. Колодец должен находиться вон там, к югу отсюда.

— Но воздух дрожит...

— Да, — резко обрубил Конан. — Сдается мне, нас морочат миражи.

— Подойдем ближе? — спросил Югонна.

— Да, тем более, что следы ведут именно туда.

— Сколько ни смотрю, куда ты показываешь, никаких следов не вижу, — признался Югонна.

— Ты читаешь книги на всяких там древних языках, а я читаю следы на песке, — сказал киммериец. — Пусть каждый занимается собственным делом, хорошо? Я говорю тебе, что твоя подружка проехала здесь и что она направлялась прямехонько туда, где дрожит воздух. Значит, так оно и есть. Не задавай мне больше никаких вопросов, потому что — клянусь Кромом! — я сделаю с тобой то, что глупые землекопатели сделали со стариком, отыскавшим воду.

Югонна счел за лучшее замолчать и отвести глаза, чтобы киммериец не смог догадаться о его мыслях.

Оба путника снова двинулись вперед. Конан то и дело приостанавливал коня и всматривался в странную картину, которая открывалась перед ними. Киммериец отказывался верить в то, что это оазис.

— Ты ведь видишь, там пальмы и огражденный колодец, — сказал Югонна. — Если бы это был мираж, мы с тобой видели бы разное. К примеру, передо мной был бы город с множеством фонтанов, а перед тобой — караван-сарай и большая бочка эля...

— Хорошего ты обо мне мнения! — хмыкнул Конан. — Впрочем, ты прав: мы действительно видим одно и то же. Пять пальм и колодец. Невысокое каменное ограждение, коновязь, колода для скота...

— Ты различаешь даже такие детали? — удивился Югонна.

— А ты разве нет?

Югонна смущенно отвел глаза.

— Я слишком много времени проводил за книгами и опытами с зеркалами и стеклами... Боюсь, это повредило мое зрение. Но пальмы я различаю. А кроме того... Нет, этого не может быть!

Он оборвал сам себя и замолчал, болезненно моргая веками. Но сколько он ни вглядывался, ничего рассмотреть толком не мог.

Конан неожиданно принял решение и погнал коня вперед. Животное и само рвалось туда, раз-

дувало ноздри, ржало — оно чуяло воду. В этом не было ошибки.

Югонна, выказав себя недурным наездником, помчался вслед за варваром. Они проскакали несколько десятков полетов стрелы, но оазис не приблизился к ним ни на шаг. Конан натянул поводья и повернулся к Югонне.

— Что скажешь?

— Скажу, что ничего не понимаю... Это действительно оазис?

— Судя по поведению лошадей, да, — хмуро ответил Конан. — Но нам туда не добраться. Он как будто все время отодвигается. Можно подумать, эта штука дразнит нас, заставляет держаться поодаль.

— Зато теперь я вижу его гораздо лучше, — возразил Югонна. — Возможно, мы все-таки приблизились, только воздух пустыни каким-то образом так преломляет солнечные лучи, что нам кажется, будто оазис стоит на месте...

— Выражайся яснее, — сказал варвар. — А главное — перестань воображать, будто я такой неотесанный невежда, которому можно заморочить голову разной ерундой. Полагаешь, я не разбираюсь в таких штуках? Многие делали подобную ошибку. И поплатились за нее. Иные — очень сурово поплатились. Пара-тройка умников даже рассталась со своей бесполезной жизнью.

— Я учту, — сказал Югонна.

— Вот и хорошо. Так что ты хотел мне сообщить, умник?

— Только одно. Если раньше я видел оазис очень плохо, а теперь вижу его лучше, значит, он приблизился. Точнее, мы приблизились к нему, а он дозволил нам это.

— Ясно.

— Я даже могу рассмотреть... — Югонна сощурился и вскрикнул: — Нет, этого не может быть!

— Чего не может быть? — нахмурился Конан.

— Это она!

— Кто?

— Далесари! Моя невеста! Она там, в оазисе! Я вижу ее, она спряталась от солнца под навесом и спит... Мы достигли цели, Конан! Спасибо тебе!

Киммериец поморщился. Неумеренные изъявления восторга со стороны его спутника показались Конану неприятными, а то обстоятельство, что Югонна прослезился, вызвало у киммерийца легкий смешок.

— Ты уверен, что видишь ее? — осведомился Конан.

Югонна повернулся к нему раскрасневшееся лицо, покрытое пятнами солнечных ожогов.

— Разумеется, я ее вижу! — воскликнул он. — А ты разве нет?

Киммериец сощурил глаза.

— Возможно... Что-то белое там определенно есть. Между стволами пальм.

— Это навес! А под навесом — Далесари.

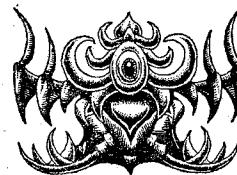
— Я ведь не говорю, что это не так, зачем же кипятиться? — фыркнул Конан. — Если Далесари там, значит, скоро вы воссоединитесь и сольетесь в объятии.

Югонна посмотрел на варвара с укоризной.

— Почему ты смеешься над нашим чувством?

Киммериец вздохнул.

— Я вовсе не смеюсь. Ха. Ха. Поехали, не будем терять времени. Может быть, ты начнешь видеть этот оазис еще лучше, и это послужит тебе утешением. Потому что, с моей точки зрения, мы не приблизились к нему ни на шаг.

Глава шестая

Пятое зеркало

алесари видела тревожные сны. Ей снилось, будто она замурована в прозрачном шаре, и эта хрустальная гробница помещена посреди раскаленного мира, и нет надежды на спасение. Она мечется внутри шара, пытаясь найти выход, но везде встречает одно и то же: прозрачную преграду, которую невозможно разбить.

Она начинает звать на помощь, но голос ее вязнет и теряется. Она обречена на вечное одиночество, на бесконечные зимы заточения... Далесари горько заплакала во сне, но не пробудилась.

Она перевернулась на другой бок, и ей снова стали сниться сны, один тревожнее другого. И все эти видения разворачивались внутри непроницаемого для внешнего мира хрустального шара посреди пустыни...

Конан и его спутник скакали навстречу таинственному оазису уже несколько часов. За это время солнце сместилось на небе ближе к краю горизонта. Через час оно начнет опускаться, и через два на землю опустится ночь.

Наконец киммериец вынужден был признать, что оазис действительно приблизился. Заколдованные место подпустило к себе настойчивых путников на расстояние в полет стрелы. Югонна ликовал. Он был прав! Этот оазис — реальность, и до него можно добраться. Осталось только пробить магическую защиту, окружавшую клочок земли посреди пустыни, и освободить женщину, спящую под навесом среди пальм.

Пару раз из-за стволов показывалось животное с длинной шеей. Оно выглядело очень довольным: не нужно было никуда скакать, можно полежать возле воды, насладиться прохладой. В конце концов оно улеглось возле своей хозяйки и засунуло голову под навес.

— Они бывают забавными, — сказал Югонна, обращаясь к Конану. — Иногда так привязываются к своим хозяевам, что начинают ласкаться и даже пытаются забраться на колени, как балованные собачки.

— Хороша собачка, — пробурчал Конан. — Мясо у них вкусное?

Югонна содрогнулся.

— Как можно даже думать об этом!

— Едим же мы конину, — ответил варвар, поглаживая своего скакуна по шее.

Югонна вдруг сообразил, что киммериец дразнит его, и надул губы. Опять он попался! Конан расхохотался.

— Ты чрезвычайно легковерен. В ученом человеке это странно.

Югонна не ответил. Он снял с пояса флягу и глотнул воды. И замер, держа флягу на отлете.

— Тише...

Но предостережение оказалось излишним: Конан и сам уже услышал звук. Кто-то быстро приближался к обоим путникам. Кто-то покрытый жесткой чешуей, которая скрежетала при каждом движении.

И бежало это существо с устрашающей скоростью...

Скоро оно показалось из-за барханов. У Югонны душа ушла в пятки. Он никогда прежде не видывал ничего подобного. На них мчалась огромная ящерица. Ее тело извивалось, как у змеи, но поддерживали это тело мощные когтистые лапы. Крохотные желтые глазки рептилии горели дьявольским огнем, из пасти, полной острых зубов, высывался фиолетовый раздвоенный язык.

Конан выхватил меч.

Ящерица остановилась и испустила громкий скрежещущий звук. Лошади перепугались и поднялись на дыбы. Югонна, менее опытный наездник, сразу же вывалился из седла, а Конан пытался укротить своего коня еще некоторое время, но животное отказывалось слушаться. Коня охватил панический ужас. Очевидно, рептилия умела вызывать это чувство в других животных.

В конце концов Конан спрыгнул на землю, держа меч наготове.

У Югонны был только длинный кинжал, которым снабдил своего спутника киммериец. Сейчас молодой человек вцепился в рукоять этого кинжала с таким видом, словно дал себе торжественную клятву — дорого продать свою жизнь. Будь ситуация менее серьезной, Конан от души посмеялся бы над мрачным выражением лица, с которым Югонна взирал на ящерицу.

Ящерица снова заверещала, а затем выплюнула длинную струю какой-то прозрачной жидкости. Она явно целилась в киммерийца. Конан успел отскочить в сторону, и ядовитая слюна рептилии попала в песок.

Песок начал плавиться, над ним поднялся зловонный дымок.

— Что это? — задыхаясь, крикнул Югонна.

— Просто уворачивайся, — ответил киммериец. — Не позволяй этой штуке попасть тебе на кожу. Остальное я сделаю сам.

— Но что это? — снова повторил Югонна.

— Делай как я сказал! — зарычал Конан. — Не болтай! Не отвлекайся! Когда я добуду тебе труп, ты сможешь изучать его, сколько тебе вздумается, а пока — заткнись!

Ящерица резко развернулась, взметнув хвостом тучу пыли. Следующий плевок был нацелен в Югонну. Предупрежденный Конаном, тот отскочил, и снова по песку пролегла блестящая дорожка оплавленной массы.

Конан между тем приблизился к ящерице и ударил ее по хребту мечом. Сталь заскрежетала по жестким чешуям, не причинив рептилии никакого вреда.

Почувствовав удар, ящерица снова метнулась к Конану. И опять плюнула. На сей раз слюна задела чахлый кустик какого-то еле живого растения. Сухие листья вспыхнули.

Конан перекатился по песку и вскочил на ноги.

— Эй, я здесь! — заорал он, направляя меч прямо в глаза рептилии.

Но глаза эти были слишком маленькими, чтобы через них можно было добраться до мозга ящерицы. Меч попросту не прорубит глазницу.

Ящерица зашипела, стуча хвостом по земле. Ее когтистые лапы заскребли песок и прорыли глубокие борозды.

Конан ловко ушел от очередного плевка, а затем ткнул ящерицу мечом в бок.

Она не знала, куда прицелиться. Двое мужчин метались перед ней из стороны в сторону. Не реагировать на движение рептилии попросту не могла — инстинкт заставлял ее набрасываться на все живое, ибо любая живая теплокровная тварь воспринималась ею как пища, как ее законная добыча.

Но какую цель поразить первой? Она прицеливалась в Югонну и тут же видела подбегающего Конана, она поворачивалась к варвару, и в результате плевок попадал впустую.

— Скоро ее слюнные железы истощатся, — задыхаясь, сказал Югонна.

Конан только зарычал сквозь зубы. Он предпочитал не задаваться вопросами касательно «слюнных желез», ибо по собственному горькому опыту знал: встречаются монстры, к которым неприменимо знание, вполне приемлемое, когда речь идет об обычновенных существах.

Ящерица плонула особенно обильно, как бы желая опровергнуть заявление Югонны, а затем, разворачиваясь, сбила молодого ученого с ног. Он покатился по песку, крича от боли: жесткая чешуя до крови расцарапала его лицо, и без того пострадавшее от солнечных ожогов.

Ящерица плонула ему вслед, но промахнулась. Конан между тем наконец увидел уязвимое место на теле рептилии: у основания шеи ящерица потеряла одну чешуйку. Киммериец не мог

бы определить, как это произошло: вследствие несчастного случая или из-за обычной линьки. Как бы там ни было, но Конан теперь знал, куда вонзить меч.

С громким боевым кличем киммериец прыгнул прямо на спину ящерицы. Она завертелась под ним, желая сбросить дерзкого человека и растоптать его, а затем наконец сожрать. Но Конан крепко держался одной рукой за чешую, другой тем временем вытаскивая из-за пояса один из своих метательных ножей. Меч ему пришлось отбросить. Это было рискованно, потому что в случае неудачи Конан оставался бы один на один с разозленной рептилией — и почти совсем безоружным.

Но дело того стоило. Ящерица вдруг поднялась на задние лапы и встала торчком, приобретя пугающее сходство с человеком. Наблюдавший за схваткой издалека Югонна с ужасом и отвращением подумал, что так выглядел бы великан, покрытый чешуей и отрастивший себе непомерные когти.

Сбросить со спины киммерийца, однако, рептилии не удалось. Конан предвидел нечто подобное и хорошо закрепился среди чешуй ящерицы. Он упирался обеими ногами в зазоры между чешуями, да еще держался рукой. И когда ящерица, постояв и подергав в воздухе передними лапами, снова утвердилась на четырех конечнос-

тях, Конан с силой вонзил кинжал в открытое место на спине ящерицы.

Сталь с трудом пропорола жесткую серую кожу и вошла в плоть. Очевидно, она задела позвоночник и причинила рептилии страшную боль.

Ящерица испустила оглушительный вопль. Это было нестерпимо громкое скрежетание — как будто кто-то водил ножом по стеклу, только в десятки раз громче.

Конан кубарем скатился на землю и поспешил убраться подальше от агонизирующей твари. Рептилия билась всем телом о землю. Она подпрыгивала высоко в воздух, извивалась в полете и со всего маху обрушивалась обратно на землю, вздывая при этом тучи песка. Земля гудела от этих ударов.

При каждом толчке она выплевывала яд, и все вокруг покрылось блестящими «блюдечками» оплавленного песка.

Ни один из наблюдателей не смог бы сказать, как долго продолжалась эта агония. Югонне показалось, что ящерица умирает бесконечно, Конану в конце концов сделалось просто скучно. Но вот прыжки ящерицы стали менее яростными, она перестала извиваться и лупить хвостом и лапами, а потом и вовсе затихла.

Конан подождал, пока ее глаза затянутся мутной пленкой, и только после этого приблизился. Югонна с опаской наблюдал за ним.

Конан обернулся и с усмешкой посмотрел на приятеля:

— Не хочешь исследовать эту тварь? Кажется, ты ученый. Тебя должны интересовать такие вещи. Как ты там говорил? Слюнные железы? Можешь теперь посмотреть ее слюнные железы. Можешь их вырезать и носить с собой.

— Конан, о чём ты говоришь?

— Да ни о чём. У меня был знакомый, он носил с собой яйца одного звероящера, которого убил несколько зим назад. Такие сморщеные черные...

— Довольно! Меня сейчас стошнит, — вскрикнул Югонна.

— А, ну это дело хорошее, — равнодушно сказал Конан. — Блюй себе на здоровье. В пустыне места много, не забыл?

Рептилия действительно была мертва. Конан извлек из трупа свой кинжал, подобрал меч и еще раз осмотрел ящерицу. Интересно, чьими чарами создана эдакая тварь?

— Ты думаешь, это колдовство? — спросил Югонна.

Конан резко повернулся к нему.

— С чего ты взял, что я думаю о колдовстве?

— Я не читаю твоих мыслей, если ты этого боишься, — поспешно отозвался Югонна и тотчас прикусил язык: заподозрить Конана в том, что он чего-то «боится»! Только глупец мог

брякнуть такое. — Я хочу сказать, не стоит предполагать, будто я колдун. Просто я тоже думал о чарах. Но нет, это никакие не чары. Просто пустыня порождает иногда весьма странных чудищ.

— Ну да, приблизительно так я и думал, — проворчал Конан.

— К тому же, — осмелив, продолжал Югонна, — мне тут пришло в голову...

Киммериец устремил на него пронзительный взгляд. Югонне пришлось собрать все свои силы, чтобы не смутиться и продолжить:

— Я занимался изучением свойств стекла и зеркал, их отношением к свету... Смотри, во что эта тварь превратила песок...

Конан наклонился, потрогал блестящую поверхность оплавленного песка.

— Кажется, я начинаю понимать, — проговорил он.

— У нас теперь есть несколько больших кусков почти прозрачного стекла, — продолжал Югонна, чувствуя небывалый прилив энергии. — Я попробовал бы соорудить из них нечто вроде специального прибора... Сдается мне, этот базис не просто «заколдован» — в твоем понимании... Здесь работают какие-то странные законы изменения света. И я попробую преобразовать эти законы. Помоги мне выкопать стекло и очистить его.

Югонна указал на полупрозрачную массу, блестевшую под солнцем. Конан пожал плечами. Когда он сталкивался с магами, он не чувствовал себя глупо только в одном случае: если маг пытался его убить, а он, Конан, в свою очередь, разил мага. Все другие способы взаимодействия с подобными людьми вызывали у киммерийца недоумение.

Как будто угадав мысли своего спутника, Югонна улыбнулся:

— Я ведь уже говорил тебе, что я не колдун, а ученый. Я исследовал в лабиринтах свойства прозрачных материалов. Далесари попала в хрустальную ловушку. И разрушить эту западню могут такие же зеркала, какие создали ее.

— Думаешь, здесь побывал ее дядюшка?

— Уверен.

Конан наклонился и поднял ближайший к нему кусок стекла. Увы! Киммериец приложил слишком большую силу и действовал чересчур порывисто: стекло сломалось у него в руках.

Югонна не сдержал удивленного восклицания.

— Что такое? — сердито нахмурился Конан.

— Ты очень силен.

— Знаю.

— Следующий раз будь поосторожней.

Конан извлек следующий кусок. Этот оказался поменьше, но тоже достаточно большой.

Югонна тотчас схватил стекло и принялся полировать его рукавом своей одежды. Конан не без одобрения подумал о том, что щеголь-аристократ, по крайней мере, не боится испачкать свои драгоценные тряпки, когда доходит до дела.

И снова Югонна угадал мысли киммерийца.

— Такой плотный шелк как нельзя лучше подходит для наведения глянца на поверхность зеркал, — объяснил он. — В лабиринте я пользовался чем-то похожим. Да и рубаха все равно испорчена.

Конан пожал плечами.

— Сдается мне, один рукав такой рубахи стоит приблизительно столько же, сколько коза.

— Коза? Для чего мне коза? — засмеялся Югонна.

— Коза может прокормить небольшое семейство, — ответил киммериец. — В некоторых областях к этой теме не отнеслись бы так легко-мысленно.

— Прости, — не прекращая работы, отозвался Югонна. — Я никогда не думал о жизни с этой точки зрения.

— В Авенвересе нет бедняков?

— Есть, наверное... Мы, ученые лабиринта, обитаем в собственном мире, отделенном от всего остального. К тому же, мой дом стоит в аристократическом квартале.

— Здесь тоже есть богатые кварталы в городах, — заметил Конан, труясь над извлечением следующего куска стекла. — Но совсем неподалеку от дворцов можно увидеть и хижины... Впрочем, какое мне дело! — неожиданно киммериец рассердился. — Я всего хлебнул, и богатства, и нищеты, и свободы, и рабства, и знаешь что я тебе скажу? Из всего, что я пережил, свобода пришла мне по вкусу больше всего. Так что я, как и ты, не стану на свою долю покупать козу. Эта скотина свяжет по рукам и ногам...

Югонна засмеялся.

— Забавно ты рассуждаешь. Я тоже не стану покупать козу.

— По крайней мере, в этом мы сходны.

Югонна закончил очищать первое стекло и установил его торчком в песке, так, что солнечные лучи, проходя сквозь него, падали на оазис, где находилась Далесари.

Второе стекло заняло место поодаль от первого, третье — точно напротив первого, четвертое — напротив второго. Таким образом, лучи света, проходя сквозь эти стекла, образовывали крест, а сердцевина этого креста приходилась на сам оазис, точнее — на водный источник в центре оазиса.

— Теперь осталось установить самое главное стекло, пятое, — сказал Югонна, созерцая плоды их с Конаном неустанных трудов. — Это стек-

ло — точнее, зеркало — будет самым главным. Оно должно будет поймать солнечный луч, вобратить его в себя и перенаправить в остальные стекла.

— В бубен бить не будем? — осведомился Конан.

— Что? — не понял Югонна.

— Заклинать духов? Плясать? Выкликать заклятья?

— Ничего подобного, даже и не надейся. Какой ты упрямый, Конан! Я ведь уже говорил тебе...

— Да, но звучит все это неправдоподобно, скажу по чести.

— Я догадался, каким способом Ронселен устроил эту ловушку. А если знаешь, как вещь сделана, всегда сообразишь, как можно ее разрушить.

— Согласен, — кивнул Конан и тут же добавил: — Впрочем, я не слишком хорошо знаю устройство человеческого тела, где там у него разные важные потроха расположены, зато разрушить...

— Все, довольно! Ты невыносим.

Киммериец пожал плечами, втайне очень довольный тем, что посадил ученого в лужу и что последнее слово оставил все-таки за собой.

Пятое стекло Югонна полировал с особым старанием. Киммериец отметил про себя, что изнеженный ученый ни разу не пожаловался на

голод, хотя оба они не ели уже довольно давно и к тому же растратили много сил на сражение с плюющейся ящерицей. Должно быть, Югонна не лгал, когда говорил о себе как об увлекающейся натуре. Стоило Югонне заняться чем-то, что по-настоящему заполняло его мысли, и он позабыл даже о потребностях своего тела.

Что ж, себя Конан никак увлекающейся натурой не считал. Поэтому он вытащил из-за пазухи сверток, в котором обнаружилась лепешка и кусок чрезвычайно жесткого и почти черного вяленого мяса и принялся жевать.

Югонна же трудился над своим зеркалом и даже не заметил этого. Немало позабавившись такому усердию, Конан решил оставить кусок для труженика-аристократа, хотя первоначально такого намерения не имел.

Наконец Югонна закончил работу и только тогда поднял глаза.

— У тебя есть хлеб, как хорошо! — просто-душно воскликнул он. — Очень есть хочется. Только сейчас понял.

Конан молча протянул ему остатки жалкой трапезы, и Югонна сгрыз мясо в считанные мгновения, а лепешку проглотил.

— Теперь я чувствую себя человеком! — потирая от удовольствия руки, объявил он. — Пойдем, посмотрим, где лучше установить зеркало. Солнце уже садится, так что начинать работу

будем поутру, с рассветом. Так, солнце садится вон там... — Он с озабоченным видом указал на небо. Можно было подумать, это именно Югонна распоряжался закатами и восходами и сейчас беспокоился о том, чтобы все прошло гладко и без осложнений. — Стало быть, взойдет оно с той стороны... Поправка на время года... Так... Луч пройдет сквозь стекла в направлении с юго-востока на северо-запад с небольшим отклонением...

Бормоча все эти малопонятные слова, Югонна двинулся в путь вокруг оазиса. Они уже не в первый раз обходили оазис.

Теперь Конан хорошо видел, что там, возле источника, действительно спит девушка и бродит животное с длинной шеей. Стеклистое мерцание окружало их, вместе с пальмами и колодцем. Далесари была как будто накрыта огромной прозрачной чашей.

После упорных попыток подобраться к ней поближе двое путников все же оказались возле самой стеклистой стенки. Только вот прикоснуться к ней рукой никак не удавалось — стена тотчас отодвигалась вместе с помещенным внутрь нее оазисом. Поэтому приятели решили довольствоваться тем, что они по крайней мере стоят поблизости от таинственного оазиса.

— Не будем ее трогать, иначе она может переместиться за сотни полетов стрелы отсюда, —

предложил Югонна. — И нам опять придется гнаться за ней.

Конан молча кивнул.

Югонна разместил пятое зеркало в том месте, которое считал наиболее подходящим, и, полюбовавшись на свою работу, растянулся поблизости на песке.

— Теперь можно и поспать, — объявил он. — Сейчас мы ничего больше сделать не в состоянии. Зато завтра, когда взойдет солнце...

Он не договорил. Сладко зевнув, Югонна тотчас погрузился в крепкий сон.

* * *

Конан, как обычно в подобных ситуациях, спал вполглаза. Звериным чутьем, присущим варвару, он чуял, что злокозненный старик бродит где-то поблизости. Из всего, что Конану удалось узнать о Ронселене, киммериец сделал один вывод: дядюшка Далесари не из тех, кто отступается от своего. Ронселен поставил себе целью разлучить влюбленных и не допустить брака Далесари — и он не остановится, пока не избавится от племянницы, а заодно и от опасности разоблачения.

Поэтому Конан пробудился от еле слышного шороха и сразу же сомкнул пальцы на рукояти меча.

В непроглядной тьме ночи явно кто-то был. Кто-то, кто очень тихо ступал по песку. Несколько мгновений Конан прислушивался, не предпринимая никаких действий. Скорее всего, чужак почти ослеп в кромешной темноте. Очень скоро он выдаст свое присутствие, и тогда Конан легко схватит его.

Сам киммериец, в отличие от большинства «цивилизованных» людей, хорошо видел в темноте, так что сейчас у него было преимущество перед неизвестным. Конан продолжал ждать.

Чужак находился еще довольно далеко от того места, где спали Югонна и его спутник. Он шел очень медленно и то и дело останавливался и прислушивался. Конан улыбнулся. Скоро все сомнения негодяя будут разрешены — раз и навсегда!

И тут произошло нечто неожиданное. Раздался оглушительный звон — разбилось одно из стекол. И почти сразу же после этого быстрые шаги прозвучали по песку и стихли в отдалении.

Ругаясь последними словами, Конан вскочил и бросился в погоню. Тщетно — незнакомец скрылся, как будто растворился в ночи.

От звона пробудился и Югонна.

— Что случилось? — сонно спросил он.

— Здесь был Ронселен, — ответил Конан зло. Больше всего он злился на самого себя за то, что недооценил «дядюшку». Тот оказался ловчее,

чем предполагал киммериец! — Разбил зеркало и скрылся.

— Проклятье! — Югонна схватился за голову. — Что же делать? Мы не успеем подготовить новое зеркало до восхода солнца и потеряем еще один день. А за день может произойти слишком многое... Быть может, сон Далесари станет настолько глубоким, что она больше уже никогда не проснется...

Его отчаяние было таким глубоким и всеохватным, что Конан ощутил подобие сострадания.

— Думаю, мы сумеем достать пятое зеркало гораздо быстрее, чем ты думаешь, — сказал он.

Югонна повернулся к собеседнику, невидимому в черноте ночи.

— Но как? — В голосе говорившего прозвучали слезы.

— С восходом солнца увидишь, — обещал Конан, растягиваясь на песке. — Верь мне, Югонна.

И Югонна, как ни странно, поверил. Он снова улегся и скоро опять заснул. Конан только головой покачал. Как можно быть таким доверчивым! Уму непостижимо. Станный народ эти аристократы: в чем-то горды, как демоны, а в чем-то простодушны — ну совершенно как дети.

* * *

Первый луч солнца показался из-за горизонта, и все небо вспыхнуло ослепительно яркими красками. Югонна вскочил, как будто его толкнули.

Киммериец хрюпал, разметавшись на песке, и Югонне стоило немалых сил разбудить его. Впрочем, отчасти Конан дразнил своего товарища.

— Конан! Солнце встает! Нам необходимо пятое зеркало.

Конан лениво приоткрыл глаз.

— Кто встает? Что ты кричишь? Где враги?

— Солнце встает, поторопись! Ты говорил, что найдешь зеркало еще до восхода!

— А...

Конан широко зевнул и уселся. Потер глаза и с веселой ухмылкой глянул на взволнованного Югонну.

— Ты помнишь то место, где устанавливал пятое зеркало?

— Конечно... Там, наверное, остались осколки.

— Идем.

Конан вскочил на ноги и зашагал рядом с удивленным Югонной. Когда они очутились возле кучи осколков, солнце как раз поднялось над горизонтом, и куча битого полированного стекла вспыхнула мириадами искр. Конан вынул из ножен меч и с силой вонзил в песок. Лучи солнца отразились от полированной стали.

— Ну что, Югонна, читай свои заклинания!

— Сколько раз тебе говорить, что никаких заклинаний мне не потребуется. Солнечный свет все сделает сам, без особой просьбы.

— Посмотрим...

Собранные на поверхности клинка в пучок лучи внезапно разошлись веером и, увеличенные стеклами, пронзили прозрачные стены незримой ловушки. Купол над Далесари стал золотым, затем золото поблекло, приобрело ржавые оттенки, и вот уже опрокинутая чаша, накрывшая оазис, пылает алым.

Конан наблюдал за этими превращениями света, покусывая нижнюю губу. Даже если это и чары, то очевидно не направленные против него, Конана. Следует подождать и посмотреть, как развернутся события.

Алое горение вдруг прекратилось. «Чаша» снова стала прозрачной.

И тогда Югонна осторожно приблизился к ней и протянул руку.

На сей раз рука свободно прошла сквозь незримую стену. Югонна с улыбкой повернулся к Конану.

— Получилось!

— Подожди радоваться, сперва забери оттуда девчонку да разбуди ее, — буркнул киммериец. — Может быть, все гораздо хуже, чем выглядит.

Сегодня он был настроен мрачнее обычного.

Не нравились Конану все эти фокусы с зеркалами. Никогда из зеркал ничего хорошего не выходило. Конану на ум приходили разные колдуны, которые ухитрялись создавать двойников при помощи магических зеркал, и каждый из этих двойников был занят только одним делом: пытался угробить киммерийца. А зеркала, помогавшие колдунам следить за другими людьми, даже не выходя из своих башен! Зеркала, выпивавшие из людей души, зеркала-соглядатаи...

Конан покачал головой. Теперь вся эта затея Югонны показалась ему до крайности глупой. И опасной.

Но было уже поздно останавливать Югонну. Он вошел под незримый купол и наклонился над спящей Далесари.

Верховое животное девушки узнало молодого человека. Оно выбежало из-за пальм и, наклонив длинную шею, потерлось мордой о плечо Югонны, едва не опрокинув того на землю.

— Пусти, пусти... — Он, смеясь, отталкивал морду зверя, но в ответ слышал лишь довольное пофыркивание. — Пусти же! Я должен вынести ее отсюда. Понимаешь?

Слушая знакомый голос, животное успокаивалось. Оно провело беспокойную ночь. Звериный инстинкт говорил ему о том, что они с хозяйкой угодили в какую-то западню и что выбраться отсюда будет непросто. Зверь неустанно

бродил по оазису, то и дело натыкаясь на невидимые препяды. Это бесило его, он даже пытался бить копытами по стене, но никогда не попадал в цель.

Появление Югонны оказалось как нельзя более кстати. Зверь сразу же развеселился, начал мотать головой, фыркать, толкаться и проявлять свое дружелюбие разными другими способами. Например, попытался пожевать на Югонне одежду, а потом наклонился к Далесари и захватил мягкими губами ее волосы.

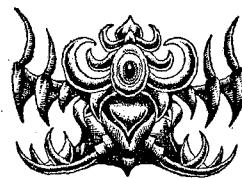
Югонна взял Далесари на руки и прижал к себе. Голова девушки бессильно мотнулась, руки повисли. Он тихонько похлопал ее по щеке.

— Далесари, это я, Югонна! Проснись!

Она в ответ лишь простонала что-то. Ее ресницы трепетали, глаза под веками перекатывались, тело покрывала холодная испарина. Далесари явно находилась во власти какого-то кошмара, но избавиться от него не могла.

Югонна понял, что должен вынести девушку отсюда, и чем скорее, тем лучше. Не стоит, наверное, даже пользоваться водой из этого источника.

С бесчувственной Далесари на руках он сделал шаг к свободе...

Глава седьмая Освобождение

Кут Конан услышал за спиной дьявольский смех. Киммериец резко обернулся. Наконец-то он встретит врага лицом к лицу! Только что здесь никого не было, Конан мог бы поклясться в этом, и вот на песке стоит, злобно ухмыляясь, старик в богатой шелковой одежде. Седые волосы старца были завязаны на макушке в хвост, его лоб охватывала широкая ярко-красная лента, украшенная драгоценными камнями. В руке он держал длинный тонкий меч и, судя по тому, как уверенно пальцы сжимали рукоять, обращаться с этим оружием старик умел недурно.

Конан сразу же понял, что не стоит обольщаться и надеяться на то, что почтенный возраст сделает Ронселена неопасным противником. Напротив. Ронселен, хоть и был совершенно сед, находился в том возрасте, когда силы еще не по-

кинули человека, а опыт возрос стократно — по сравнению с более молодыми фехтовальщиками.

Богатые одежды Ронселена были расписаны изображениями устрашающих чудовищ. Одно из них, с длинными усами, хватало щупальцами кричащую красавицу и тащило ее на дно морское; другое — с кожистыми крыльями — опускалось на голову присевшего от ужаса человека с явным намерением разорвать беднягу когтями...

Конан подумал вдруг, что эти изображения, как в зеркале, отражают душу Ронселена. «Что ж, — подумал киммериец, — он играет в злодея и вращивает тьму в своей душе, в то время как я — само зло, если захочу!»

— Кром! — взревел киммериец. — Наконец-то ты осмелился предстать передо мной при ясном свете!

— Да? — насмешливо удивился старик, даже не подумав устрашиться. — А что, ты этого хотел — увидеть меня при ясном свете?

— Обычно ты крадешься в夜里!

— Да, это мое обыкновение, — согласился Ронселен. И заметив, что Конан метнулся к своему мечу, захочотал: — О да, сделай это! Выдерни свой меч из песка и обруши на мою голову! Тебе ведь этого хочется?

Конан замер. Внезапная догадка пронзила его: как только он извлечет меч из песка, разрушит-

ся сетка из солнечных лучей, сплетенная искусством Югонны, и ловушка опять замкнется. И теперь внутри миража окажутся не только Далесари и ее зверь, но и Югонна. Вероятно, проклятый колдун будет только счастлив, увидев, как киммериец собственными руками погубит своего спутника.

Конан выхватил из-за пояса кинжал. Краем глаза он видел, как Югонна, пошатываясь, бредет к границе миража, но граница эта все время отступает. Со стороны казалось, что Югонна с Далесари на руках шагает на месте, бесцельно поднимая и опуская ноги, а за ним так же беспомысленно топчется верховое животное.

Глаза Югонны были мутными. Казалось, он с трудом одолевает сонливость. Более того, обычно хитрый и сообразительный, Югонна утратил весь свой острый ум. Ему даже в голову не приходило сесть верхом на зверя или по крайней мере усадить на него Далесари. Он продолжал брести, не выпуская девушки.

«Наука наукой, — подумал Конан, — но здесь все равно действуют какие-то чары. И разрушить их можно лишь одним способом: отправив назойливого старца в Серые Миры».

С ножом в руках он набросился на Ронселена.

Выказывая ловкость, совершенно не вяжущуюся с обликом пожилого человека, Ронселен легко уклонился от первой атаки киммерийца. По-

ка Конан пружинисто выпрямлялся, Ронселен, стремительный, как нападающая кобра, нанес ему колющий удар в плечо.

— Кром! — рявкнул Конан. — Ты разозлил меня!

Ронселен лишь усмехнулся. Он не намеревался вступать в диалог. Все эти разговоры во время поединков лишь сбивают дыхание, и хитрые фехтовальщики пользуются этим. И рассердить Ронселена, вывести его из себя киммерийцу тоже не удастся. Ронселен давно вышел из того возраста, когда бесится в ответ на насмешливое слово.

Конан отскочил и закружил вокруг своего противника, выискивая, как и куда лучше нанести удар.

Но Ронселен сохранял бдительность, и откуда бы ни замышлял атаку киммериец, ему навстречу всегда был устремлен клинок.

В какой-то миг Конан подумал, что никогда не сможет победить в этом сражении. Что ж, его задача — выиграть время. Возможно, он сумеет измотать Ронселена, и тогда... тогда можно будет рисковать и метнуть нож.

Конан не сомневался в том, что со смертью колдуна пропадет и невидимая преграда. Своими зеркалами Югонна сделал стену проницаемой, но не сумел разрушить магию целиком и полностью.

Краем глаза Конан глянул на своего товарища. Кажется, Югонна немного приблизился к границе. Во всяком случае, теперь он казался чуть ближе, чем прежде. Но сил у него почти не оставалось. Он еле плелся, и только врожденное упрямство позволяло ему еще оставаться на ногах.

Сон упорно гнул Югонну к земле. Ничего на свете ему не хотелось так сильно, как лечь и забыться...

Но он продолжал оставаться на ногах. Он знал, что Конан смотрит на него. Конан сражается за него и Далесари. Как далеко еще идти! Каждая утомительная дорога и как ужасно жарит солнце! Югонну ничуть не удивляло то обстоятельство, что его приятель вдруг оказался едва ли ни у самого окоема, в то время как еще совсем недавно они стояли рядом и беседовали. Все казалось Югонне в порядке вещей.

Он болезненно щурил глаза, всматриваясь вдали. Там, у края земли, крохотная фигурка Конана кружила вокруг другой крохотной фигурки — в ней Югонна угадывал Ронселена. И Ронселен, кажется, вооружен, а Конан безоружен. Солнце несколько раз вспыхивало на стали в руке старика.

Что случилось с мечом Конана? Почему киммериец не ударит Ронселена по голове своим замечательным широким прямым клинком и не покончит с врагом одним махом?

Как тяжела дорога!.. И не будет ей конца...

Пот заливал глаза Югонны, но у него не находилось сил даже на то, чтобы обтереть лицо. Он шел к краю света со своей невестой на руках...

Между тем Конан получил еще один укол, на сей раз в грудь, и только природная быстрота спасла киммерийцу жизнь: в последний миг он успел отклониться назад, так что острие меча лишь царапнуло кожу. Тем не менее кровь выступила на одежде. На тонких губах Ронселена показалась улыбка.

— Сдавайся! — сказал старики. — Ты проиграл. Отдай мне этих влюбленных дураков и уходи с миром. Это не твое дело, варвар, это мое дело.

— Нет! — ответил Конан.

Ронселен опустил меч, продолжая, впрочем, оставаться настороже.

— Почему ты защищаешь их? Они ведь тебе противны. Они должны быть тебе неприятны, варвар, потому что они — цивилизованные, изнеженные люди, для которых самое важное в жизни — их глупые, бесполезные книги. Ты знаешь, чем они занимаются? Он исследует свойства стеклышек, она изучает растения... По-твоему, это дело для взрослых людей?

— Мне все равно, чем они занимаются, — сказал Конан. — Да и на них мне наплевать. Но он заплатил мне и обещал отдать остальное после спасения его невесты.

— Так ты рискуешь жизнью из-за денег? — засмеялся старик. — Как глупо! Сколько он обещал тебе? Я дам больше, если ты уберешься отсюда.

Конан широко улыбнулся. Он услышал то, что хотел услышать. Ронселен на самом деле опасается Конана, коль скоро попытался его подкупить. Стало быть, имеется способ покончить с колдуном и его злыми чарами. Осталось только сообразить, в чем этот способ заключается.

С громким боевым кличем Конан набросился на Ронселена, рассчитывая застать того врасплох. Напрасные надежды! Навстречу Конану устремился меч.

— Я же говорил, что тебе не победить меня, — холодно проговорил старик, отгоняя от себя киммерийца.

Конан вновь двинулся по кругу, обходя своего врага в поисках уязвимого места...

И тут он услышал громкий, протяжный вой. Конан подскочил на месте и развернулся в ту сторону, откуда приближалась новая опасность.

По песку катилось чрезвычайно странное и жуткое с виду существо.

Оно представляло собой огромный шар — в обхвате как раз с человеческий рост. Вся поверхность этого шара непрерывно шевелилась и, казалось, увеличивалась в размерах прямо на глазах. Грязно-зеленого цвета складки покрывали

весь шар, куда ни глянь, и кожистые образования в некоторых местах шара двигались и корчились. Казалось, эти нарости пытаются вытянуться, стать длиннее и ухватиться за что-то.

Но самым ужасным было то, что шар сохранил кое-какие черты человеческого лица. Так, среди кожистых складок то и дело мелькали широко раскрытые глаза. Два темных глаза человечьей формы, в которых горели ужас и ярость. Этот взгляд был вполне осмысленным. Кто бы ни обрел эту диковинную форму, он обладал развитым разумом.

Неожиданно Ронселен расхохотался. Казалось, он узнал существо.

Миг спустя старик подвердил догадку Конана, ибо Ронселен обратился к шару по имени:

— Ширкух! Как ты удивительно теперь выглядишь! Оделся по последней моде, не так ли? Ха-ха! Должно быть, моя племянница насыпала тебе перцу в глаза!

С громким утробным воем Ширкух (это действительно был незадачливый разбойник) показался к Ронселену.

Старик ловко увернулся от него и выхватил из-за пояса маленький плоский предмет. На первый взгляд Конану показалось, что это кинжал, только очень короткий и с закругленным концом, но затем киммериец понял свою ошибку. То было еще одно зеркальце.

Ронселен выкрикнул несколько слов на непонятном языке и высоко поднял зеркало над собой. Оно вдруг вспыхнуло, и длинный пылающий луч вырвался из него.

В первое мгновение, как показалось Конану, стариk хотел направить луч на киммерийца, однако затем передумал. С Конаном он справится и без магии, одним лишь мечом. Зеркальце обладало небольшой силой, расходовать ее следовало очень осмотрительно. И стариk повернул горящую поверхность магического зеркала в сторону катящегося шара.

Луч ударил в бесформенную массу, и шар вспыхнул. Отчаянный крик заставил содрогнуться небеса.

То погибала целая вселенная.

Огромный мир, состоящий из мириадов жизней — колония грибов, наделенных коллективным разумом. Все эти существа, наполовину растения, наполовину животные, обладающие рассудком, погибали сейчас в пламени. И вместе с ними умирал доминирующий разум, который с одной стороны существовал сам по себе — как разум человека Ширкуха, а с другой — вмещал в себе тысячи, сотни тысяч маленьких рассудков, принадлежащих паразитам.

Голос Ширкуха гремел, дрожал, рассыпался на тысячи голосов и снова соединялся в единый вопль. И вместе с тем пылающий одушевленный

шар продолжал катиться, пока не достиг Ронселена. Все произошло в считанные мгновения.

Колдун осознал опасность слишком поздно: пламя сразу же охватило его. Жадные оранжевые языки впились в шелковые одежды, краска, которой щедро была расписана ткань, сразу же вспыхнула. Загорелись волосы и брови старика. Он несколько раз ударил мечом навалившийся на него шар, однако причинить большого вреда тому, что осталось от Ширкуха, уже не смог. Он пронзил и расчленял сотни маленьких существ, но на их место вставали другие, столь же крошечные. Обретя новую плоть, разбойник отчасти обрел вместе с ней и бессмертие.

Конан отбежал как можно дальше от схватки, чтобы его даже краем не задело. Он сразу оценил опасность, которую представлял собой Ширкух. Дело было даже не в пламени. Если хоть одна спора этих грибов попадет на кожу, можно сразу прощаться с жизнью.

Умереть киммериец не боялся. Он прожил славную жизнь воина и не сомневался в том, что Кром, давший ему дыхание, с радостью примет его обратно в свой чертоги.

Но погибнуть, будучи съеденным заживо какой-то плесенью? От одной мысли об этом ледяной пот проступил на лбу киммерийца. Ему уже грозила опасность быть проглоченным огромной змеей или разорванным на части львом, однако

подобная участь выглядела желанной по сравнению с той, которая могла ожидать его сейчас.

Магическое зеркальце погасло. Ронселен отчаянно вопил, взывая к милосердию людей и богов и умоляя освободить его. Поздно! Ширкух, придавил его к земле всей своей тушей. Пламя охватило обоих с удвоенной яростью. Казалось, огонь только и ждал этого мгновения, чтобы спалить обоих негодяев разом.

Столб пламени поднялся к небу, словно пытаясь соперничать яркостью с раскаленным солнцем. В оранжевой «колонне» огня Конан различал взлетающие вверх и рассыпающиеся на части фигурки: там были и чудища со змеиными телами и длинными усами, и монстры с кожистыми крыльями — кажется, они прежде украшали одежду Ронселена; мелькали и крохотные уродцы с разинутыми в беззвучном вопле остrozубыми пастьями, и оторванные части человеческих и звериных тел... наконец промелькнули искаженные мукой человеческие лица: одно — молодого мужчины, другое — старика. Все это вихрем уносилось вверх и там исчезало, растворялось в оранжевом жаре пламени.

Огонь погас так же неожиданно, как и разгорелся. На земле осталось лишь черное пятно, среди которого валялось небольшое закопченное зеркальце.

Все остальное исчезло без следа.

И почти сразу же рядом с Конаном без сил рухнул на песок Югонна, а рядом с молодым человеком повалилась и Далесари. Диковинное верховое животное остановилось, дрожа всем телом, и широко расставило ноги, чтобы не упасть.

Конан тяжело перевел дух. Он огляделся по сторонам в ожидании еще одного подвоха, но все было тихо и спокойно. Конан перевел взгляд туда, где находилась устроенная колдуном ловушка.

Оазис был на месте. Все тот же колодец, огороженный камнями, все те же пальмы. И расстояние, отделявшее путешественников от этого оазиса, измерялось не десятками полетов стрелы, а всего лишь несколькими шагами.

Конан наклонился к Югонне и толкнул его в бок.

— Очнись! Ты победил.

Югонна мучительно зевнул и усилием воли заставил себя открыть глаза. Увидев Конана, он слабо улыбнулся.

— Я все-таки дошел...

— Да нет, ты все время был здесь. Тебя удерживала иллюзия. Сейчас она рассеялась.

Югонна вдруг встрепенулся.

— Ронселен! — вскрикнул он. — Колдун должен быть здесь!

— А, так ты все-таки признаешь, что вы там у себя занимаетесь колдовством? — оскалился Конан.

Югонна смутился.

— Ронселен — во всяком случае...

— Если бы ты видел, во что твоя возлюбленная превратила человека по имени Ширкух, у тебя отпали бы последние сомнения...

Югонна тяжело вздохнул.

— Твоя взяла, Конан. В том, что мы делаем, присутствует частица магии. Но только частица. Ты понимаешь? Мы не маги в полном смысле слова...

— Мне все равно как вы называетесь, — перебил Конан. — Пока вы не пробуете свои колдовские штучки на мне, можете жить спокойно. Давай приведем в чувство эту красавицу, не то она помрет во сне.

Они принялись тормошить Далесари. Скоро она начала шевелиться, бормотать, и Югонна совершенно обезумел от счастья. Недовольный всеми этими причитаниями и восторгами, Конан отошел подальше и освободил наконец из песчаного плена свой меч. Он чувствовал себя обманутым. Итак, он сам, добровольно, участвовал в колдовстве! Да еще позволил использовать для этой цели свое оружие!

Такого с ним, пожалуй, не случалось...

Югонна как будто угадал мысли киммерийца. С сияющим лицом он повернулся к своему спутнику, когда тот подошел и мрачно уставился на парочку спасенных любовников.

— Конан! — воскликнул Югонна. — Мы оба тебе очень признательны. Позволь же отблагодарить тебя...

— Треугольными монетами, которые здешние трактирщики не хотят брать даже ради золота? — проворчал Конан.

— Нет, кое-чем получше...

Югонна кивнул Далесари, и она достала небольшой мешочек с драгоценными камнями.

— Они настоящие? — уточнил Конан. — Не иллюзия?

— Нет... Неужели ты думаешь, что мы посмешили бы обманывать тебя? — удивился Югонна.

— Что ж, хорошо, — сказал Конан. — Полагаю, здесь мы и расстанемся.

— Что? — испугалась Далесари. — Ты бросишь нас в пустыне?

— Не вижу в этом никакой беды, — пожал плечами киммериец. — У вас есть вода, кое-какие сбережения, два верховых животных... И кроме того, Югонна теперь опытный путешественник. Он сумеет выжить в пустыне сам и не позволит погибнуть своей спутнице. Не так ли, Югонна?

Молодой человек промолчал.

Конан взял один из драгоценных камней и подбросил его в воздух.

— Посмотрим, может быть, и из меня получится колдун! — сказал киммериец. — Какое бы

заклинание применить? Бум-брам-трам! Превратись!

И камень, сверкнув гранями на солнце, вдруг обернулся птицей. С пронзительным криком птица умчалась прочь.

Конан посмотрел на своих знакомцев. Хищная ухмылка растянула губы варвара.

— Как вам понравилась моя магия, друзья мои?

— Конан, это не то, что ты подумал, — заговорил Югонна, но его спутница опередила его:

— Нет, он прав. Мы должны рассказать ему все. Он доказал, что достоин нашего доверия...

— Для начала давайте уточним одну вещь, — сказал Конан. — Я никому ничего не доказывал. Меня наняли для определенной работы, заплатили, кстати, плохо, хотя работа сделана... И теперь, кажется, собираются почтить очередной лживой историей.

— Нет, эта история будет совершенно правдивой, — заверила Далесари. — Кое-что из рассказанного Югонной — правда. Мы договорились, что при общении с людьми будем пользоваться именно таким вариантом нашей истории. Мы действительно живем в Авенвересе, в Аквилии. Там имеется небольшое сообщество, которое называет себя магическим. На самом деле мы не маги.

— Знакомая песенка, — перебил Конан.

— Все, что мы создаем, — это иллюзии, — продолжала Далесари. — Иллюзия заложена и в драгоценных камнях, и в той птице... Ты правильно угадал: если заговоренный камень подбросить, он обернется птицей. А если бросить его на землю, превратится в змею.

— Ну а можно сделать так, чтобы он оставался драгоценным камнем? — поинтересовался Конан.

— Наверное... Но эта иллюзия, как и любая другая, будет длиться недолго.

— Ронселен — действительно дядя Далесари?

— Да, я рассказал тебе правду в том, что касалось нашей с Далесари любви и в том, что касалось Козней ее дядюшки и опекуна, — сказал Югонна. — Пойми, ложь была лишь в том, что мы не... совсем не практикуем магию. Даже лабиринт в нашем городе существует взаправду.

— Но город ваш — вовсе не обломок Атлантиды, не так ли?

— Да, — кивнул Югонна. — Хотя нам, конечно, хотелось бы считать себя потомками атлантов, но... это не так. Мы самые обыкновенные люди.

— Я на самом деле интересуюсь растениями, — вставила Далесари, обольстительно улыбаясь Конану.

На киммерийца эта улыбка не произвела никакого впечатления.

- А монеты?
- Монеты — настоящие. Они имеют хождение только в нашем городе.
- Ясно. А верховое животное?
- Его вывели наши ученые. Здесь тоже нет иллюзии. Очень удобная порода. Вынослив, как верблюд, но умен и обычно добр, в отличие от верблюда.
- Ваша одежда... — начал было Конан.
- Мы украли несколько шелковичных червей у кхитайцев, — с гордостью сообщил Югонна. — Несколько поколений назад наши ученые в лабиринте освоили шелкопрядство, более того — научились делать плотную ткань. Мы добавляем к шелковой нити льняную. Очень интересный способ. Так одеваются только обитатели лабиринта Авенвереса.
- Чего только не узнаешь! — сказал Конан. — Что ж, благодарю вас за поучительную историю. Я рад, что все закончилось благополучно и что вы наконец обрели друг друга. Возвращайтесь в лабиринт и плодите там магических деток, которые подожгут бороду своего отца и превратят в лягушек все украшения своей матери. Желаю вам в этом преуспеть!
- С этим Конан усился на своего коня и вознамерился было уехать.
- Но любовники быстро догнали его.
- Ты оставил нас здесь?

— Я ведь уже сказал, что моим изначальным намерением было побывать в одиночестве. Помнишь, как мы встретились, Югонна? Если у тебя не совсем отшибло память, я тебя предупреждал: я доведу тебя только до караван-сарай. Потом ты нанял меня... Но поскольку заплатить ты мне так и не удосужился, то я считаю мою работу выполненной, а тебя — моим должником. Прощай.

И киммериец ударили коня пятками. Югонна и Далесари провожали его долгим взглядом. На конец Далесари повернулась к своему возлюбленному.

— Мы ведь не пропадем в пустыне, верно?

— Верно, — сказал Югонна. — Конан был прав: я теперь хорошо умею выживать в любых условиях. У меня был отменный учитель. А кроме того...

Он потянулся рукой к шее возлюбленной и вытащил наружу маленький медный медальон.

— Эта штука все еще с тобой...

— Разумеется, — улыбнулась она.

— Ронселен, надо полагать, охотился именно за этим предметом.

— Разумеется, — повторила Далесари.

— Обними меня. Попробуем вместе прочесть заклинание...

Она потянулась к нему, не слезая с седла, и он коснулся ее руки. Конь пугливо фыркал, об-

нююхивая странного зверя; животное Далесари, напротив, относилось к новому соседству с полным спокойствием.

Голоса любовников слились. Странная речь полилась из их уст, длинное, ритмическое заклинание, произносимое нараспев.

Спустя несколько минут на том месте, где только что находились двое верховых, остался лишь небольшой смерч. Он пробежал по барханам, оставляя заметный след, а затем рассеялся — как не бывало.

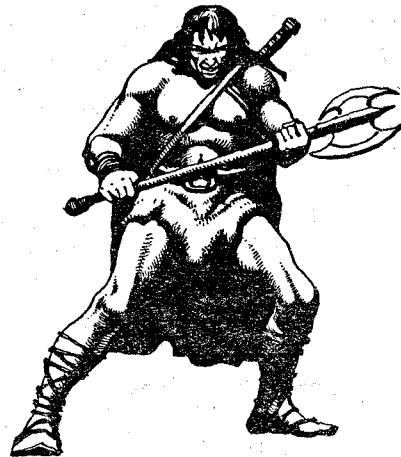
Конан помедлил и оглянулся. Он видел смерч, удаляющийся к горизонту, и сомнений в том, откуда взялся здесь этот смерч и куда он мчится, у киммерийца не оставалось.

— Маги! — фыркнул Конан. — Да еще влюбленные друг в друга! С ума можно сойти.

Он сильно ударил коня пятками и помчался прочь.

КРАСАВИЦА В ЗЕРКАЛАХ

Глава первая

Юный граф между жизнью и смертью

аленькое графство Бенойка на юге Аргоса, что раскинулось по обоим берегам реки Лида, лихорадило. Несколько седмиц кряду наследник, молодой граф Цинфелин, был опасно болен. Старый граф Гарлот уже отчаялся увидеть своего сына живым.

Ситуация действительно складывалась серьезная. Цинфелин был единственным сыном Гарлота; другой надежды у графства просто не имелось. Если Цинфелин сейчас умрет, то земли Бенойка отойдут короне, и графство навсегда потеряет свою независимость. Многие обитатели этого древнего владения по-настоящему любили правящую династию и были ей преданы. Особенно если учесть, что графы Бенойка всегда оставались щедрыми по отношению к верным людям и охотно наделяли их имуществом.

В давние времена графы Бенойка много воевали, и добыча бывала существенной. Потом настало время для более мирных владык; однако подданные их процветали и продолжали души не чаять в своих повелителях.

Династия оборвется? Неужели такое возможно? Шепоток расползлся по графству, и многие скорбно качали головами и возносили молитвы к богам.

Только бы милосердные боги не допустили подобного! Нет, Митра этого не допустит, ведь Митра следит за тем, чтобы все в мире совершилось справедливо, — а графы Бенойка всегда были верными адептами этого бога! Ведь со смертью Цинфелина погибнет и надежда, и кто может предсказать — какой окажется судьба графства под тяжелой рукой короля? Нет и нет! Только не это!

На алтари приносились жертвы, — молили не только Митру, но и шемитского бога Бела, весьма чтимого в Аргосе; читались заклятия, отгоняющие от ложа больного наследника злых духов.

На пятый день неустанных молитв и неусыпных трудов со стороны дворцового медика — и еще десятков личных врачей, присланных всеми состоятельными людьми графства, — юный граф наконец открыл глаза.

Тяжелое забытье миновало. Холодный пот выступил на лбу молодого человека, и взгляд

его глаз, хоть и оставался страдальческим, сделался по крайней мере осмысленным.

Повсюду обнимались и поздравляли друг друга, как будто в графстве наступил праздник.

Но радость оказалась преждевременной. Хоть тело молодого графа и было спасено от неминуемой смерти, некое повреждение было нанесено его духу.

Лихорадка больше не возвращалась, но было совершенно очевидно: душа юноши пребывает в болезненном и печальном мире. Цинфелин забросил все свои прежние занятия. Еще совсем недавно не было для него более приятного дела, чем охота или сумасшедшая скачка верхом; он любил стрелять из лука и рубиться на мечах со своими друзьями из малой дружины, которую содержал для него отец.

Все это осталось в прошлом. Сохраняя облик юноши, душой Цинфелин неожиданно превратился в дряхлого старика. Любому другому делу он предпочитал теперь крепкий сон в мягкой постели. Куда подевался тот Цинфелин, что ночевал на голой земле, а во дворце приказал установить для себя обычную походную кровать, какой пользуются во время войны полководцы, — узкую и жесткую? Теперь его ложем служила широченная постель с пуховой периной и теплым покрывалом, щитом из мягких беличьих шкур.

Он спал и спал... К нему заглядывали сочувствующие придворные его отца и чмокали губами, недоумевая. Врачи часами просиживали у его постели, прислушиваясь ко всему, что говорил во сне больной. Они пытались установить причину столь странного состояния Цинфелина. Но хоть юный граф и спал очень беспокойно, никаких связных речей не срывалось с его губ. Он лишь вскрикивал и ворочался, а иногда вдруг вскакивал и широко распахивал глаза, словно всматривался во что-то, видное лишь ему одному. А затем веки его медленно опускались, и он снова укладывался в постель и погружался в забытье.

Бывали у Цинфелина и бывшие друзья — крепкие молодые люди, от которых сильно пахло потом, выделанной кожей, сталью, лошадьми. Недоумевая, таращились они на своего прежнего предводителя. Лекари обычно спешили выставить их вон, и они уходили с опущенной головой.

Никто ничего не понимал. Магов при дворе Гарлота не привечали, так что снять заклятье — если, конечно, все дело именно в заклятье, — было некому. Разыскивать мага по Хайборе Гарлот пока что не решался. Мало ли кто откликнется на зов! Среди магов много проходимцев. Даже больше, чем среди обыкновенных людей.

Решили пока выжидать.

Иногда, впрочем, юным графом овладевало беспокойство. Тогда он, напротив, не спал по целым дням и бродил по замку, как привидение. Казалось, он не вполне отдает себе отчет в том, куда несут его ноги. Если он случайно оказывался на кухне, то ел, но если бесцельные блуждания не приводили его к съестному, он обходился без еды и даже не вспоминал о том, что надо бы перекусить.

Он худел, скоро от него остались кожа да кости, и на изможденном лице ярко горели воспаленные глаза.

Графство Бенойк погрузилось в печаль. Никто не знал, как помочь всеми любимому юному графу. Гарлот сделался раздражительным и сварливым, начал бить слуг и кричать на подчиненных, а одного верного сотоварища, с которым пережил немало испытаний, неожиданно отоспал от двора. Вдогонку изгнаннику полетело письмо, в котором Гарлот извинялся за свое решение и добавлял: «Я боюсь, что моя теперешняя несдержанность может окончательно разрушить нашу дружбу, так что тебе лучше побывать вдали от меня».

Юный Цинфелин не был таким предусмотрительным: Разум его затуманился какой-то неведомой печалью. Однажды, когда молодой граф спал, к нему в комнату зашел его самый близкий друг по имени Рихан. Этот Рихан, широкоп-

лечий, белокурый, простодушный парень чаще всех избирался Цинфелином в качестве партнера для фехтовальных упражнений. Вместе они провели немало часов. А сколько переломали тренировочного оружия! Рихан улыбался, вспоминая, как Цинфелин треснул его по голове деревянным мечом, и меч сломался, а он, Рихан, в ответ ударили Цинфелина щитом и сломал ему зуб. Вот была потеха!

Рихана врачи не допускали до ложа Цинфелина, но юноша рассудил по-своему: «Если ничто больше не радует Цинфелина, то, может быть, я сумею его развеселить? Я напомню ему много забавных историй из нашего прошлого. Неужели он забыл, как нам было весело? А как мы гнались за оленухой и угодили в грязное озеро? Как выбрались оттуда, по уши в тине, и зашли в дом к графине Церниве, а она нас не узнала и велела травить собаками... а собаки даже не хотели к нам подходить, так от нас воняло тиной... Ух! Дух захватывает от всех этих воспоминаний. Неужто он все забыл? Я просто не могу в такое поверить!»

И Рихан решительно вошел в комнату.

Цинфелин спал. Молодой человек наклонился над графом и услышал, как тот тихо шепчет: «Нет, не надо... уйди, исчезни...» В первое мгновение Рихан подумал было, что это «исчезни» относится к нему, что это его юный граф просит

уйти; но затем он понял: нет, мольба обращена к какому-то видению, которое мучает Цинфелина.

Рихан больше не колебался. Он встряхнул Цинфелина за плечо.

— Проснитесь, ваша светлость! Проснитесь! Это я, Рихан! Я здесь!

Цинфелин громко, со страданием застонал и открыл глаза. Он увидел Рихана и заморгал, привыкая к этому новому для себя зрелищу. Наконец он пробормотал:

— Рихан?

— Вы узнали меня! — возликовал дружины. — Я так и думал. Не может мой господин не узнать меня! Не может мне не обрадоваться! Подать вам одеваться?

Цинфелин не ответил, и Рихан, приняв его молчание за знак согласия, напялил на своего господина рубаху, колет и сапоги. Цинфелин молча подчинялся всему, что с ним проделывали. Казалось, ему безразлично все происходящее.

А Рихан даже не замечал этого безразличия. Он все говорил и говорил:

— Вот я и подумал: разве можно такому молодому человеку, как вы, гнить в этой душной комнате? Да эта постель — просто душегубка какая-то! Здесь и здоровый-то умрет, не то что хворый. Болезнь ваша ведь прошла? Лихорадки больше нет? Люди говорят, вы поправились. Я вчера докторишек подслушивал, они точно ут-

верждают: мол, нет больше болезни. Поедемте прокатимся. Звездочка оседлана, и Вихрь тоже бьет копытом. Я так думаю, вам пока лучше на Звездочке, она посмирнее. А?

Юный граф вдруг вырвался из рук Рихана. Он метнулся в сторону и побежал, загребая ногами, куда-то по коридору. Рихан поспешил за ним следом.

— Куда вы? Что случилось? Я обидел вас? Не хотите на Звездочке? Ну конечно, это лошадь больше подходит для женщины, но вы ведь хворали, вот я и подумал...

Не отвечая, Цинфелин спешил по коридору. Он ощупывал стены вокруг себя руками, как слепой, и только качал головой со слабым стоном. Вдруг он остановился, так что Рихан со всего маху налетел на него.

— Оставь меня! — закричал Цинфелин. — Стража! Хватайте его! Он хочет меня убить!

— Что вы такое говорите! — воскликнул Рихан, ужасаясь.

Стражники уже бежали к нему, топоча и бряцая оружием.

— Хватайте! — в исступлении вопил Цинфелин. — Убийца!

— Нет! Нет! — Рихан вытянул перед собой руки, как бы отстраняясь от этого страшного обвинения.

Стражники обступили его и потащили прочь.

Рихан не сопротивлялся и только твердил: «Нет, нет!»

Незадачливого дружинника доставили к графу Гарлоту.

Граф сурово уставился на него.

— Ты вошел в комнату моего сына, не так ли?

— Да, ваша светлость, но я...

— Молчи. Будешь говорить только «да» или «нет». Мне не нужны твои глупые оправдания.

— Но ваша светлость! — взмолился Рихан. — У меня и в мыслях не было причинять Цинфелину какой-либо вред. Мы же с ним друзья.

— Я запрещал входить к нему. Ты помнишь об этом? — сурово вопросил Гарлот.

— Да... — пробормотал Рихан.

— Хорошо. Ты нарушил мой запрет?

— Да.

— Он спал, когда ты вошел к нему в комнату? — продолжал граф.

— Да...

— И ты разбудил его?

— Да...

— Ты хотел убить его?

— Нет! — Рихан упал на колени и закричал, отчаянно взывая к рассудку старого графа: — Как вы можете даже предполагать такое! Я не знаю, чем обидел Цинфелина, но все, чего я хотел, — это покататься с ним верхом! Я даже оседал для него Звездочку.

— Встань и убирайся с моих глаз, пока я не распорядился тебя повесить, — кратко приказал граф Гарлот, и Рихан выбежал из зала.

Тем временем Цинфелин, чье сознание расшевожил Рихан, пустился в путь по замку. Его видели то в одном зале, то в другом. Иногда он подходил к окну и подолгу смотрел наружу с таким видом, как будто для него теперь запретны и поля, и реки, и леса — все те места, где он прежде так любил проводить время.

Если он замечал человека, он спешил скрываться или вдруг начинал кричать:

— Оставьте меня! Я хочу умереть! Как вы не понимаете, что я хочу умереть! Только смерть положит предел этой муке!.. Если бы вы знали, как это все мучительно, как больно, вы позволили бы мне умереть!..

Во дворце боялись, как бы юный граф не наложил на себя руки, но затем стало очевидно: Цинфелин все еще оставался прежним Цинфелином настолько, чтобы не помышлять о самоубийстве. Если бы кто-то захотел его убить, он бы, возможно, радостно принял смерть, но прервать свое бытие самостоятельно — нет, на такое он не был пока способен. Более того, когда его горячечный ум вообразил, будто Рихан покушается на его жизнь, Цинфелин позвал на помощь.

И все же смерть представлялась ему желанной...

Один из врачей высказал предположение, что юный граф начал страдать раздвоением личности. Эту тему начали обсуждать сразу пятнадцать ученых мужей. Решили: предположение не лишено оснований, однако посвящать в суть дискуссии старого графа преждевременно. Если Гарлот узnaет, что медики считают его сына и наследника безумцем, он, пожалуй, поснимает слишком умные головы с плеч.

Наконец один из врачей, самый пожилой и опытный из всех, решился заговорить с юным графом о его желании умереть. Лучше бы он этого не делал!

С громким криком, в котором слышались отчаяние и ненависть, Цинфелин набросился на ученого старика и принялся его душить. Набежавшая стража едва-едва сумела оттащить Цинфелина от его жертвы. Молодой человек продолжал вырываться из рук удерживавших его стражников и осипать врача проклятьями.

Пена срываалась с его губ, в горле клокотала ярость.

Цинфелина утащили в комнату и там повалили на кровать, привязав за руки и за ноги. Припадок буйства длился несколько часов, после чего юный граф опять погрузился в сон.

Скрыть это происшествие от Гарлота не удалось, и граф Бенойка решил принять собственные меры.

— Если мой сын впадает в детство и постепенно погружается во мрак, буду относиться к нему как к ребенку, — сказал он своим доверенным людям. — Даже если он сделался безумцем, как меня пытаются уверить, он все равно остается моим сыном. Я не откажусь от него так легко. Никому не видать графства Бенойк, пока мы с ним оба живы!

И граф велел повсюду разыскивать странствующих музыкантов, фигляров, рассказчиков, танцоров, певцов — всех, кто мог бы развлечь и развеселить больного.

— В конце концов, сын мой еще очень молод, а в юности у мужчины бывают приступы необоснованной тоски, — добавил граф. — Возможно, все дело именно в том, что Цинфелин взрослеет.

Никто в душе не был согласен с графом, но возражать ему также не осмелились.

И в замок начали прибывать жонглеры и фокусники.

Их набралось так много, что гарнизон пришлось переселить за стены замка в шатры, так что со стороны могло бы теперь показаться, будто замок Бенойк находится в осаде.

Те музыканты и сказители, которым не нашлось места в замке — несмотря на переселенный гарнизон — тоже устроились под стенами. Кто остался жить в своей телеге под навесом, кто разместился на голой земле, кто разбил не-

большой шатер... Каждый поступал по своему усмотрению.

И началась совершенно невероятная жизнь. Солдаты гарнизона, горожане и жители замка заводили кратковременные, но очень бурные отношения с пришлыми артистами. Певицы и акробатки охотно проводили время с бывшими товарищами Цинфелина, их товарищи — жонглеры и музыканты — развлекали дворцовых дам. Разумеется, случались всякого рода недоразумения, и не одному музыканту пришлось спешно покидать Бенойк, спасаясь от разъяренного мужа какой-нибудь сугубой любительницы лютневой музыки.

Ежедневно юного графа приводили в большой зал — в былые времена здесь устраивались пиршства.

Цинфелина усаживали на большой трон, стоявший у стены в торце зала, под гигантским изображением родового герба. Справа и слева от трона выстраивалась стража: не столько для того, чтобы охранять самого Цинфелина, сколько для того, чтобы в случае вспышки ярости со стороны юного графа спасти ни в чем не повинных музыкантов.

Пару раз Цинфелин все-таки ухитрялся вывернуться и наброситься на какого-то не угодившего ему бедолагу. Тот еле унес ноги из Бенойка. Гарлот послал ему мешочек с монетами — в

знак утешения, подарил подбитый мехом плащ и попросил прощения.

Впрочем, это был единичный случай, ибо скоро Гарлот понял: одаривать всех обиженных Цинфелином — никаких денег не напасешься.

Юному графу не нравилась музыка. Он зевал, когда ему читали поэмы, требовал выпивки и еды, когда прелестные танцовщицы показывали ему самые соблазнительные танцы. Ни жонглеры, ни дрессировщики зверей, ни акробаты не в силах были вызвать на его лицо улыбку.

Тем не менее праздник продолжался. Странное то было празднество: все веселились насильственно, с большим трудом, в большой пиршественный зал шли как на казнь, с мрачным настроением. Слухи о характере юного графа разошлись среди артистов со скоростью лесного пожара. Артист создан для радости — а какое может быть удовольствие веселить человека, который только о том и мечтает, чтобы тебя удавить!

И только однажды Цинфелин выказал некоторое подобие интереса.

Перед ним выступали два странствующих фокусника, мужчина и женщина. Одеты они были в странную одежду — просторные шелковые рубахи, расписанные изображениями удивительных существ, и штаны с пузырями над коленями. Множество лент, бантов и бусин украшали их наряд.

Оба они по-своему очень красивы, с молочно-белой кожей и темными глазами. Они обладали неуловимым сходством, которое могло быть и родственным, но могло быть связано с глубокой душевной близостью: так муж и жена, прожившие вместе много зим, становятся в конце концов похожи, как брат и сестра.

Цинфелин, впрочем, посмотрел на них без всякого интереса. Его обязали «насладиться» представлением — и он неподвижно сидел на своем троне, безрадостно наблюдая за фокусами.

Прочие артисты, танцовщики и музыканты, стояли поблизости, отдыхая и наблюдая за работой своих сотоварищей.

Молодой мужчина выставил посреди зала большое овальное зеркало и сделал широкий жест.

— Прошу вашу светлость посмотреть в это зеркало!

Цинфелин послушно наклонился вперед и заглянул в зеркало.

— Я ничего не вижу, — удивленно произнес он. И перевел глаза на фокусника: — Ты хочешь сказать, что меня больше не существует в мире живых? Что даже зеркала не отражают моего лица?

— Вовсе не это, — поспешил возразил фокусник. — Я лишь хотел удивить вас. Взгляните же, может быть, теперь вы увидите кое-что...

И снова Цинфелин подчинился и с самым равнодушным видом посмотрел в зеркало. Теперь оттуда выглядывала та женщина, которая была с фокусником.

Цинфелин невольно обернулся, чтобы посмотреть — не стоит ли она за его плечом; но рядом с ним никого не было. Трон, герб на стенах — и все. Женщина куда-то скрылась.

— Где она? — спросил Цинфелин. — Это какая-то загадка? Учи, я не люблю загадок!

— Вашей светлости не придется ничего отгадывать — я все расскажу и покажу сам. Но разве вашей светлости не хотелось бы немного удивиться?

Цинфелин задумался, намереваясь как можно более добросовестно ответить на этот вопрос. Потом покачал головой:

— Я вообще не хочу ничего чувствовать. Если я допущу чувства в мою душу, то первым, что в нее войдет, будет боль, а мне бы этого не хотелось...

— Будем рассматривать удивление как явление рассудочное, а не душевное, — предложил фокусник.

— О, ты, кажется, изучал философию? — Цинфелин подался вперед, внимательно всматриваясь в фигляра. — Странно, — пробормотал он. — Сейчас, когда я получше разглядел тебя, мне кажется, будто я вижу человека, получив-

шего хорошее воспитание... И это меня настораживает. Проклятье, кажется, тебе все-таки удалось меня удивить!

— Это не входило в мои планы, — поспешил сказать фокусник. — Моя персона не должна занимать вашу светлость ни в коем случае. Единственная моя цель — развлечь вашу светлость. Прошу, попробуйте еще раз посмотреть в зеркало.

Цинфелин глянул на полированную поверхность стекла и отпрянул: девушка смотрела оттуда и улыбалась. В этот миг фокусник хлопнул в ладоши, и его спутница выскочила из сундука, стоявшего возле стены.

Даже артисты, втайне завидовавшие фокуснику (еще бы! с ним единственным Цинфелин заговорил), разразились восторженными криками. А фокусник взметнул руки и снова указал на зеркало.

— Посмотрите теперь.

Цинфелин наклонился вперед, а затем — о чудо! — встал с трона, приблизился и присел перед зеркалом на корточки, внимательно всматриваясь.

Он видел незнакомый берег. Волны бились о скалы, высоко под самыми тучами виден был замок, а над островерхими башнями замка летали птицы.

Затем картина изменилась: теперь перед глазами молодого графа предстали купающиеся в

море девушки с длинными зелеными волосами и прозрачными глазами цвета аквамарина. Вот одна из них нырнула, над волнами мелькнула русалочий хвост...

Сценка исчезла в брызге пены и сменилась видением густого леса. Темно-зеленое кружево папоротников скрывало неподвижную фигуру убитого воина; кровь яркими рубинами ала на траве и листьях. А рядом с воином лежало мертвое чудовище, и прекрасная дева стояла, в печали глядя на погибшего...

Поднялся туман и затянул всю сцену. Когда мгла рассеялась, Цинфелин увидел поединок двух полуобнаженных гладиаторов, вооруженных длинными кинжалами.

И почти сразу же эта картина скрылась, а вместо нее появилось хмурое море. Башня-маяк стояла на берегу узкого пролива, чайка одиноко кричала в вышине, и от этого печального крика местность казалась еще более заброшенной.

Цинфелин неожиданно побледнел. Он встал, отошел к окну, как бы не желая больше смотреть в зеркало, но затем вдруг подбежал к стеклу вплотную и прижался к нему лицом. Спутница фокусника, стоявшая ближе, заметила, что глаза Цинфелина закрыты, и по щекам из-под зажмуренных век катятся слезы.

Фокусник с любопытством наблюдал за молодым графом.

— Кажется, нам удалось вызвать ваш интерес, ваша светлость? — вкрадчиво осведомился он.

Цинфелин открыл глаза и несколько мгновений пристально всматривался в зеркало. Наконец он с трудом оторвался от картины.

— Да, — отрывисто бросил он. — Ваше зеркало... оно ведь магическое?

— Я бы так не сказал, — возразил фокусник. — Это всего лишь наука. Видите ли, ваша светлость, мы с моей подругой родились в городе Авенверес. Этот городок расположен на одном из островов, далеко в море... Считается, что это — уцелевший обломок Атлантиды. Поэтому и внешность наша обладает некоторыми отличительными особенностями — мы не похожи на других обитателей Хайбореи...

Он поклонился и с улыбкой посмотрел на юного графа. Цинфелин выглядел взволнованным.

— Атлантида? — прошептал он.

— Так говорят наши старейшины, и у нас нет оснований им не верить.

Один из музыкантов, вне себя от зависти при виде того, какого успеха добился этот проходимец-фокусник, громко выкрикнул:

— Стало быть, наследники Атлантиды ради пропитания показывают теперь грошевые фокусы!

Кругом засмеялись. Насмешник горделиво огляделся по сторонам.

Цинфелин рассвирепел. Он поднялся с трона и закричал:

— Стража! Всех вон отсюда! Вывести всех вон!

Грохоча доспехами и оружием, в зал вбежали стражники. Они принялись весьма бесцеремонно хватать артистов и выталкивать их из зала. Каякая-то арфистка отбивалась с гневным криком:

— Не прикасайся! Убери свои грязные лапы! Я и сама уйду!

Певец, которого любезно подталкивали кулаком в шею, возмущался:

— Как ты смеешь, мужлан! Я выступал перед королями!

— Давай, давай! — посмеиваясь, подбадривал его стражник. — Нам-то какое дело, мы-то не короли!

Визжащую акробатку, миниатюрную девушку с длинными светлыми волосами, дюжий детина ухватил поперек туловища и уволок, как куклу.

Цинфелин даже не смотрел на происходящее, хотя — следует отдать должное стражникам и артистам! — зрелище было весьма любопытное и, можно сказать, забавное.

Фокусник и его подруга от души наслаждались, наблюдая за разгромом. Девушка даже подмигнула своему спутнику, а затем перевела

простодушный взгляд на Цинфелина и растянула губы в веселой улыбке.

Наконец в зале остались лишь молодой граф и двое фокусников. Цинфелин показал рукой на стол:

— Здесь, кажется, осталось угощенье... Берите, сколько хотите. Кажется, я не предложил вам перекусить.

— Выступать лучше на голодный желудок, — сообщил фокусник. — Лучше думается и споровка совершенно другая. Сытый артист мечтает только об одном: о мягкой перине. Мы ведь очень ленивые люди, ваша светлость, и если что-то нам и по душе, так это безделье.

Девушка ущипнула его за бок.

— Говори о себе! Мне нравится то, что я делаю.

Он живо повернулся к ней:

— Это потому, что вся твоя работа заключается в сидении в сундуке.

Цинфелин хлопнул в ладоши.

— Довольно! Препираться будете наедине, а сейчас — ешьте и отвечайте на мои вопросы.

Фокусники не заставили просить себя дважды — они быстро устроились за столом и принялись уминать закуски, запивая их вином. Цинфелин смотрел на них с отрешенным видом. Его ничуть не раздражало, что эти бродячие фигляры жуют и чавкают в его присутствии, хотя ма-

ло кто из земных владык допустил бы подобную фамильярность.

Наконец Цинфелин сказал:

— Вы утверждаете, что в вашем зеркале нет никакой магии?

— Может быть, самая малость, — ответил мужчина с набитым ртом.

— И вы действительно потомки атлантов?

— Возможно, — сказал мужчина.

А женщина добавила:

— Так иногда говорят. Мы в точности и сами не знаем. Но некоторые признаки позволяют нам соглашаться с этим предположением. А некоторые... — Она пожала плечами.

— Это не важно, — махнул рукой Цинфелин. И глубоко задумался.

Пауза длилась довольно долго, и фокусники уж совсем было решили, что разговор окончен, но молодой граф все не давал им дозволения уйти. Наконец он спросил:

— Вы видели все то, что показывали зеркала?

— Кое-что из этого.

— А другое?

— Кое-что — плод наших измышлений. Но зеркало лишь угадывает нашу фантазию и находит нечто подобное в действительности.

— Иными словами, все, что отражает зеркало, так или иначе существует, и это можно найти?

— Да, ваша светлость. Если постараться, то найти можно все.

— Ясно, — кивнул Цинфелин.

Теперь от полубезумного, измученного болезнью, бессонницей, видениями и приступами бешенства молодого человека ничего не осталось. Перед артистами сидел молодой граф, человек, в точности уверенный в том, чего он хочет и чего добивается от других. И снова повисла долгая пауза. Закуски на столе закончились. Обтирая губы, артисты молча ждали продолжения разговора — или приказания удалиться.

Цинфелин вдруг встрепенулся и уставился на фокусников так, словно видел их впервые.

— Вы кто такие? — с подозрительностью осматривая их, осведомился он.

— Мы... фокусники, ваша светлость, — ответила женщина.

— Что вы здесь делаете?

— Мы развлекали вашу светлость, а ваша светлость дозволила нам угоститься...

— Я? Дозволил угоститься? Вы что, ели тут у меня на глазах? И в этом заключалось ваше развлечение? Вы умеете как-то особенно чавкать?

Фокусники переглянулись. Гневные пятна поползли по бледному лицу Цинфелина. Он медленно поднялся с трона.

— Да вы знаете, что я сделаю с вами за это!..

И вдруг он обмяк и упал обратно на сиденье.

— Я вспомнил! — проговорил он совершенно другим тоном, в котором прозвучало признание собственной вины. — Вспомнил. Вы показывали мне удивительные картины в зеркале, и я сам дозволил вам подкрепиться. Да, так оно и было. Вот что. Я хочу, чтобы вы пришли ко мне еще раз. Вечером. Нет, лучше ночью. Вы приедете? Приходите оба, и возьмите с собой зеркало. Я хочу, чтобы вы снова развлекали меня призрачными картинами. На сей раз нам никто не будет мешать. Никакие посторонние люди. Мне они мешали наслаждаться, поэтому я приказал их выгнать. Да, поэтому...

Он помолчал еще немного и заключил:

— К тому же ночь — верная союзница тех, кто хочет увидеть незримое, не так ли?

Фокусники с поклоном покинули зал и вышли в коридор. Там их сразу окружила стража. Они хотели было направиться к выходу, но начальник стражи махнул своим людям, и те скрестили перед носом у артистов копья.

— Куда?

— Нам нужно выйти, — объяснил мужчина. — Там, снаружи, остались наши вещи.

— Вы никуда не пойдете, — сказал начальник стражи. — Следуйте за мной.

— Но... — начал было мужчина.

Женщина взяла его за руку.

— Нам не причинят вреда, — тихо обрагилась

она к своему спутнику. — Подчинись ему и не спорь.

Женщина оказалась права. Молчаливый начальник стражи просто доставил обоих фокусников в личные покои графа Гарлота и запер за ними дверь.

Гарлот расхаживал по комнате, заложив руки за спину. При виде фокусников он остановился и резко развернулся.

— Итак, вам это удалось, — проговорил он.

— Что, ваша светлость? — с низким поклоном осведомился мужчина.

Кланялся он почтительно, но с неуловимым оттенком высокомерия: так истинный аристократ приветствует другого аристократа, более могущественного и знатного.

— Не притворяйтесь! — Граф Гарлот сжал кулаки. — Вы хорошо знаете, о чем идет речь. Мой сын опасно болен. Он утратил интерес к жизни. Он перестал улыбаться, ему не нравятся женщины, он позабыл охоту и верховую езду, выбросил из головы военные тренировки... Так не должно быть. Либо он должен умереть — если уж так сулили боги! — либо вернуться к нам. Вам удалось пробудить в нем интерес. Что вы сделали?

— Показали ему фокус, — ответила женщина.

— Покажите и мне, — приказал Гарлот.

— Эти фокусы были предназначены только для него, — возразил мужчина.

Гарлот вытащил кинжал и поднес к горлу мужчины.

— Я перережу тебе глотку, если будешь мне перечить!

— Как я смею возражать! — ответил мужчина спокойно, и тут Гарлот почувствовал, как острие другого кинжала упирается ему в живот.

Неуловимо быстрым движением фокусник извлек собственный кинжал и незаметно приставил его к телу графа. Поступок был дерзкий и мог стоить фокуснику жизни, но Гарлот лишь рассмеялся.

— Я так и понял, что ты — непростая птица! Как тебя зовут?

— Югонна.

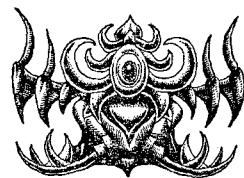
— А твою спутницу?

— Далесари. Мы супруги.

— Это можно было предположить, видя ваше единодушие... Итак, вы нашли дорожку к сердцу моего сына. Учтите, у меня нет ничего дороже, чем сын.

— Мы это знаем.

— Не перебивайте! — Гарлот хлопнул ладонью по столу. — Слушайте меня. Я хочу, чтобы вы рассказывали мне обо всем, что происходит с моим сыном. Если он вам откроется, вы обязаны сообщить мне... Я не могу больше жить в неведении. Мне нужно знать, какой тайный недуг подтачивает душу Цинфелина.

Глава вторая Нападение в темноте

О крайней мере, теперь у нас есть деньги, — заметил Югонна, когда они с Далесари спускались из замка в городок.

Обиталище графов Бенойка — древний родовой замок — был возведен на вершине высокого холма (здесь его называли «горой»). Между замком и городом было свободное пространство — там устраивались турниры и там же проходили тренировки воинства. Сейчас там пестрели палатки.

Чуть дальше виднелись стены городка. Туда и направлялись Югонна с Далесари. Как только они получили от графа Гарлота кошель, тугу набитый монетами, Далесари тотчас объявила:

— Мне надоело глотать пищу, воняющую костром! И кислое вино, которое мы покупаем где попало, тоже стоит в горле колом. В конце концов, я привыкла к хорошо сервированному столу.

— Я тоже, — отозвался Югонна. — Не наша вина, что мы никак не можем добраться до Авенвереса.

После того, как магия дяди Далесари перенесла обоих в безводную пустыню, где оба влюбленных чуть не погибли, прошло больше зимы. Воспользоваться магией вторично они не решились. Сам колдун, желавший их погубить, был мертв, но кто знает, какие опасности таили в себе его чары! Нет уж. После долгих переговоров Югонна и Далесари решили возвращаться домой обычным способом — пешком.

Они добрались почти до границы Кхитая в поисках подходящего каравана, а затем двинулись с этим караваном обратно на запад. По пути им пришлось пережить немало испытаний. Сейчас они были гораздо ближе к цели своего бесконечного путешествия. Мало кто узнал бы в опытных странниках былых изнеженных аристократов. Они умели готовить пищу на костре и привыкли ночевать под открытым небом. Когда у них закончились деньги, они начали выступать, давая представления.

Во многом им помогали знания, полученные в Авенвересе, городе ученых. Там существовал настоящий дворец науки — огромный лабиринт, занимавший половину острова Авенверес. В этом лабиринте годами жили, не покидая его стен, ученые.

Обитая в лабиринте, Югонна исследовал свойства зеркал и стекол, и сейчас ему очень пригодились эти знания.

«Никогда не предполагал, что превращу свои чисто научные достижения в способ доить кошельки добрых граждан», — признавался он своей подруге.

Та только улыбалась. Областью ее научных интересов были травы. Она знала множество растений — распознавала их виды, помнила сроки их цветения и плодоношения, но главное — хорошо разбиралась в том, какие растения целебны или съедобны, а какие — ядовиты или в лучшем случае бесполезны для человека.

Травница также зарабатывала своими умениями. Все это помогало им существовать безбедно.

Известие о том, что граф Бенойка сулит баснословное вознаграждение тому, кто сумеет развлечь юного Цинфелина и вернуть ему интерес к жизни, всколыхнуло молодых супругов. Югонна сказал: «Это наш шанс! Если мы упустим его, то навсегда застрянем здесь. На такие деньги мы сможем купить корабль и наконец вернуться домой...»

Далесари не нашла, что возразить. За плавание по неведомым морям к острову, о существовании которого не знали даже самые опытные капитаны, в любом случае пришлось бы заплатить баснословные деньги. Да еще поди отыщи

отчаянную голову, которая согласится на подобное путешествие. Да, деньги необходимы, и деньги очень большие.

Они вошли в городок и направились к кабачку «Увалень».

— Я попрошу мяса с пряностями, — сказал Югонна мечтательно.

Далесари рассмеялась.

— Мы ведь только что угощались во дворце! неужели ты еще голоден?

— Угощение скудное, да и есть под взглядом этого сумасшедшего парня было как-то неприятно. Лично у меня кусок в глотку не лез.

— Вот как ты заговорил! — Она все еще улыбалась. — А поглядеть со стороны — так уминал за милую душу.

Он обнял ее и прижал к себе.

— Как ты изменилась! В прежние времена нам с тобой и в голову бы не пришло обсуждать столь низменные темы.

— Что ж, когда мы будем дома и вернемся к прежнему образу жизни, мы опять перестанем обсуждать низменные вопросы, — сказала Далесари, смеясь и подставляя ему губы для поцелуя.

Они вошли в кабачок и остановились посреди зала.

Первым, кого они увидели там, был Конан-киммериец.

С Конаном они расстались в пустыне зиму назад. Уезжая, киммериец выразил надежду на то, что никогда больше не встретит Югонну с Далесари и не будет вынужден заботиться о том, чтобы они не угрошили себя тем или иным нелепым способом.

И хоть Конан действительно спас им жизнь и сумел избавить их от колдуна, к новой встрече с киммерийцем супруги тоже не стремились.

Они переглянулись, и первым их побуждением было бежать. Но было уже поздно.

Конан замахал им полуобглоданной костью — судя по ее размерам, варвар только что умял целого барашка, никак не меньше.

— Югонна! Далесари! Вот это встреча! — взревел он. — Идите-ка сюда! У меня сегодня удача!

Они подошли поближе и уселись на краешек скамьи.

Конан смотрел на них насмешливо.

— Наверное, вы голодны. Пора мне спасать ваши жизни, бедные цыплята. Начну с того, что отгоню от вас костлявый призрак голода, потом мы разделяемся с иссохшим призраком жажды, ну а под конец зайдемся кровавым призраком нависшей над вами опасности...

Югонна не выдержал и засмеялся.

— Единственная кровавая опасность, которая нам грозила, — это твой гнев, Конан. Но ты, кажется, рад видеть нас снова?

— Ну да, — ответил варвар, обгладывая кость. — А почему бы и нет?

Он повернулся к хозяину и щелкнул пальцами.

— Эй, жирный бездельник! Мои друзья голодны, так что тащи все самое лучшее!

Хозяин, унылый с виду истощенный человек, явился с большим подносом, который он каким-то чудом удерживал на кончиках пальцев.

— А где «жирный бездельник»? — прошептал Югонна.

— Тс-с! — шепнула в ответ Далесари. — Не мешай киммерийцу веселиться! Не видишь, он шутит!

— А-а... — протянул Югонна с крайне озадаченным видом.

От Конана не укрылась эта сценка, и он ухмыльнулся, оценив насмешку.

— Кстати, мы тоже при деньгах, — скромно заметил Югонна.

— Хочешь заплатить за всю компанию? — поинтересовался Конан.

— Просто хочу указать тебе на то, что мы кое-чему научились.

— Это очевидно и без указаний, коль скоро вы еще живы и даже добрались до Аргоса.

Возражать было нечего, и они просто принялись за трапезу. Конан благодушно наблюдал за обоими, ковыряя в зубах кинжалом. Наконец киммериец заговорил:

— А правду ли болтают, будто здешний граф очень болен и едва ли ни при смерти?

— Отчасти это правда, — сказала Далесари.

— Я не люблю уклончивых ответов, — нахмурился киммериец.

— Болен графский сын, — сказал Югонна. — Он утратил интерес к жизни.

— Да, это серьезная хвороба, — с самым озабоченным видом произнес киммериец, после чего расхохотался.

— В тебе нет ни капли сочувствия, — укорила его Далесари.

— Разумеется, нет! — подхватил Конан. — Я считаю его богатым бездельником. Разве не так? Да будь у меня графство, и лошади, и дружина — разве стал бы я зевать и проклинать свою участь? Я бы захватил здешний трон — вот что я бы сделал! Не понимаю, почему такая простая и очевидная мысль не приходит в голову этому... как его зовут?

— Цинфелин, — подсказала Далесари.

— Чем более вычурно имя, тем глупее его обладатель, — отрезал Конан.

— Нет, его что-то действительно гложет, — заметил Югонна. — Он не притворяется. Он и сам не рад, что так вышло.

Конан насторожился.

— Так вы его видели?

— Да, и даже пытались развлечь.

— Судя по тому, как набит ваш кошелек, вам это удалось. — Интерес Конана возрастал с каждым мгновением.

— И да, и нет, — сказала Далесари со вздохом. — Мы показывали фокусы со зрячими зеркалами... Наши зеркала умеют отражать разные воображаемые картины.

— Это магия?

— Очень слабая, — быстро сказал Югонна. — И безвредная. Просто иллюзия.

— Иллюзия может свернуть человеку шею, — пробормотал Конан. — Даже без особого труда...

— Мы вовсе не хотим никому сворачивать шею, — возразил Югонна. — Мы хотим нанять корабль, чтобы вернуться домой, а для этого необходимы деньги. Только по этой и ни по какой другой причине мы взялись развлекать юного графа.

— К тому же нам его жаль, — добавила Далесари. — Он так молод... и довольно симпатичный.

Югонна и Конан уставились на нее с одинаковым изумлением. Девушка покраснела и опустила глаза.

— А что такого?.. — упрямко прошептала она.

В этот момент несколько человек, сидевших возле выхода, поднялись и вышли наружу. Конан проводил их глазами.

— Неприятные малые, — заметил он. — Что ж, друзья мои, приятно было повидаться. Так и

быть, заплачу сегодня за всех, но завтра, если ваше дельце выгорит, вы меня угостите.

Конан встал из-за стола и направился к лестнице на второй этаж — он снимал в этом кабачке комнату.

Фокусники попрощались с ним и двинулись к выходу. За разговорами и дружеской трапезой они не заметили, как прошло время. Уже стемнело, наступал вечер — пора было возвращаться во дворец.

Они сделали несколько шагов по улице, завернули за угол, и тут кто-то набросил на голову Далесари мешок из грубой мешковины. Она дернулась, пытаясь бежать, но грубые руки удерживали ее крепко.

— Югонна! — приглущенно вскрикнула девушка, но ничего не услышала в ответ.

Кто-то связывал ей запястья, а когда она попробовала вырваться, ударил ее по голове, так что она на миг потеряла сознание.

Югонна успел заметить карауливших их людей прежде, чем те напали, — но все-таки слишком поздно, чтобы выскочить из ловушки и утащить с собой Далесари. Он ухитрился лишь увернуться, когда на него также пытались накинуть мешок. А затем, выхватив кинжал, храбро набросился на негодяев. Если бы Югонна действительно был магом или хотя бы могущественным мастером иллю-

зий, он бы сейчас один расправился с пятью разбойниками, не прилагая даже особого труда. Но, к сожалению, вся магия Югонны заключалась в зеркалах и была бессильна против грубого насилия.

Поэтому ему ничего не оставалось, как попытаться справиться с нападавшими самым обычным способом — ножом и кулаками.

Силы были слишком неравными, и Югонна хорошо отдавал себе в этом отчет. Он знал также, что разбойники сейчас разделятся: один потащит прочь Далесари, а остальные навалятся на Югонну и задержат его, чтобы он не успел прийти на помощь подруге.

Так и произошло. Как ни старался Югонна обойти своих врагов и броситься вслед за похитителем Далесари, ему не удавалось продвинуться вперед ни на шаг. Разбойники, казалось, были повсюду. В узком темном переулке трудно было надеяться проскочить мимо них.

Югонне разбили губу и рассекли бровь, так что кровь теперь заливала ему глаза и мешала видеть. Острая боль поселилась у него в боку — он даже не понял, когда и как это произошло, и уж тем более не мог решить, насколько опасна его рана. Ему было тошно, и голова кружилась, но Югонна не обращал на это внимания. Снова и снова набрасывался он на похитителей, размахивая кинжалом и даже пару раз попав в цель.

— Кром!

Боевой клич киммерийца разнесся эхом по переулку.

Югонна вздрогнул от радости. Он даже не надеялся на чью-либо помошь: здешние горожане — как, впрочем, и любые почтенные горожане, — предпочитали не вмешиваться в подобные происшествия. Особенно если жертвами нападения становились какие-то чужаки.

Да и совладать с этими бандитами было бы не так-то просто. Но киммериец не раздумывая кинулся в битву.

Для начала могучим ударом кулака он сшиб с ног одного из них и тотчас развернулся всем телом навстречу другому. Тот замахнулся на киммерийца мечом. Конан присел, и клинок просвистел у него над головой. Поднимаясь, Конан нанес разбойнику удар снизу вверх, располовив его живот.

Бандит дико закричал и уставился на собственные кишечки, вывалившиеся наружу. Кровь стекала по его ногам, пятная мостовую.

Варвар разразился насмешливым хохотом. Югонна понял, что еще немного — и его вывернет.

Третий разбойник метнул в Конана кинжал. Лезвие пропороло киммерийцу куртку не причинив ему самому ни малейшего вреда. Конан, не раздумывая, обрушил меч на голову напав-

шего. Голова разлетелась пополам, белая жидкость вытекла вместе с кровью, а тело повалилось, как мешок, к ногам киммерийца. Руки обезглавленного тела пару раз судорожно сжались и разжались и наконец застыли.

Югонна с отчаянным, сдавленным воплем отпрянул к стене. Его тошнило, он боялся даже шевельнуться — и больше всего на свете он мечтал оказаться где-нибудь очень далеко отсюда.

Последний разбойник бросился бежать. Конан устремился за ним в погоню.

Охваченный ужасом, бандит мчался туда же, куда уже скрылся с похищенной Далесари его сотоварищ. Киммериец неуклонно настигал его. Удирая, разбойник громко стучал сапогами по мостовой; киммериец же, босой, бежал совершенно бесшумно, как кошка. Он и видел в темноте, как кошка, и движения его были легки, несмотря на массивность сложения.

Вот впереди мелькнула спина убегавшего. Недолго думая, Конан бросил кинжал, выхватив его из-за пояса, и попал бегущему между лопаток. Разбойник дернулся так, словно налетел со всего маху на стену, и повалился лицом вперед. Он был еще жив, когда Конан, перепрыгнув через него, настиг последнего, пятого.

Тот приставил кинжал к горлу связанной девушки.

— Ни с места, негодяй, иначе я убью ее!

— Да? — преспокойно отозвался Конан. Он даже не запыхался. — Ну и убивай. Тебе ведь приказано доставить ее живой, не так ли?

— Я убью ее! — повторил разбойник.

Он прижал лезвие сильнее и разрезал нежную кожу на шее девушки. Потекла кровь. Далесари сдавленно закричала под мешком.

Неуловимым для глаза стремительным движением Конан метнулся к разбойнику и ударил его кулаком между глаз. Удар был так силен, что бандит откинулся назад — и приложился затылком к стене здания, возле которого стоял.

Кинжал выпал из его ослабевших пальцев. Конан мгновенно схватил его за руку и дернул. Кость хрустнула, и переулок огласился звериным воплем боли. Конан оттолкнул от себя бандита и напоследок презрительно пнул его ногой.

— Это научит тебя вежливому обращению с дамами.

Он взял Далесари за локоть.

— Ты цела?

Девушка кивнула головой в мешке.

— Развяжи меня, — глухо попросила она.

Конан потащил ее за собой. Когда они добрались до разбойника, убитого ножом в спину, Конан наклонился и выдернул из тела свой кинжал. Он разрезал веревки, стягивавшие нежные запястья Далесари, однако мешок снимать не позволил.

— Незачем тебе видеть то, что здесь произошло, — сказал он.

— Но я хочу видеть! — возразила она. — В конце концов, я рисковала жизнью!

— Ты рисковала жизнью? — удивился Конан. — По-моему, тебя просто хотели убить.

— Ну да.

— Это не одно и то же, — заявил варвар. — Рискует жизнью тот, кто дает на это согласие. Кроме того, то зрелище, от которого я хочу тебя избавить, не стоит даже медной монетки!

— Но я хочу... — начала было Далесари снова. Конан бесцеремонно потащил ее за собой.

Он надеялся, что Югонна уже ушел от трупов и вернулся в кабачок «Увалень». Но Югонна, парализованный ужасом и болью, продолжал оставаться на месте.

Его левый бок был окровавлен, лицо разбито. Он сидел на мостовой рядом с двумя трупами и тупо смотрел в стену.

Завидев киммерийца, возвращавшегося с девушкой, он встрепенулся.

— Далесари!

Она услышала его голос и вдруг, вывернувшись из рук Конана, сдернула с головы мешок.

— Югонна!

И тут Далесари застыла с раскрытым ртом. Она увидела то, о чем предупреждал ее киммериец. Вид человеческих кишок, разбросанных по

мостовой и растоптанных, вид разбрзганного с кровью мозга и изуродованной головы потряс ее.

Она несколько раз судорожно зевнула и вдруг ее вытошило. Конан едва успел отскочить.

— Ну вот, — проворчал он. — Теперь ты поняла, что я был прав.

Югонна зашевелился со стоном.

— Нужно уходить отсюда.

— Как ты догадался? Ты вообще сообразительный малый, — съязвил Конан.

— Я ранен, — сказал Югонна. — Мне не встать без помощи.

Конан перевел взгляд с Югонны на Далесари и обратно.

— Так кого мне тащить на себе? — осведомился киммериец. — Тебя или твою женщину? Или, может быть, вас обоих?

Югонна вместо ответа попробовал подняться на ноги. К его удивлению, это ему удалось.

Конан не без насмешки наблюдал за его усилиями. Опытным взглядом киммериец уже видел, что рана Югонны не опасна — ему просто распороли кожу на боку. Крови много, да и не приятно, но совершенно не смертельно.

— Возьми мою руку. — Конан протянул ему руку, и Югонна вцепился в его локоть мертвой хваткой. — Все, уходим. Скоро сюда придет стража, а я очень не люблю отвечать на вопросы стражников, особенноочных — эти раздражите-

льны. К тому же у меня совершенно нет ответов. А у вас?

— В каком смысле? — спросила Далесари.

— В том смысле, что это ведь на вас напали. Кто хотел вас угробить? — резковато проговорил Конан.

— Откуда нам знать? — ответил за обоих Югонна. — Мы здесь никогда прежде не были. Возможно, завистники...

— Завистники? — Конан изумленно посмотрел на фокусников. — Кто же может вам завидовать?

— Другие артисты, — с достоинством объяснил Югонна. — Нам ведь удалось то, в чем не преуспел больше никто.

— Нет, — решительно сказал Конан. — Этого не может быть. Для того, чтобы организовать такое покушение, нужно по меньшей мере быть местным жителем. Пять бандитов! Да кто из пришлых знает, где их искать и как нанимать? К тому же у артистов не водится столько денег... Если бы это были завистники, они попытались бы убрать вас своими руками.

— В таком случае, у нас вообще нет ни ответов, ни предположений, — сказала Далесари.

— Ну а у меня есть, — проворчал киммериец. — Кому-то из здешних сановников очень не хочется, чтобы Цинфелин пришел в себя и избавился от своей болезни.

— Цинфелин! — встрепенулась Далесари. — Мы должны быть у него в замке и давать еще одно представление!

— Ночью? — удивился Конан.

— Да, он просил нас прийти ночью. Говорит, по ночам у магии появляется дополнительная союзница — тьма. В темноте, по его словам, просыпаются тайные силы...

— Ничего нового, — буркнул Конан. — Я и сам предпочитаю работать по ночам.

— Работать? — с неподдельным ужасом воскликнула Далесари. — Не хочешь же ты сказать, что по ночам забиваешь сваи или возишь камни на строительстве какого-нибудь храма?

Несмотря на жуть, все трое рассмеялись.

— Нет, — сказал Конан, отсмеявшись. — Когда я говорю о «работе», я имею в виду нечто более... прибыльное, чем таскание камней на строительстве храма. Как бы там ни было, но юный граф взял себе в союзники ночь — а значит, и все силы тьмы; стало быть, и меня.

— Ты хочешь отправиться с нами в замок?

— Не вижу другого способа попасть туда, — сказал Конан. — Нет, способы, конечно, есть, но этот самый простой. Я ведь говорил, что должен отогнать от вас кровавых призраков беды... Так что уж не спорьте со мной сейчас.

— Конан, — нерешительно проговорил Югонна, — я буду тебе очень признателен...

— Мы оба будем тебе признательны, — перебила Далесари.

— Мы оба, — подхватил Югонна. — Нам нужен человек, который поберег бы наши жизни. Похоже, здесь нам угрожает нешуточная опасность.

— Ну так бегите! Не задерживайтесь здесь ни минуты.

— Нет, — хором произнесли супруги.

Югонна объяснила:

— Нам нужны эти деньги, ты же знаешь. А Далесари добавила:

— Нам жаль молодого графа...

Глава третья Граф показывает фокусы

то этот верзила? — осведомился начальник дворцовой стражи, когда Конан вместе с обоими фокусниками предстал перед ним. Они успели переодеться в чистое и перевязали рану Югонны. Конан маячил за спинами своих знакомцев, превосходя их в росте по меньшей мере на голову.

— Это? — Югонна повернулся и глянул на Конана. — Наш помощник. Он носит зеркало. И вещи. И иногда — Далесари.

— Он переносит меня через препятствия, — объяснила Далесари. — Через лужи, камни... В общем, там, где трудно пройти.

Конан сильно сопел у нее за спиной.

Начальник стражи махнул рукой.

— Проходите. Граф Цинфелин ждет вас. Я предупрежден насчет двоих фокусников, но коли вас трое...

— Это необходимо для нашего представления, — твердо заявил Югонна.

И они зашагали по коридору. Начальник стражи проводил их глазами и, пожав плечами, отправился спать.

Цинфелин ждал их прибытия с нетерпением. Когда дверь его личных покоев открылась, и показалась Далесари, молодой граф сам бросился к ней навстречу. Он больше не был ни бледным, ни вялым. На его щеках играл лихорадочный румянец, глаза горели, пересохшие губы все время шевелились, как будто Цинфелин вел бесконечный и беззвучный диалог с самим собой.

— Наконец-то! — воскликнул он, хватая Далесари и Югонну за руки и втаскивая их в комнату. Он тут же осекся, заметив Конана: — А это кто?

— Наш помощник.

— А, хорошо...

Цинфелин сразу же перестал обращать на Конана внимание, и киммериец, устроившись в углу, занял удобный наблюдательный пост, как раз рядом с кувшином, полным вина.

Напрасно Югонна боялся, что юный граф обратит внимание на растерзанный вид обоих фокусников. Хотя в комнате и горел факел, воткнутый в стену, Цинфелин совершенно не замечал ссадин и разбитой губы Югонны, красной полоски на шее Далесари. Он целиком и полностью был поглощен своими мыслями.

— Зеркало с вами? — жадно спросил он.

Югонна вынула из мешка зеркало и установила его перед графом.

— Отлично! — воскликнул Цинфелин, потирая руки. — Превосходно! А сейчас покажите мне, пожалуйста, еще раз некоторые картины.

— Что именно хочет увидеть ваша светлость? — вежливо осведомился Югонна.

Конан шумно отхлебнул вина и, заметив, что Далесари с укоризной посмотрела на него, приветливо махнул ей рукой.

И снова Цинфелин явил полное безразличие к происходящему вокруг него.

— Помните ту картину... маяк возле пролива? — быстро проговорил он. Далесари обратила внимание на то, что юный граф чуть задыхается.

— Маяк? — переспросила она. — Но почему вашу светлость так взволновала именно эта картина? По-моему, она самая мирная и успокаивающая.

Югонна покосился на свою подругу. Вечно ей нужно возражать! Всегда и на все у Далесари имеется собственное мнение! Когда-нибудь это здорово их подведет...

— Его светлость хочет увидеть маяк, — мягко заметил Югонна. — Зачем же рассуждать и тем более возражать? Просто покажем еще раз маяк, вот и все... Лично мне тоже нравится эта картина.

на. Хотя большинство мечтательных юношей, разумеется, выбрали бы русалок.

С этими словами он провел рукой над зеркалом, и там снова заклубился туман, а сквозь разводы и пятна тумана проступила белая башня с фонарем наверху. Серые воды пролива тихо плескали у подножия башни, чайка кружила в воздухе.

Цинфелин так и прирос взглядом к этой картине. Конан привстал, чтобы лучше видеть — что именно так поразило юного графа. Пока что ничего особенного не происходило.

— Хорошо, — прошептал наконец Цинфелин. — Очень хорошо... Я видел все, что мне было нужно... И... — Он перевел взгляд на обоих фокусников, а затем посмотрел прямо в синие глаза киммерийца. — И я хочу спросить вас, вас троих: вы будете моими друзьями?

Они молчали, ошеломленные этим неожиданным вопросом.

— Что? — вскрикнула Далесари, не сдержавшись.

— Я хочу знать, согласны ли вы стать моими друзьями, — настойчиво повторил принц. — Поэтому что никто из моих прежних друзей не поймет... Они просто не в состоянии понять — в отличие от вас... Но мне нужны преданные люди. Люди, которым от меня ничего не нужно.

— Кроме денег, — спокойно произнес Конан.

Юный граф вздрогнул, а затем расслабился.

— Да, я заплачу вам денег за услуги, — согласился он так, словно речь шла о чем-то несущественном. — Но не это важно. Я хочу, чтобы вы не предали меня. И не ради денег, а ради меня самого.

— Хорошо, — все так же спокойно сказал Конан. — Вы рассуждаете как настоящий король. Как король, попавший в беду. Я согласен вам служить.

— Мы согласны, — поправил Югонна, с укоризной глядя на Конана.

— Рад видеть такое единодушие в моих товарищах, — объявил Конан. — Итак, мы готовы. Можете нам довериться.

— Отлично! — Цинфелин встал и развел руки в стороны. — Вы показали мне отменный фокус, а теперь позвольте и мне показать вам свой. Я потому и попросил вас прийти ко мне ночью, что мой фокус происходит только по ночам. Зато ежедневно. Точнее, еженощно. Смотрите...

Он указал на каменную стену, и вдруг Югонна с ужасом понял, что поверхность стены расплывается, становится зыбкой, как будто погружается в туман. Миг — и из этого тумана выступила живая картинка.

В первые мгновения она представлялась чем-то вроде барельефа, но затем фигуры ожили, зашевелились, обрели собственное бытие, и теперь наблюдателям казалось, что они смотрят на не-

кую сцену, разворачивающуюся в невероятной дали.

Перед их глазами была темная мрачная комната с голыми каменными стенами и единственным узким окном. И к этой стене был прикован человек.

Тяжелые оковы охватывали его запястья и щиколотки, короткие цепи с толстыми звеньями прочно крепились к стене. Грубый железный ошейник смыкался на шее узника, и от ошейника тоже тянулась цепь.

— Смотрите, — прошептал Цинфелин.

Изображение вдруг сделалось еще более отчетливым, и Далесари вскрикнула: узник оказался совсем юной девушкой.

Она была тонкой, как тростинка. Долгое мучительное заточение изнурило ее, но она все еще сохраняла следы замечательной красоты. Огромные зеленые глаза девушки были распахнуты. Она явно ощущала присутствие наблюдателей и пыталась отыскать их взглядом. Затем слабая улыбка показалась на ее лице — она заметила Цинфелина.

Пересохшие губы девушки зашевелились. Она что-то говорила.

Цинфелин, не в силах оторвать от нее взгляд, шепнул своим гостям:

— Я научился читать по губам. Теперь я знаю, что она произносит — ночь за ночь, все

то время, что мы с ней видимся. Она умоляет спасти ее. Тот, кто держит ее в заточении, каждый день подвергает ее пыткам. Ее морят голодом, ее мучают жаждой, ее запугивают и принуждают к отвратительным вещам. Пока что она не давала своего согласия на эти вещи... Но рано или поздно она не выдержит. Либо жизнь покинет ее, либо она согласится — и тогда потеряет свою душу...

Девушка вдруг широко раскрыла рот, из ее глаз покатились слезы, она дернула прикованной рукой, как будто хотела удержать ускользающее видение... и картина растаяла. Перед зрителями вновь была голая стена.

— Кром! — пробормотал Конан. — Вот это история. Вы верите в ее реальность?

— Да, — сказал Цинфелин. — Она существует. И... я люблю ее. Я полюбил ее с того самого первого раза, как увидел. Она приходит ко мне и просит, умоляет... Сперва она просто пыталась делить со мной одиночество, но потом... Говорю вам, кое-что из того, что она произносит, мне удается разобрать.

— Боги, да разве нужны слова! — прошептал Югонна. — Какие потребны слова, если женщина прикована к стене и измучена голодом и пытками? Но как нам помочь ей? — Я думаю об этом день и ночь, — признался Цинфелин. — Я никому не мог рассказать об

этом. Впервые видение посетило меня во время болезни. Наверное, я умирал и находился уже между мирами, поэтому страдающий дух этой девушки сумел отыскать мою душу и соединиться с ней. Я услышал зов, который больше никто не мог услышать! Выздоровление моего тела сопровождалось таким страданием моей души, что... передать это словами невозможно. — Он говорил очень просто, не рисуясь, не щадя себя, но и не пытаясь представить «обычным делом» то, что таковым не являлось. — Как мне было поступить? Когда я немного овладел собой и начал соображать, я решил посоветоваться с самым мудрым человеком в графстве. С отцовским советником — Кернивом. Это действительно очень мудрый и ученый человек. И что же?

— Что? — спросил Югонна вежливо, видя, что юныйgraf нарочно держит паузу.

— Кернив сказал мне, что, по всей вероятности, девушка эта давным-давно мертва. Что мне является привидение. Что существуют такие призраки, которые мучают живых людей, умоляют их о помощи, сводят их с ума своими жалобами... это необходимо им для поддержания собственных сил.

— Полагаю, он прав, — заметил Конан. — Мне доводилось иметь дело с призраками. Многие из них создают довольно выразительные картишки, чтобы вызвать в человеке ответное чув-

ство, а потом словно бы высасывают из него живую душу, измученную видениями. Да, такое бывало.

— Я уверен, что она — не призрак! — горячо заверил Цинфелин. Давно он не чувствовал себя таким оживленным и здоровым, как нынешним вечером. Наконец-то он мог свободно говорить о том, что лежит у него на сердце и не дает покоя! Наконец-то его собеседники готовы выслушать его и понять, а главное — не счесть безумцем.

— Она выглядит вполне реально, — согласился Конан.

Далесари переглянулась с Югонной, и муж еле заметно кивнул ей. Молодая женщина тотчас вступила в разговор:

— Почему вы выбрали именно нас, ваша светлость?

— Потому что вы показали мне маяк и пролив, — был ответ. — И я понял, что передо мной люди, которые поймут, о чем я говорю.

— Маяк и пролив? — недоумевающе спросила Далесари.

Цинфелин кивнул.

— Вы не заметили кое-что, когда рассматривали ожившее видение на моей стене, — объяснил он, — потому что слишком были поражены видом несчастной девушки. Так происходило и со мной в первые дни, когда она только-только

начала появляться... Но затем я заставил себя внимательнее присмотреться к тому, что ее окружает. Я подумал: вдруг это важно? Вдруг я сумею определить то место, куда ее заточили, и прийти к ней на помощь?

— Вам это удалось? — тихо спросила Далесари.

Глаза Цинфелина сверкнули, а Конан негромко вставил:

— Да, я тоже обратил внимание на эту деталь.

Цинфелин удивленно повернулся к киммерийцу:

— Какую?

— Из окна темницы видны пролив и башня-маяк, — преспокойно заявил Конан. И, видя, как вспыхнуло лицо Цинфелина, усмехнулся: — Я ведь правильно разглядел?

— Да, — пробормотал Цинфелин. — Я просто не ожидал...

— Не ожидали, что кто-то не будет настолько захвачен видением прекрасной девушки в цепях, чтобы не обратить внимания на вид из окна ее апартаментов? — подхватил Конан. — Но я всегда сперва смотрю по сторонам, а потом уж предаюсь созерцанию главного. То, что может оказаться главнее главного, всегда прячется где-нибудь в углу. Загадка очень важна, но куда важнее — ключ к ее разгадке.

— Ее башня действительно находится на берегу пролива? — переспросил Югонна.

Цинфелин утвердительно кивнул.

— Да. И когда я увидел в вашем зеркале тот самый вид... Это значит, что вы побывали поблизости и знаете, где эта башня находится.

— Да, — медленно проговорил Югонна. — Мы были там. Это в дне пути отсюда. Та башня показалась нам слишком зловещей, и мы не стали оборачивать к ней зеркало. Но маяк, чайки над ним и волны пролива — это было достаточно живописно, чтобы поместить изображение в зеркало и потом развлекать публику.

— Для контраста, — добавила Далесари. — Разные веселые и живые картины надлежит перемежать видами печальными, зрелищем безлюдия и одиночества. Это заставляет зрителя остнее чувствовать радость жизни.

— Все правильно, все правильно... — пробормотал юный граф, явно думая о своем. — Стало быть, Кернив все-таки заблуждается. Эта девушка существует на самом деле и взывает к нам о помощи.

Цинфелин взволнованно прошелся по комнате и вдруг остановился, резко развернувшись к своим собеседникам.

— Что мы будем делать?

— «Мы»? — тихо удивился Югонна. Ему явно не хотелось вмешиваться в эту историю.

— Вам ведь нужны деньги, — сказал Цинфелин, улыбаясь одними уголками губ. — Я заплачу вам столько, сколько захотите, если вы поможете мне. К тому же работая за деньги вы будете знать также о том, что делаете доброе дело, а такое сочетание встречается в нашем мире нечасто!

— Согласен, — быстро произнес Конан прежде, чем Югонна успел обменяться с Далесари одним из тех выразительных взглядов, коими супруги довольствовались в тех случаях, когда переговоры были невозможны.

— Да, мы согласны, — кивнул и Югонна.

— Отлично! — юный граф потер ладони.

Конан спокойно предложил:

— Сделаем так. Цинфелин и я отправимся на берег пролива. Конечно, было бы целесообразнее взять с собой Югонну, коль скоро он там уже побывал, но...

— Нет, я полагаю, мы с Далесари останемся в Бенойке и попробуем выяснить, кто насыпает на юного графа все эти видения, — быстро сказал Югонна. Он поймал проницательный взгляд Конана и чуть покраснел.

— Мы артисты, нас никто не заподозрит в том, что мы соображаем немного больше, чем обычно ожидают от жонглера. Знать презирает таких, как мы, и не слишком стесняется... И далеко не всякому придет в голову присмотреться к нам и

догадаться о том, что и мы получили недурное воспитание...

— Только не надо снова рассказывать о лабиринте, населенном учеными, о ваших лабораториях и о том, какими важными научными вопросами вы занимались, — перебил Конан.

Он тотчас же пожалел о своих словах. Цинфелин удивленно уставился на фокусников.

— Вы — ученые?

Югонна гордо поднял голову.

— Да, ваша светлость, и у себя на родине мы считались довольно многообещающими учеными... Сфера наших интересов...

Конан простонал сквозь зубы. Кажется, он сам выпустил демона на волю. Следующие четверть часа он в который раз уже высушивал увлекательное повествование о лабиринте в родном Авенвересе, о разных лабораториях, о чудаках, поглощенных своей работой, о разных важных вопросах, которые обсуждаются в лабиринте.

А затем Конан переменил мнение о теме разговора. Произошло это в тот момент, когда молодая чета перешла к рассказу о смешных случаях из жизни ученых. Впервые за долгое время Цинфелин смеялся. Он смеялся и чувствовал, что возвращается к жизни!

«Что ж, — сказал себе Конан, — с таким парнем я, пожалуй, сумею добраться до башни и даже освободить красавицу, кем бы она ни была! А

то, в самом деле, предстояло работать в паре с унылым и хворым наследником захудалого графства — трудно придумать компанию хуже...»

Память услужливо подбросила ему образы тех, чья компания была ощутимо хуже: демон, суккуб, воровка, все время попадающая в руки стражи и требующая от Конана помощи, избалованная дурочка, сбежавшая от родителей, беременная воительница... В конце концов, Цинфелин начал казаться киммерийцу вполне приятным, а когда молодой граф улыбнулся, Конан окончательно утвердился в своем мнении: да, все получится. Цинфелин, скорее всего, не доставит ему слишком много хлопот, и даже напротив — может оказаться полезным.

— Завтра же и отправляемся! — Цинфелин вернулся к главной теме. — Я прикажу седлать лошадей.

— Нет, — остановил его Конан.

Цинфелин поднял брови.

— А как ты предлагаешь добираться до залива? Пешком? А для пропитания мы будем по дороге показывать фокусы и стоять на голове?

— Мы не станем выезжать из замка открыто, — объяснил Конан. — Если здесь действительно есть враги графа...

— Но это невероятно! — перебил Цинфелин.

Однако остановить Конана оказалось не так-то просто.

— В замке имеется тайный враг графа Гарлота, — повторил он. — Человек, который хочет, чтобы династия прервалась. Он преследует какие-то собственные выгоды... Пока мы не знаем, кто он и для чего ему это надо, но сомневаться в его существовании — значит, совершать большую ошибку и подвергать опасности свою жизнь. Мы не станем совершать такой ошибки. И поэтому уедем так, чтобы это стало заметно лишь спустя некоторое время. Так, чтобы поздно было останавливать нас или отправлять погоню. Разумеется, лошади нам понадобятся. Купим их при первой же возможности...

— Есть другой способ, — перебил граф. — В числе гарнизонных солдат у меня имеются верные друзья.

— Вы уверены в них? — спросил Югонна.

— Это простые солдаты! Разумеется, я в них уверен. Лучшим из всех был всегда Рихан. Кажется, он пренебрег запретом и навещал меня, пока я лежал у себя в спальне, погруженный в болезненный сон... Хотя, возможно, это мне только приснилось.

— Будем надеяться, что нет, — кивнул Конан. — Итак, решено. Отыщем Рихана и попросим его подготовить для нас лошадей так, чтобы этого никто из посторонних не заметил. Пусть ждет нас за стенами замка и за пределами города, где-нибудь на дороге.

— А мы? — спросила Далесарий. — Что делать нам?

— Останетесь в апартаментах Цинфелина, — предложил Конан. — Вряд ли вас станут здесь искать.

— В графский покой поутру придут слуги, — возразил Югонна. — Возможно, тебе это неизвестно, Конан, но среди аристократии принято, чтобы слуги...

Конан бесцеремонно перебил его:

— Разумеется, мне хорошо известно, что есть на свете такие господа, которые сами себе пряжку на плече застегнуть не могут. Но я сейчас говорю о другом. Покой графа достаточно просторны, чтобы здесь спрятаться. А когда суматоха, вызванная исчезновением Цинфелина, немного уляжется, настанет самое подходящее время для того, чтобы попробовать выяснить главное: кто же все-таки пользуется здесь злыми чарами.

Глава четвертая Тайное бегство

Со, как просто Цинфелин доверился совершенно незнакомому человеку, утвердило Конана в первоначальном мнении: до болезни юный граф был храбрым воином и добрым товарищем. Только чистосердечный человек способен так легко вручить свою судьбу в руки друга.

Все последующее только укрепляло это впечатление.

Приняв решение, Цинфелин сразу же начал действовать. Он показал Югонне и Далесари небольшую комнатку позади спальни, где хранилась одежда. Длинные сундуки с плоскими крышками могли послужить идеальной постелью для путников; угощение юный граф лично перетащил туда же из своих жилых комнат.

— Пересидите здесь первое время, — сказал он. — Если услышите, что кто-то направляется в эту комнату, прячьтесь в сундуки. Впрочем, ма-

ловероятно, чтобы кто-то решил заглянуть сюда. Мои нерадивые слуги не слишком-то любят петрятьивать вещи и чистить их. Предпочитают пить мое вино и бездельничать.

Он коротко посмеялся, а затем пожелал супругам удачи и почти сразу же забыл о них.

Это Конан тоже отметил с одобрением. Цинфелин решал вопрос и тотчас переходил к следующему, не позволяя мыслям задерживаться в прошлом.

— В замке есть подземный ход, — сказал Цинфелин. — Мы воспользуемся им. О нем знают очень немногие... Но сперва нужно отыскать Рихана.

— Этим займусь я, — предложил Конан, но Цинфелин покачал головой:

— У тебя слишком приметная внешность. Рост, ширина плеч... Стражники наверняка запомнили, как выглядел подручный двух фокусников, приглашенных в мои апартаменты для дополнительного представления. Если ты начнешь разгуливать по замку ночью, это неизбежно вызовет вопросы.

— Ты хочешь сказать, — небрежно осведомился Конан, — что на тебя никто не обратит внимания? Ну, подумаешь, молодой граф, наследник здешних земель, шатается по замку ночами...

Цинфелин пропустил эту фамильярность ми-

мо ушей. Коль скоро им с Конаном предстоит небезопасная поездка, обращение на «ты» предпочтительнее.

Юный граф засмеялся.

— Да, ты совершенно прав, киммериец. Если я начну бродить по замку, никто и бровью не поведет. В моем характере и поведении давно уже замечались странности. Еще одна ничего не прибавит.

— Ладно, согласен, — нехотя кивнул Конан. — К тому же и этот Рихан охотнее выслушает тебя.

— Договорились. Жди меня здесь! — И Цинфелин вышел из комнаты.

Конан переглянулся со своими спутниками.

— Что будем делать?

— Мы идем спать, — зевая, сообщил Югонна. — Далесари устала, да и я едва держусь на ногах. Слишком много впечатлений. Это вредно для здоровья. Передохнем, а завтра начнем шпионить.

Далесари только слабо улыбнулась и скрылась в комнатушке, которую предложил им граф.

* * *

Рихан спал в общей комнате вместе с другими дружиинниками, когда Цинфелин пробрался туда и потряс друга за плечо.

Разбудить Рихана всегда было делом непростым, однако Цинфелин не сдавался: он тряс его, щипал, зажимал ему нос, дергал за волосы. Наконец Рихан недовольно проворчал что-то. Цинфелин зажал ему рот ладонью. Вдруг Рихан приглушенно вскрикнул и открыл глаза.

— Это я, — прошептал Цинфелин. — Иди за мной. Я хочу поговорить.

— Ты очнулся! — голос Рихана звучал невнятно и глухо.

— Именно. — Цинфелин отнял ладонь от лица друга. — Молчи. Не говори больше ни слова, разбудишь других.

Они выскользнули на двор. Яркий лунный свет озарял обоих. Улыбка медленно простирали на простодушной физиономии Рихана.

— Ты действительно пришел в себя! — зашептал он.

— Да. Шепчи потише.

Рихан кивнул, не сводя с друга глаз.

— Они хотели уморить меня, — продолжал Цинфелин, — но по счастью им этого пока не удалось.

— «Они»? — грозно переспросил Рихан, озираясь по сторонам с таким видом, словно ожидал увидеть «их» в любое мгновение. — Кто?

— Пока не знаю. Тише... Слушай. Мне нужно, чтобы ты взял двух лошадей и держал их наготове на дороге, за пределами города. Я хочу выб-

ратьсяся отсюда. Мне совершенно необходимо побывать в одном месте. Возможно, там я найду ответы на все вопросы. И тогда я точно буду знать имя человека, который желает моей смерти.

— Я согласен! — быстро кивнул Рихан.

— Подожди. — Цинфелин остановил его. — Я не сказал, что ты едешь со мной.

— Но... две лошади? — Рихан выглядел теперь крайне удивленным. — Разве вторая — не для меня?

— Нет. Твое отсутствие было бы слишком заметным. Едва только настанет утро, как другие солдаты сразу же обнаружат, что ты исчез. А мне нужно выиграть время. Чем позднее поднимется тревога, тем лучше.

— Кто же, в таком случае, поедет с тобой?

— Один надежный человек.

Рихан нахмурился. Цинфелин положил руку ему на плечо.

— Мы с тобой по-прежнему остаемся друзьями. Тот человек, что будет со мной... Я его нанял. Он достоин моего доверия, силен и неглуп. Этого достаточно.

— Он не предаст тебя?

— Надеюсь, что нет. Ему нет смысла этого делать.

— Разве что его не подослали твои же враги.

— Рихан, я не могу позволить себе быть таким подозрительным. И ты не будь. Просто сделай то, о чём я попросил, хорошо?

Рихан хмуро кивнул и отправился в сторону конюшен. Цинфелин проводил его глазами. Ему было жаль обижать старого друга, но поступить иначе он попросту не мог.

Цинфелин вернулся к себе. Конан встретил его нетерпеливо:

— Ты готов? Я собрал кое-какие припасы и, уж извини, пошарил по твоим шкатулкам. Вот деньги, которые ты держал у себя в комнате. Немного, надо признать.

— Я обычно и не нуждаюсь в больших суммах, — ответил Цинфелин. — У меня все есть. Еда, одежда. Если мне потребуется новая лошадь или охотничья собака, отец достанет мне любую.

— Преимущества титула, — проворчал Конан. — Когда я стану королем, у меня тоже не будет нужды в карманных деньгах. Но пока мы с тобой не короли, а обыкновенные беглецы и искатели приключений, денежки в кошельке нам очень пригодятся.

— Оставь их у себя, — махнул Цинфелин. — Потратишь по собственному усмотрению.

Они вышли из комнаты и тихо двинулись по коридору. Несколько факелов горело в держателях на стене, обычно возле поворотов или около лестниц. Цинфелин хорошо знал замок, в котором прошла вся его жизнь. Он уверенно сворачивал, несколько раз уводил своего спутника в тень, и они пережидали, пока пройдет ночная

стража. Затем Цинфелин подвел Конана к лестнице, уводящей куда-то в глубину.

— Это здесь, — промолвил он.

На ступенях лежал густой слой пыли. Было видно, что лестницей не пользовались очень давно.

Конан нахмурился.

— Мы оставим заметные следы.

— Ничего не поделаешь, придется рискнуть, — вздохнул юный граф. — Другого тайного пути из замка нет.

— Надо как-то замаскировать хотя бы то обстоятельство, что нас двое... — Конан задумался на миг, а потом его лицо просияло. — Давай топтаться! На каждой ступени придется оставить десятки отпечатков. Ты понял?

— Да! — весело кивнул Цинфелин. — Пусть решат, будто нас здесь было по меньшей мере человек пятнадцать.

И они начали свой странный спуск в глубину. Со стороны могло показаться, что двое молодых мужчин исполняют какой-то странный танец. Они переступали с ноги на ногу, подпрыгивали и поворачивались, словом, вели себя, как звери, запутывающие след. Продвижение из-за этого очень замедлилось, зато результат был просто поразительным. Казалось, будто по лестнице спустился целый отряд. Тем, кто попробует разгадать замысел Цинфелина, придется поломать над этим голову!

Когда они проделали уже значительный путь, Цинфелин остановился и вытер пот со лба.

— Может быть, хватит? — предложил он. — Вряд ли они спустятся так далеко — а если и спустятся, то вряд ли...

— Нет, — прервал Конан. — Не забывай о том, что в замке находится твой тайный враг. Человек, который сделает все, лишь бы его замыслы не были разоблачены. Он не поленится проделать весь путь до конца. И если хотя бы на одной ступеньке он обнаружит следы всего двух человек, он поймет, что его обманули.

И они продолжили свой «танец».

Когда наконец оба очутились в тоннеле, где под ногами захлюпала жижа, они вздохнули с облегчением. Первая часть пути осталась позади.

— Тоннель очень длинный, — предупредил Цинфелин. — Тебе придется идти, наклонив голову.

Они двинулись вперед. Больше они ни о чем не разговаривали. Конану не раз доводилось пользоваться подземными ходами, лазами и даже лабиринтами, проложенными глубоко в скальных породах. Он не боялся таких вещей. Сколько раз он оказывался в пещерах — и всегда выбирался наружу! Другое дело — Цинфелин. Такое испытание постигло его впервые. Молодой граф не устрашился бы при виде врага, вооруженного, сидящего верхом на коне. Он не испы-

тывал страха перед свирепыми хищниками, на которых охотился. Он не струсил бы и в море во время бури. Но оказаться запертым в подземную ловушку, очутиться в темноте среди камней и отвратительно воняющей влаги... Это было выше его сил.

Цинфелин вдруг остановился и вскрикнул:

— Нет!

Конан, шедший впереди, обернулся.

— Что случилось?

Он подошел поближе к молодому графу. Цинфелин дрожал всем телом, зубы его постукивали.

— Я больше не могу находиться здесь... Мне страшно! А вон там кто-то следит за нами.

— Здесь никого нет. Бояться нечего. И стыдиться тоже нечего: ни один здоровый, сильный мужчина не в силах долго выдерживать заточение в каменном мешке.

— А ты? Ты, кажется, относишься к этому спокойно!

— Нет, я тоже неспокоен, просто я уже побывал в похожих переделках и помню, как всякий раз мне удавалось выбраться.

Тут Конан прервал свою речь и схватился за оружие.

— Ты был прав, — прошептал киммериец, — там действительно кто-то есть!

Два горящих желтых глаза мелькнули далеко впереди.

Глаза эти пылали так ярко, что на стенах то и дело появлялись полоски света. Они пробегали по влажному камню, а затем гасли, исчезали во мраке.

— Кто это может быть? — прошептал Цинфелин.

Конан пожал плечами.

— Любое подземелье рождает своих собственных чудовищ. У меня нет даже предположений... Да это и не важно. Кем бы ни было то существо, что поджидает нас впереди, оно наверняка смертно. А у нас есть добрая сталь, чтобы удостовериться в этом.

Глаза приблизились. Теперь беглецы явственно слышали шлепанье лап по разлитой в тоннеле жиже. Неожиданно до них донесся сильный порыв ветра, он принес с собой отвратительное зловоние. На миг Конану подумалось, что они находятся вблизи от выхода, но он тут же отмел эту мысль.

— У этой твари есть крылья, — прошептал он своему спутнику. — Держись позади меня и достань меч. Будь наготове.

Глаза приблизились. Теперь Конан слышал, как тихо скрежещут зубы монстра. Кем бы ни

было это чудовище, оно явно предвкушало сытную трапезу.

— Берегись! — крикнул Цинфелин.

Глаза поднялись выше, новый порыв ветра окатил Конана волной отвратительного запаха. Монстр взлетел в воздух и приготовился атаковать.

Конан вскинул меч, держа его над головой. Чудовище, несомненно, хорошо ориентировалось в темноте — в том влажном, беспросветном мраке, который его породил. Оно легко уклонилось от человеческого оружия и, описав в воздухе круг над головой Конана, снова бросилось на человека.

Конан ощутил прикосновение кожистых крыльев. Он едва успел увернуться от когтей, а затем развернулся и набросился на монстра сам. Чудовище было совсем близко. Из его разверстой пасти исходил запах гнили и разложения.

Цинфелин еле слышно всхлипнул. Его охватил постыдный страх — такой сильный, какого юноша не испытывал, наверное, никогда в жизни. Он был готов повернуться к монстру спиной и побежать... И побежал бы, если бы страх утратить честь, да еще прямо на глазах у киммерийца-варвара, не оказался бы сильнее.

И потому Цинфелин остался на месте. «Я — будущий правитель этих земель, — твердил он себе. — Я не имею никакого права бояться здесь кого бы то ни было. Будь то монстр или чело-

век — это существо принадлежит мне, и оно должно мне покориться».

Однако чудовище явно держалось совершенно иного мнения. Оно полагало себя властелином подземелья и очень возмущалось тем невероятным обстоятельством, что пища отказывается сдаваться и подчиняться своему предназначению.

Напротив, «пища» атаковала. Раз за разом Конан взмахивал мечом, целясь между двух пылающих глаз. Но монстр всегда оказывался быстрее.

Конан, однако, не чувствовал себя обескураженным. Он внимательно наблюдал за чудовищем. Он знал: любой зверь, даже самый хитрый, все равно глупее человека. У любого противника есть излюбленный набор приемов. Нужно просто знать, каков этот набор, и тогда нетрудно будет предугадать следующий шаг.

Конан заметил, что монстр всегда движется в одном направлении, справа налево. Увернувшись от удара, он наносит собственный удар — неизменно правее места предыдущей схватки.

Что ж, киммериец воспользуется этим!

И в следующий же раз он ударили монстра точно в том месте, где тот должен был появиться! На сей раз быстрота не помогла чудовищу — киммериец оказался быстрее. Конан почувствовал, как сталь разрубает кости и вдруг освобождается: меч прошел сквозь тело чудовища.

С оглушительным визгом рассеченный надвое монстр упал на дно тоннеля, в жижу. Горящие глаза его погасли.

Внезапно Конан понял, чем была эта жижа. До сих пор киммериец не слишком задумывался над этим, поскольку самым главным было двигаться вперед и поскорее покинуть замок.

Но теперь...

— Конечно! — прошептал Конан, осторожно перешагивая через то место, где, как он знал, лежал труп монстра. — Ведь замок стоит на скале! И подземный ход тоже пробит в камне. Откуда же здесь влага?

— Влага — в скале, — сказал Цинфелин. — Или... что ты имеешь в виду?

— Когда выйдем наружу, увидим.

Они быстро побежали вперед. До освобождения из подземного плена оставалось совсем недолго. Скоро до них долетела первая струя свежего воздуха. Цинфелин жадно задышал. Конан тоже с облегчением перевел дух.

Они находились за пределами городка, возле большой дороги — в лесу. Отсюда виден был просвет, где, собственно, и находилась дорога. Луна светила ярко, озаряя окрестности. Конан потянулся.

— Хорошо под небом! — воскликнул Цинфелин.

— Хорошо выпрямиться, — проворчал варвар, с хрустом расправляя руки.

Они сделали несколько шагов и очутились на дороге.

— А теперь посмотрим, правильной ли была моя догадка, — сказал Конан.

Он посмотрел на свои сапоги. Так и есть! Они почти до самых колен были забрызганы кровью.

— Что это? — пробормотал Цинфелин, рассматривая свои ноги.

При свете луны кровь казалась почти черной.

— Так я и думал, — кивнул Конан. — Ты спрашиваешь, что это? Это кровь. Самая обыкновенная кровь. И ошметки разложившихся трупов. Вот что там, в тоннеле.

— Я не понимаю, — прошептал Цинфелин. Даже в лунном свете было видно, как он побледнел. — Ты хочешь сказать, что мой отец... что мои предки... что я... Ну, что графы Бенойка сбрасывали в этот тоннель всех неугодных и замуровывали их там? Что это на самом деле — застенок, тюрьма?

— Вовсе нет, — возразил Конан. — Если бы это была тюрьма, то там имелись бы по меньшей мере засовы. А мы легко вошли в подземелье, и нам не пришлось даже вышибать дверь. Если туда и сбрасывали какие-то трупы, то это были именно трупы. Никто не погибал там, погребенный заживо. Даже и не думай об этом.

— Но чья же это кровь?

— И к тому же свежая... — добавил Конан.

— Свежая? Она воняет, как... как... — Цинфелин задохнулся.

— Не мучай себя подбором верного выражения, — махнул рукой Конан. — Суть ясна. В подземном тоннеле водятся эти твари. Они питаются кровью и гнилью. Полагаю, та жижа, по которой мы шли, — это сгнившая кровь крыс и прочей отвратительной живности, а также останки тех самых тварей...

— Думаешь, их много?

— Полагаю, их там достаточно.

— Отвратительно! — воскликнул молодой граф. — Я должен позаботиться о том, чтобы уничтожить их! Ведь рано или поздно они размножатся настолько, что вырвутся из подземелья и нападут на обитателей замка!

— Об этом позаботишься потом, а пока следует подумать о наших лошадях. Как полагаешь, Рихан уже добрался до условленного места?

Рихан находился на дороге, сразу за поворотом. При свете луны видно было, что он сидит в седле и держит под уздцы двух прекрасных лошадей.

— Я выбрал лучших, — сообщил Рихан с гордостью.

Конан поморщился.

— Лучших — и самых приметных. О чем ты только думал, Рихан! Да по этим лошадям нас разыщут с легкостью.

— Я думал о том, как бы вам поскорее добраться туда, куда вы собираетесь, — резко возразил Рихан. Он не считал нужным скрывать свое отношение к Конану. И если молодой граф предпочел своему лучшему другу какого-то варвара — что ж, Рихан не намерен изображать воссторги по этому поводу.

— Не будем спорить, — примирительно заметил Цинфелин. — Я очень благодарен тебе, Рихан. Возвращайся домой и ложись спать. Пожалуйста, будь осмотрителен. И еще... — Он помедлил немного, но затем все-таки сказал: — В замке, возможно, ты встретишь двух фокусников. Муж и жена, иноземцы. Их одежда разрисована изображениями всяких диковинных существ. Оба довольно симпатичные на вид. Это мои союзники, ты понял? Если у них возникнут неприятности, помоги им. Их зовут Югонна и Далесари.

— Сделаю все, как ты хочешь, — сказал Рихан. Он развернулся на коне, свистнул и помчался по дороге, направляясь обратно к замку Бенойк.

Конан проводил его глазами и покачал головой.

— Парень обижен.

— Тут уж ничего не поделаешь! — резко возразил Цинфелин. — Я поступил правильно.

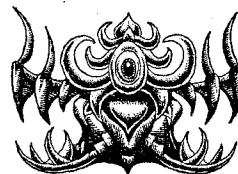
— Да, ты поступил правильно... Но он — человек простодушный и обижен до самых печеников. Конечно, это никак не скажется на его пре-

данности. И все же тебе придется хорошо постараться, чтобы загладить свою вину перед ним.

— Я устрою хорошую охоту, — обещал Цинфелин. — Думаю, этого будет довольно.

Они с Конаном сели на лошадей и помчались прочь от Бенойка — вперед, к морю и двум мрачным башням на обоих берегах пустынного пролива.

Глава пятая Светящиеся следы

огда Конан и Цинфелин покинули покой юного графа, Югонна и его подруга некоторое время сидели без движения. Слишком много всего произошло за слишком короткий срок. Сперва — приглашение дать ночное представление, затем — видение прикованной девушки и, наконец, решение Цинфелина во что бы то ни стало разыскать эту неведомую пленницу и спасти ее.

— Ты веришь в то, что она еще жива и существует на самом деле? — заговорила наконец Даллесари.

Ее муж пожал плечами.

— В это верит Цинфелин. И, что самое удивительное, Конан не стал его переубеждать, а напротив, взялся помочь ему.

— Что же тут удивительного? Конан — авантюрист, а розыск далекой красавицы — превос-

ходный способ заработать, — едко заметила супруга.

— Конан — очень здравомыслящий человек, — возразил Югонна. — И, насколько я успел его узнать, он не взялся бы за дело, которое ему не по душе, даже если бы ему сулили за это огромное вознаграждение. Как это ни странно, у него есть что-то вроде принципов.

Далесари вздохнула. Она чувствовала себя очень усталой и вместе с тем была слишком возбуждена для того, чтобы сразу заснуть. Ей хотелось узнать все разгадки — немедленно! Похоже, у ее мужа было сходное настроение.

— Ты голодна? — спросил Югонна. — Здесь остались закуски.

Вдвоем они уничтожили все съестное, что находилось в комнате. Затем Далесари вытащила из-за пазухи маленький мешочек. Югонна с любопытством следил за ней.

— Что у тебя здесь?

— Порошок. Помнишь, одно время я разыскивала растения со светящейся пыльцой...

Югонна кивнул. Он с трудом мог припомнить этот эксперимент. Далесари всегда поражала его способностью заниматься несколькими проектами одновременно. И сколько Югонна ни старалася, ему не удавалось удержать в памяти все то, о чем рассказывала ему подруга. Это было еще во времена лабиринта; так что же говорить о

временах нынешних, когда судьба и злая воля дяди Далесари, наполовину ученого, наполовину колдуна, занесла их в чужие края! Здесь большую часть времени они были поглощены простой борьбой за выживание.

— Почему ты так смотришь на меня? — улыбнулась Далесари.

Югонна встряхнулся, избавляясь от задумчивости.

— Как я на тебя смотрю? — удивился он.

— Как будто впервые меня увидел.

— Это происходит каждый раз, дорогая. Каждый раз, взглянув на тебя, я испытываю восторг и изумление.

— Ты льстишь.

— Самую малость.

— И лжешь. Почему ты выпучил глаза и разинул рот?

— Неужели я так выгляжу? — засмеялся он.

Она торжественно кивнула. Югонна обнял ее и прижал к себе.

— Потому что ты всегда меня поражаешь чем-нибудь новеньkim. Что за светящаяся пыльца? О чем ты сейчас говорила?

Пылая гневом, она высвободилась из его объятий.

— Я так и знала, что ты притворяешься! — воскликнула она. — Ты ничего не помнишь! И плевать ты хотел на мою работу! Если тебя

что-то во мне и интересует, так это мое тело! В этом ты ничуть не отличаешься от других мужчин... И не нужно было притворяться, будто ты внимательно слушаешь, когда я рассказывала!.. А я еще поверила! Поверила! На самом деле ты только прикидывался, а сам только о том и думал, как бы схватить меня, затащить на постель и...

— Ну все, хватит, — оборвал Югонна.

Далесари застыла с раскрытым ртом, не закончив фразы.

— Да, я думал об этом, и сейчас думаю, — продолжал Югонна. — И тебе это должно быть приятно.

— Мне? Приятно? Ты пренебрегаешь моей работой! Пренебрегаешь мной как ученым!

— Зато не пренебрегаю тобой как женщиной. Ты поразительное существо, Далесари! Давай, рассказывай скорее про твой порошок. Для чего он предназначен?

— Теоретическая часть тебе, стало быть, неинтересна? — прищурилась она.

— Ради всех богов, Далесари! Теоретическую часть ты изложишь мне потом... Что ты намерена делать с этой штукой?

— Кое-что проверить. Мой порошок выявит то, что скрыто. Если здесь имеется некая посторонняя субстанция, порошок начнет светиться.

— Очень умно.

Она сверкнула глазами в его сторону, но промолчала. Далесари подошла к стене, взяла в рот маленьку трубочку и осторожно выдула немного порошка. На стене проступил светящийся круг. С торжествующей улыбкой Далесари повернулась к мужу.

— Ты видел?

Он молча кивнул.

Она опять рассердилась:

— Мог бы что-нибудь сказать!

— Ты — выдающийся ученый, Далесари. А теперь, уважаемый коллега, не могли бы вы пояснить суть вашего эксперимента.

— Я с первого же мгновения не поверила в то, что видение приходит к Цинфелину просто так. Ни с того ни с сего к человеку не то что видения — к нему даже молочница не приходит. Нужен какой-то толчок, повод.

— Цинфелин же объяснял: он был болен, находился между жизнью и смертью... Очевидно, в тот момент и открылись его способности видеть нечто на расстоянии.

Далесари фыркнула, не скрывая презрения.

— Это толкование подходит для кумушки, которая верит в гадание на костях, и для юного профана, который никогда даже близко не стоял возле нашего лабиринта! Но не для меня. Я сразу поняла, что здесь кто-то основательно потру-дился.

— Твое предположение, Далесари?

— Это же очевидно. — Она уставилась на мужа с таким видом, что он сразу понял: до него уже давным-давно должно было дойти, в чем суть происходящего, и она, Далесари, невероятно удивлена его недогадливостью. — Этот круг на стене означает, что стену обработали специальным составом. Дерзну предположить, что этот состав близок к тому, который покрывает наше зеркало ясновидения. Только работает эта система сложнее.

— Боги, что может быть сложнее ясновидения! — простонал Югонна.

Далесари подобрала с блюда последнюю ягоду винограда и сунула в рот с победоносным видом.

— Сложнее! — повторила она, выплевывая косточку на пол. — Сам граф никогда не видел ни пролива, ни башни. Но некто — видел и сумел передать это видение зеркалу. Но не тому, которое у Цинфелина на стене, а своему. Зеркалу, которое хранится у него в покоях. Затем, когда он считает, что время подходящее, он попросту передает видение из одного зеркала в другое...

— Магия? — нахмурился Югонна.

Далесари кивнула.

— Как и в случае моего дядюшки... чтобы он сдох!

— Так ведь они и... — начал было Югонна, но вовремя замолчал. Ему вовсе не хотелось сейчас

ворошить прошлое. Слишком неприятные воспоминания. — Что ты предлагаешь? — спросил наконец он.

— Проследить, — быстро ответила она. — Тот, кто наносил на эту стену амальгаму ясновидения, должен был оставить следы. Это неизбежно. Амальгама будет держаться на полу, на стенах много зим — везде, куда упала капелька.

— А если он был осторожен и никаких капель не оставил? — возразил Югонна.

— Я не понимаю, — возмутилась Далесари, — ты хочешь, чтобы у нас ничего не получилось?

— Пытаюсь смотреть на вещи здраво.

— Как твой друг Конан? — съязвила она. — Но ведь Конан-то как раз ввязался в это дело.

— Пойми меня правильно, Далесари, — проговорил Югонна, — я очень хочу, чтобы у нас все получилось. Чтобы мы выследили негодяя и все такое. И твоя хитрость кажется мне просто замечательной. Но что, если у нас ничего не получится?

— Что?

— Я не хотел бы, чтобы ты огорчилась и пала духом. Поэтому и пытаюсь все обсудить заранее.

— Когда у нас ничего не получится, тогда и будем обсуждать.

Далесари взяла еще одну щепотку порошка и распылила вокруг себя. На полу неожиданно вспыхнула маленькая яркая точка.

— Есть! — в восторге прошептала Далесари. Югонна прикусил язык. Жена в очередной раз оказалась права. Потом она отыграется. Будет напоминать ему, какой он перестраховщик, как он всего боится, как он пытается предвидеть то, чего и не случится... А ведь он всего лишь хотел уберечь ее от лишних огорчений.

Он наклонился над точкой. Никаких сомнений — это был след колдовской амальгамы. Как будто капелька сорвалась с кисти.

— Попробуем найти еще в коридоре, — предложила Далесари.

— По-твоему, он шел с мокрой кистью наготове? — спросил Югонна. — Ведь проще было принести эту штуку в сосуде.

— Амальгаму не выдерживает ни один сосуд. Ее приготавливают и сразу же наносят на кисть. И с кистью наготове бегут туда, где нужно создать магическую поверхность, — авторитетно заявила Далесари.

— Откуда ты это знаешь?

— Мне сказал человек, у которого мы купили зеркало.

— Так вот о чем ты с ним разговаривала, пока я бегал в поисках денег!

— А о чем мне было с ним разговаривать? — удивилась Далесари. — Разумеется, я использовала это время для того, чтобы разузнать о зеркалах как можно больше.

Они выскользнули из покоев юного графа и очутились в длинном коридоре, освещенном лишь несколькими факелами. Далесари наклонилась и подула в свою трубочку. Еще несколько ярких капель пропустили в темноте.

— Идем, — прошептала она.

Вместе они двинулись вперед по горящему следу.

* * *

Югонна только поражался неустранимости своей супруги. Далесари, совершенно забыв о том, что в замке им может грозить опасность, бежала вперед. То и дело она останавливалась, чтобы дунуть и посмотреть, куда поведут их горящие капельки.

Они несколько раз сворачивали за угол и вдруг заметили старую лестницу, уводящую глубоко в подземелье. Лестница эта никак не охранялась.

— Как ты думаешь, что это? — спросила Далесари, приостановившись возле нее.

Югонна бросил на лестницу мимолетный взгляд.

— Понятия не имею. Вход в подземную тюрьму?

— Почему здесь нет стражи?

— Наверное, стражи есть — внутри. И такие жуткие, что нет никакой надобности в стражах внешних, — предположил Югонна.

— Странно, — добавила Далесари. — Смотри, сколько народу прошло здесь совсем недавно. Что бы это могло означать?

— Что угодно, — сказал Югонна. И взмолился: — Далесари, милая, я не в состоянии решать несколько загадок одновременно! Давай сперва разберемся с зеркалом.

И они снова двинулись по следу.

Им пришлось пройти еще один небольшой коридор, подняться на пару лестничных пролетов — и тут Далесари остановилась возле тяжелой двери, увенчанной богатой резьбой.

— Следы ведут сюда, — сказала она уверенно. — Впрочем, можно попробовать еще раз — чтобы убедиться.

Она прошла вперед и дунула из своей трубочки, но темнота осталась темнотой — ни одной горящей капли не пропустило.

— Стало быть, тот, кто приходил в комнату Цинфелина, пока он хворал, и нанес амальгаму на стенку, живет здесь, — проговорил Югонна медленно и уставился на резную дверь, как будто она могла поведать ему какую-то тайну. — И что же нам теперь делать?

— Для начала — выяснить, чьи это покой, — предложила Далесари. — И поискать там второе зеркало.

— А потом?

— Потом? Да с такими доказательствами на

руках мы живо избавим графа от его тайного врага!

— Далесари, — осторожно напомнил Югонна, — ведь сейчас ночь. Тот человек, которому принадлежат эти покой, уже наверняка там, внутри. Он спит или забавляется с женщиной. В любом случае — он там, и забираться к нему...

— Что? — Она наморщила нос. — Ну, договаривай! Что ты хотел сказать?

— Забираться к нему сейчас по меньшей мере опасно. Ну вот, я выговорил это, — и он улыбнулся.

Далесари сказала:

— Возможно, у нас нет времени. Надо рискнуть. Я попробую проследить, чтобы никто не застал тебя внутри, а ты проберись к нему — только тихо, — и постараись запомнить, как он выглядит.

— Но если он меня увидит...

— А если не увидит? Придворные негодяи имеют обыкновение спать, как невинные младенцы. Отсутствие совести — большое преимущество.

Югонна вздохнула. Его жена права. Конечно, забираться в комнаты к могущественному вельможе опасно в любом случае. Оставить вторжение до следующего дня? Но днем их ожидают другие опасности. Кто-нибудь может войти туда и увидеть незнакомцев. Ночью, по крайней мере, большинство людей спит.

— Посторожи снаружи, — сказал Югонна. — Я попробую залезть туда.

Он потянул дверь на себя и, к своему удивлению, она легко подалась. Это так ошеломило Югонну, что он едва не отказался от своего изначального намерения проникнуть внутрь. Он оглянулся на жену, и она подбадривающе кивнула.

Югонна скользнул в темноту и сразу уловил тяжелый запах благовоний. Кем бы ни был обитатель этой комнаты, он явно злоупотреблял курениями и ароматическими мазями.

В передней комнате спали несколько слуг. Судя по всему, эти бедняги достаточно умаялись, так что тень, прокравшаяся мимо в спальню их господина, даже не потревожила их сон.

Югонна завидовал Конану, который хорошо видел в темноте. Сам молодой человек вынужден был продвигаться очень медленно, осторожно ощупывая вокруг себя предметы. Вот, вроде бы, стойка для факела... А дальше — столик и мягкое кресло. Еще одно. Скамеечка для ног... Ваза. Проклятье, она чуть не упала!

Югонна выбрался во вторую комнату. Здесь было светлее. Он огляделся по сторонам в поисках источника света и вдруг застыл.

В комнате бодрствовал еще один человек. В первое мгновение Югонна испытала дикий ужас.

Он так и не понял, каким чудом ему удалось не вскрикнуть. Но приглядевшись внимательнее, он понял: то, что излучало слабое мерцание, не было ни окном, ни свечой, а образ, так напугавший его, представлял собой ничто иное, как иллюзию.

Впрочем... иллюзию ли?

Теперь Югонна больше не сомневался. Возле стены стояло высокое, в рост человека, зеркало, а в нем отражалась все та же тюрьма и прикованная девушка. Она то говорила что-то, то принималась плакать, то безучастно смотрела перед собой. Иногда она обвисала на цепях, пытаясь заснуть, но ее хрупкое бытие тотчас прерывалось.

Свет, который освещал спальню, падал в окошко тюрьмы. Если приглядеться, можно было различить башню-маяк и залив.

Югонна покачал головой. Каким извращенным умом надо обладать, чтобы поместить это зеркало у себя в спальне и постоянно смотреть на страдания несчастной девушки! Должно быть, обитателя этих покоев возбуждают подобные картины. Что ж, нередкое явление среди господ, которые либо не могут найти удовлетворение у женщины, либо не могут найти женщину, согласную дать им удовлетворение...

Он повернулся к спящему и разглядел в полумраке мясистый орлиный нос, длинные седые волосы.

Это лицо мгновенно врезалось в память Югонны. Он был уверен, что теперь узнает этого человека в любой обстановке и при любых обстоятельствах.

И в этот самый миг большая напольная ваза, которую Югонна приметил еще входя в комнату, покачнулась и с оглушительным звоном разлетелась на куски. Югонна мог бы поклясться, что даже не прикасался к ней. Он помнил о ней, знал, что ее нужно осторожно обойти...

Почти сразу же в комнате все изменилось. Девушка в зеркале испуганно уставилась на Югонну. Он понял вдруг, что она не только видима для обитателей спальни, но и в состоянии видеть все, что здесь происходит. Наверняка ее мучитель нарочно устраивает здесь, на ее глазах, отвратительные оргии, а у бедняжки даже нет возможности уклониться от невольного соучастия в них.

Как бы там ни было, спящий сразу же проснулся. Маленькие глазки распахнулись и безошибочно устремились на Югонну. Однако лежащий на кровати человек даже не пошевелился. Громовым голосом он закричал:

— Стражи!

В передней комнате пробудились и зашумели слуги. Из коридора донесся топот множества ног.

Югонна бросился бежать. В передней на него набросились слуги. Как охотничьи собаки на ка-

бане, повисли они на беглеце. Один пытался добраться до горла Югонны, другой бил его кулаком по спине, третий старался повалить его на пол, четвертый уже бежал за веревкой, чтобы связать пленника.

Югонна отбивался изо всех сил

— Далесари, беги! — сдавленно призывал он.

Единственное, на что он надеялся, так это на здравый ум своей супруги. Наверняка услышав грохот в покоях, она уже сбежала. Кто-то один из двоих должен оставаться на свободе, чтобы вызволить второго.

— Беги! — умолял он, даже не зная, слышит ли его она.

Отчаянным усилием Югонна сбросил с себя нападавших и рванулся к двери. В этот самый миг в комнату влетела Далесари. Вооруженная лишь маленькой серебряной трубочкой и порошком, она отчаянно бросилась в битву. Набрав полную трубку, она выдохнула порошок прямо в глаза нападавшим. Послышались громкие вопли. Люди кричали от боли, катились по полу, терли глаза.

Югонна с укоризной глянул на Далесари.

— Возможно, ты ослепила их!

— Возможно, — хладнокровно согласилась она и взяла его за руку. — Бежим!

Они бросились бежать по коридору. Задыхаясь, Югонна сказал:

— Они ведь ни в чем не виноваты! Это просто слуги.

— Они хотели убить тебя.

— Это их долг.

— Мой долг — спасать тебя.

— С каких это пор?

— С тех пор, как мы познакомились.

Они свернули за угол и снова увидели лестницу, уводящую в подземелье. И тут навстречу им выбежали стражники. Не менее десятка крепких стражей с мечами наготове мчались на зов о помощи.

— Держи их! — взревел тот, что первым увидел беглецов.

Югонна и Далесари оглянулись в поисках спасения, но сзади тоже надвигались преследователи. Они оказались зажаты между двумя отрядами стражников.

— Сюда! — сказал Югонна и потащил подругу за собой в подземный ход.

Они спустились на несколько ступенек. Стражники тяжело топали следом.

— Не оглядывайся! — пробормотал Югонна, задыхаясь.

Они пробежали по подземелью несколько шагов, и тут раздался тяжелый гул.

Казалось, далеко впереди ворочается разозленный великан. Постепенно гул нарастал и приближался.

— Мне страшно, — шепнула Далесари, оставаясь. — Что здесь происходит?

— Не знаю... Может быть, чудовище. Может, мы разбудили спящее здесь чудовище. Помнишь, я говорил о стражах?..

— Умеешь ты успокоить.

Югонна подумал немного и добавил:

— Если то, о чем я думаю, правда — то лучше бы это было разозленное чудовище...

— А о чем ты думаешь? — спросила Далесари.

Он не успел ответить. С потолка подземного хода посыпались камни. Совсем близко раздался треск, обвалилась тяжелая глыба.

— Обвал! Вот о чем я думаю! — выкрикнул Югонна. — Возвращаемся!

— Впереди стражники.

— Они по крайней мере люди. Захватят нас, сунут в тюрьму... Конан узнает об этом и как-нибудь вы拯олит нас, если мы будем еще живы... — Югонна попыталась улыбнуться в темноте, но Далесари уже не слушала его.

Охваченная паническим ужасом, она помчалась обратно по тоннелю — туда, где еще виден был просвет. Югонна поспешил за ней.

Далесари была меньше ростом, и ей не приходилось нагибаться, находясь в коридоре. Поэтому она бежала гораздо быстрее. Стражники топтались у входа в тоннель, некоторые заглядывали внутрь, но входить никто не решался.

— Там обвал, — переговаривались они. — Этого давно уж следовало ожидать. Кто-то прошел здесь совсем недавно. Человек десять, не меньше... Они, небось, и обрушили своды. Тут ведь даже говорить нельзя в полный голос...

Еще один камень упал с потолка и狠狠地 ударили Далесари в плечо. Она пронзительно вскрикнула и, собрав все свои силы, выскочила наружу.

С добродушным гоготом стражники схватили ее за руки.

— Вот одна пташка и попалась! Воровка! Что ты делала в покоях главного графского советника Кернива?

Далесари молча позволяла им вязать себе руки. Новый взрыв за спиной заставил ее вздрогнуть и обернуться.

Югонны в тоннеле не было. Там, откуда он должен был вот-вот появиться, громоздились завалы камней.

* * *

Далесари провела страшную ночь. Ее отвели в кордегардию и устроили там на лавке, предварительно связав так, чтобы она не могла двинуться. Стражники свое дело сделали, схватили злоумышленницу, и теперь им оставалось лишь стеречь ее до тех пор, пока более важные персоны не займутся арестованной.

Она сидела, съежившись, и смотрела, как они играют в кости, пьют, устраиваются прикорнуть в углу, — словом, ведут себя как самые обычные люди, которым выпал обременительный жребий ночного дозора. Собственная судьба не слишком беспокоила Далесари. Все страхи за себя отошли на второй план. Ее душу разъедала боль за мужа.

Она своими глазами видела обвал на том месте, откуда вот-вот должен был показаться Югонна. Что с ним? Убило ли его камнем при падении потолка? А может быть он, тяжело раненый, лежит под завалом, стонет, ждет, что к нему придут на помощь? Жив ли он? При одной только мысли о том, какая страшная смерть его ожидает, всякая тревога за собственную участь исчезала.

Далесари находилась в руках людей, ее схвативших. Что ж, она по крайней мере жива и здорова и может рассчитывать на человеческую справедливость. Даже если ее бросят в темницу, для нее все равно останется надежда.

Она попробовала разговаривать со стражниками.

— Добрые господа, — подала голос пленница, — там, под завалами камней, остался мой муж.

Никакого ответа. Стражники продолжали бросать кости и переговариваться между собой.

— Выслушайте меня! — умоляла Далесари. — Вы ведь не звери, а люди, у вас должна оставаться хотя бы капля сострадания!

Один из стражников встал, но вместо того, чтобы подойти к Далесари, он отошел к окну, взял из небольшого сундука еще пару монет и вернулся к играющим.

— Не везет тебе сегодня! — обратился к нему приятель.

— Да уж, ночка не из приятных, — согласился тот.

— Мой муж, — взывала Далесари, — он погибнет... Арестуйте нас вместе, только спасите его!

Наконец начальник стражи уставился прямо на пленницу.

— Если ты не замолчишь, — произнес он с расстановкой, внятно, стараясь сделать так, чтобы до неё дошло каждое ее слово, — то я велю завязать тебе рот, и ты будешь вдобавок мучиться от жажды. Имей это в виду в следующий раз, когда вздумаешь заговорить.

И Далесари замолчала. Слезы катились по ее щекам, но никому из стражников это, похоже, не мешало. Они продолжали игру, обмениваясь безрадостными шуточками.

Поутру в кордегардию явился сам главный графский советник, господин Кернив. Далесари содрогнулась, когда увидела его.

— Так, — вымолвил он, посмотрев на пленницу. — Вот та женщина, которая забралась ко мне в покой. Очень хорошо. А где второй?

— С позволения вашей милости, второй сгинул во время обвала в подземном ходу, — почтительно ответил начальник стражи.

— Еще лучше, — одобрительно кивнул господин Кернив. — Для допроса мне достаточно одной пленницы. Не придется возится сразу с двумя. Надеюсь, никому из вас не пришло в голову выкапывать ее сообщника?

— Разумеется нет, ваша милость! — воскликнул начальник стражи.

— Превосходно! — И господин Кернив улыбнулся.

Далесари содрогнулась при виде этой улыбки, появившейся на тонких бледных губах, точно бедная родственница в доме, где ей совершенно не рады. Двое стражников подняли молодую женщину со скамьи, где она провела ночь, и повели вслед за господином Кернивом. Далесари мучилась сомнениями: будет ли присутствовать при допросе сам граф Бенойка, или же его главный советник сделает все сам.

Но если граф Гарлот не захочет посмотреть на женщину, пытавшуюся забраться в покой его главного советника, — то почему? Не потому ли, что Кернив забрал слишком много власти в графстве?

Далесари почти не сомневалась в том, что прежде граф Гарлот был достаточно сильным и властным человеком, крепко державшим бразды правления в своих руках. Он начал сдавать после того, как оказалось, что сын его неисцелимо болен, что какая-то странная, необъяснимая хворь разъедает душу наследника.

Вот тогда-то и началось подлинное возвышение Кернива. Граф Гарлот, скорее всего, еще не понял, откуда исходит главная опасность для его династии.

И Далесари не в состоянии открыть ему глаза. Пока не в состоянии...

Ее привели в комнату с очень низкими потолками. Судя по всему, комната эта находилась ниже уровня земли. Окон здесь не было; единственным источником света служила коптящая масляная лампа. В воздухе застоялся запах сырости.

Кернiv опустился на каменную скамью, на которую слуги заботливо положили мягкую подушку. Пленницу бросили на пол у его ног.

Главный графский советник милостивым жестом отпустил стражников.

— Мы потолкуем с этой девушкой наедине, — сказал Кернiv с усмешкой. — Боюсь, она застенчива и при посторонних не станет говорить, но мне, своему лучшему другу, она откроет душу. — Он наклонился к Далесари и добавил:

Она вывернет наизнанку свою душу перед старым добрым Кернивом, иначе — клянусь всеми демонами преисподней! — старый добрый Кернiv вывернет наизнанку ее тело!

Далесари зашевелилась на полу. Она попыталась встать, но Кернiv ударил ее ногой в лицо.

— Не вздумай! — прошипел он. — Твое место — на земле! Валяйся на брюхе, змея, и не поднимай головы!

Далесари затихла. Ярость и ужас грызли ее, но сильнее всего оставалась боль по погившему мужу.

— Что тебе нужно? — глухо спросила она.

— Итак, ты заговорила! — провозгласил Кернiv. — Хорошо. Очень хорошо. Это означает, что разум не покинул тебя. Можешь поднять голову и посмотреть налево, на то, что висит на стене. Тебе хорошо видно?

Он встал и с лампой в руке приблизился к стене. Она как завороженная следовала за ним взглядом. Поначалу Далесари не обратила внимания на убранство комнаты, но сейчас перед ней предстали те предметы, что «украшали» стену. То были большие щипцы, железные ошейники с шипами, тиски и прочие приспособления, с помощью которых из упрямцев выбивали «искренние признания».

— Видишь? — продолжал Кернiv. — Это именно то, о чем ты подумала. Я буду с тобой

честен, девушка. Сперва я расскажу тебе о том, что произойдет с тобой, если ты будешь упорствовать. И клянусь проклятыми богами, я проделаю с тобой все то, о чем ты сейчас услышишь! — Он говорил вполне искренне и даже как будто нехотя, и это пугало Далесари куда больше, чем открытая угроза. — Я надену на тебя этот ошейник и начну завинчивать его все сильнее, пока шипы не впьются в твою нежную кожу. Если это не развязает тебе язык, я зажму твои пальцы в тиски... Мне продолжать?

— Не надо, — выдавила Далесари. — Что ты хочешь узнать?

Он быстро вернулся на скамью, поставил лампу на столик и наклонился к пленнице.

— Зачем ты и твой муж забрались ко мне в комнату?

— К тебе вели следы.

— Какие следы?

Далесари замялась, и Кернив наотмашь удрил ее по лицу.

— Говори! Какие следы!

— Светящиеся следы, — сквозь слезы вымолвила Далесари. — Следы волшебной амальгамы. Я знаю, потому что мы тоже пользуемся похожим зеркалом... Только мы никогда не предполагали, что таким зеркалом можно пользоваться — так...

— Как? — Казалось, услышанное вдруг позабавило Кернива.

— Для того, чтобы мучить ни в чем не винных людей... Мы показывали в этом зеркале красоту. Другие иногда подсматривают за женщинами... Это можно понять. В своем роде это вполне невинно. Но любоваться страданиями нечастной девушки...

— Что такого в том, что я любуюсь страданиями девушки? — удивился Кернив. — Это, в конце концов, приятно. Это возбуждает. Не слишком сильно, но все-таки. Когда мне требуется более резкий раздражитель, я посылаю к ней палача, и он бьет ее на моих глазах. Ты никогда не пробовала? Сочетание боли и похоти рождает ни с чем не сравнимое наслаждение.

— Мерзкий слизняк, — прошептала Далесари.

— Может быть, ты хочешь занять ее место? — продолжал Кернив. — Я подумаю об этом. Как бы мне сделать так, чтобы ты поняла, чтобы ты до глубины души осознала... Может быть, пальцы тебе переломать? Очень сильное ощущение.

— Мой муж убьет тебя, — сказала Далесари. Она вдруг устала от этих бесконечных угроз.

— Твой муж? Тот дурак, которого засыпало камнями в подземном ходу? — с презрением переспросил Кернив. — Что ж, я подожду, пока демоны преисподней отправят его ко мне для дружеской беседы.

— Может быть, кто-то другой... — прошептала

ла Далесари. — Найдется человек, который освободит меня.

Она думала о Конане.

— Никто тебя не освободит! — закричал Кернив. — Ты сгниешь в подземелье, и ни одна живая душа не узнает о том, как ты умерла!

Далесари молчала.

Кернив перевел дыхание и проговорил совершенно другим тоном:

— Сейчас ты предстанешь перед графом Гарлотом. Ты объяснишь ему, что следила за мной, потому что хотела, воспользовавшись приглашением юного Цинфелина, украсть из моих покоев что-нибудь ценное.

— Я должна выставить себя простой воровкой? — недоумевающе произнесла женщина.

— Для тебя это единственный способ остаться в живых!

— Ты знаешь, почему мы забрались к тебе! — вне себя закричала Далесари. — Ты насыпал на Цинфелина видения, от которых он терял сон и покой! Ты похитил девушку и издеваешься над нею!

— Ты сама только что подписала себе смертный приговор... — Кернив зевнул. — Впрочем, другого я и не ожидал. Скажу тебе больше, я все равно избавился бы от тебя, независимо от того, что бы ты сказала. Ты немного усложнила мне задачу. Но лишь немного.

Он свистнул в серебряный свисток, и тотчас явился человек, при виде которого Далесари содрогнулась. Никогда прежде она не встречала подобных людей. Этот был коренастым, с шишковатой головой и непомерно широкими плечами. Он был совершенно обнажен, если не считать кожаного фартука, забрызганного темными пятнами. На запястьях он носил широкие медные браслеты.

Он вошел в помещение, приблизился к Керниву и опустился перед ним на колени.

— Хорошо, — сказал Кернив. — Возьми эту женщину и запри ее в подземелье. Ты знаешь, куда.

— Больше ничего? — глухо спросил палач.

— Пока — ничего... — Кернив усмехнулся. — Подождем.

Палач поднялся, схватил Далесари за локоть и потащил из комнаты. В задней стене открывалась еще одна дверь, а за этой дверью начиналась лестница — бесконечный спуск в подземелье. «Сколько же подземелий в этом замке? — съятенно думала Далесари. — И если тот ход, по которому мы пытались выбраться отсюда, обвалился, — не обвалится ли этот потолок?»

Словно угадав ее мысли, палач ударил ее кулаком в шею.

— Поторапливайся, — приказал он. — Хозяин велел мне пока не трогать тебя, но я подожду...

Подожду, пока он о тебе не забудет, и тогда жди меня. Я приду. А потом здесь «случайно» обвалится потолок, и ни одна живая душа не отыщет тебя.

Шаг за шагом Далесари спускалась все глубже под землю, и ей казалось, что она сходит в преисподнюю.

* * *

В камере было темно. Далесари осторожно обогнала комнату, держась рукой за стену, и убедилась в том, что помещение, где ей предстояло провести остаток жизни, очень невелико. Она ощущала под ногами то голый камень, то сгнившую солому и вдруг наткнулась на нечто живое.

От неожиданности Далесари вскрикнула и, не удержав равновесия, упала. То, что напугало ее, пошевелилось и ухватило Далесари за щиколотку.

— Сядь рядом, — прозвучал тихий голос. — Сядь и успокойся. Тебе ничего не грозит. Не от меня.

Далесари, вся дрожа, повиновалась. Чья-то невесомая рука провела по ее плечу.

— Успокойся, — повторил голос.

Постепенно дрожь затихала. Вслушиваясь в голос, Далесари начала понимать, что с ней разговаривает друг. Голос был дрожащий, старческий и очень ласковый.

— Кто ты? — спросила Далесари.

— Я первая, — прошептала ответ. — Кто ты?

— Ты женщина?

— Опять вопросы... Отвечай на мои! Кто ты?

— Меня зовут Далесари, я показывала фокусы... фокусы с зеркалами, а потом мы увидели одно зеркало в опочивальне Кернива...

— Понятно, — отозвалась неведомая товарка по несчастью.

— Тебе понятно? — удивилась Далесари. — Даже мне не все здесь понятно! К тому же я рассказывала так путано и сбивчиво...

— Здесь замешаны Кернив и зеркала, — был ответ. — В моем деле все то же самое. Зеркала и Кернив... Он очень умен, очень хитер. Он умеет ждать, и этим опасен.

— Расскажи, — попросила Далесари.

— Я стара, теперь уже очень стара... Не знаю, зачем мне сохраняют жизнь. Наверное, забыли отдать приказ о том, чтобы меня убили. Стражник приносит мне еду — раз в два дня. Очень хороший стражник. Подозреваю, он кормит меня за собственный счет. Что ж, я старуха, мне много не надо. Могу поделиться с тобой. Ты хочешь умереть?

— Нет, — ответила Далесари. — Я ведь еще не знаю, уцелел ли мой муж.

— Всегда нужно надеяться, — произнесла старушка.

— Времени у нас много, — сказала Далесари. — Расскажи мне свою историю...

— Что ж, — промолвила старушка. — Насчет времени — не знаю. Человеку всегда кажется, что у него впереди еще много времени, а потом вдруг происходит нечто, и выясняется, что времени-то у него как раз и нет. Вот и я думала: удачно складываются мои старые годы, доживу век в тепле и неге, буду заниматься тем делом, которое так мне по душе — буду растить мою голубку... А обернулось все иначе!

Я была кормилицей в знатной семье. Вырастила двоюродную сестру нынешнего графа Гарлота. У графа есть двоюродная сестра — ты не знала? Все, что осталось от всей его родни. Муж ее погиб при странных обстоятельствах — свалился в пропасть, когда ехал по горам. Никто так и не вызнал, как такое могло произойти, он ведь всю жизнь в седле и всегда в горах...

Ну да ладно. У моей красавицы осталась дочь, и вот к этой-то девочке я и была приставлена нянькой. До чего хорошая была девочка! После гибели ее отца только на ней одной сосредоточилась вся любовь, вся нежность моей госпожи. Да и я в ней души не чаяла.

И вот однажды случилось нечто ужасное. Я первая заметила... Лучше бы я ничего не замечала. Лучше бы не я обратила на это внимание! Захожу как-то раз в детскую. Боги, это было уж

зим десять назад, и моей голубке было зим семь. Как вспомню, все в душе переворачивается!

— Ты сидишь в этой тюрьме уже десять зим? — перебила Далесари, не веря услышанному.

— Наверное... Не знаю. Может быть, меньше. Я давно потеряла счет времени, но, полагаю, что так, — ответила старушка. — Обо мне заботятся. Может быть, тот добрый стражник прислан моей госпожой, которая раскаивается в том, что сделала... Не знаю. Не мучай меня вопросами. Я стараюсь не думать об этом. Слушай лучше о том, что случилось. Вот вошла я в детскую, а моя девочка на меня и не смотрит. Играет с куколкой. И девочка хорошенькая, здоровенькая, на щечках румянец, глазки как звездочки, и куколка чудесная... Но что-то во всем этом, вижу, не так. Пригляделась — и все во мне омертвело. Девочка раз за разом повторяет одни и те же движения. Как автомат. Сперва покачает куклу, потом оглядится по сторонам невидящими глазами, потом сядет на корточки и поводит куклу за ручку, а после опять сначала: покачает, оглядится... Колдовство какое-то! Когда бывало, чтобы ребенок одно и то же повторял! Бросилась я к ней, чтобы обнять ее, чтобы колдовство рассеять, схватила ее обеими руками, желая к груди прижать... и только воздух обняла.

Исчезла моя девочка! Наваждение это было!

Я — кричать; сбежались слуги, прибежала и моя госпожа. Вне себя от горя приказала моя госпожа меня допрашивать. Я рассказала сдуру все, что видела, и меня тут же обвинили в том, что я помогала, дескать, в похищении. Допытывались — кто похититель? А откуда мне знать?

Госпожа моя обратилась к графу, своему двоюродному брату. Тот передал дело Керниву как человеку более опытному в обращении с преступниками. Кернив! Я только потом догадалась, кто стоит за этим похищением... А тогда я ни о чем не подозревала. Даже думала, что он поможет разыскать пропавшую девочку. Все ему пересказывала по нескольку раз. Про привычки ее рассказала, про то, что она любит. Уж не знаю, как он потом все это использовал, но уж наверняка так, чтобы мучить ее.

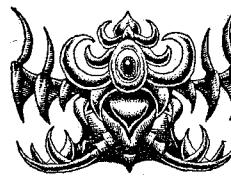
— Да, это на него похоже, — прошептала Далесари.

Старушка всхлипнула.

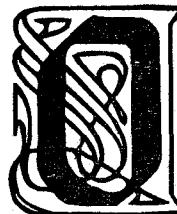
— Нет и не будет мне покоя, пока она не освободится. Не знаю, где этот злодей ее содержит.

Далесари крепко обняла ее.

— Знай, скоро придет избавление! Цинфелин и еще один верный человек отправились на поиски. Они теперь знают, что произошло с девушкой и где она находится. Даже если мы с тобой умрем в этом проклятом подземелье, она будет освобождена, в этом я не сомневаюсь!

Глава шестая Возле маяка

н оглядывался по сторонам и, казалось, не верил собственным глазам. Вот маяк! Тот самый, что виделся в зеркале! Просто удивительно... До последнего Цинфелин боялся ошибки.

Ему казалось невероятным, чтобы иллюзия, представленная в магическом зеркале, все-таки оказалась явью.

Казалось, Конан догадывается о мыслях, что теснились в голове его спутника.

— Ты сомневаешься? — спросил киммериец.

Цинфелин чуть виновато кивнул.

— В зеркале все это выглядело немного иначе... Менее реально...

— И все же мы нашли это место, — произнес Конан. — Смотри, вот маяк возле пролива, и даже чайки, что кружат над ним, точно такие же, как были в видении. А вон там — там башня, где заточена твоя красавица.

— Мы освободим ее? — нёмного неуверенно спросил юный граф.

— Можешь не сомневаться! — рассмеялся Конан. — Много башен повидал я на своем веку, и не было ни одной, которая бы не покорилась мне.

Он осмотрелся по сторонам. Путешественники стояли на холме, что высился над побережьем. Вся картина раскрылась перед ними, словно театральная сцена после того, как поднят занавес. Мрачная башня выглядела совершенно небитаемой. Странное дело — даже чайки, казалось, избегали летать поблизости от нее.

— А что там, внизу, у подножия маяка? — спросил вдруг Цинфелин, указывая на россыпь домиков, видневшихся возле второй башни.

— Наверное, какой-нибудь рыбачий поселок, — предположил Конан. — Для нас это не помеха. Напротив, у этих людей можно будет разжиться рыбой и другими припасами. Обычно рыбаки не слишком-то жалуют чужаков, но если найти к ним подход, расскажут кое-что интересное касательно второй башни. А если подпоить их... то результат может оказаться и вовсе неожиданный. Так что — отринем сомнения, и вперед!

Он пришпорил коня, и путники спустились на побережье.

Скоро они добрались до поселка. Как и предполагал Конан, основным занятием местных жи-

телей была рыбная ловля. Во всяком случае, именно об этом свидетельствовали развешанные повсюду сети и неизбывный запах копченой рыбы, которым, казалось, пропиталось все вокруг. Цинфелин с непривычки морщился, а Конану хоть бы что.

Киммериец оглядывался по сторонам, словно пытаясь запомнить и осознать каждую мелочь из тех, что попадалась ему на глаза. И с каждым мгновением лицо Конана делалось все более хмурым и озабоченным.

— Что с тобой? — спросил Цинфелин шепотом. — Здесь что-то не так?

— Еще не знаю, — ответил киммериец. — На всякий случай помалкивай, а если придется действовать — делай как я. И не задавай вопросов.

Они проехали между домов. Рыбаки постепенно оставляли свои дела и выходили навстречу незнакомцам. Одни бросали сети, которые до этого чинили, другие выбирались из-под лодок, которые конопатили, третья с ножами для разделки рыбы показывались из коптилен... Все они выстраивались вдоль главной улицы и таращились на чужаков.

Затем они начали сбиваться в небольшие стайки — назвать эти сообщества «компаниями людей» почему-то язык не поворачивался. Это было похоже на то, как дикие псы сходятся в стаи перед тем, как атаковать крупную добычу.

Пришельцы медленно ехали по улице, стараясь не смотреть ни вправо, ни влево. Цинфелин весь сжался. Никогда прежде с ним такого не случалось. Эти молчаливые простолюдины внушили графскому сыну ужас. Обычный животный ужас, какой испытывает олень, когда видит бегущих к нему охотничьих собак и слышит рожок.

Конан, напротив, небрежно развалился в седле. Он даже не вытащил из ножен меча.

Чуткое ухо киммерийца улавливало обрывки фраз, которыми глухо обменивались местные жители.

- Новички?..
- Нет, не годятся...
- Эти не подходят — они пришли посуху...
- Ты уверен?..
- Я их обнюхал... От них не пахнет морем...
- Они еще живы...
- Когда нам это мешало?
- Нет, не годятся, эти не годятся — эти пришли по суш...

Последняя фраза, хоть и звучала так же загадочно, как и все остальные, все же показалась Конану обнадеживающей. «Не годятся!» Интересно, а как выглядят те, которые здешним рыболовам «годятся»?

— Тише, — шепнул, не разжимая губ, Конан своему спутнику. — Ни слова!

Они продолжили путь, не ускоряя шага. Инстинкт подсказывал Конану, что нельзя ни в коем случае бежать от этих людей или показывать свой страх перед ними, какими бы жуткими они ни казались. На краю поселка Конан остановил коня, и его тотчас обступило несколько человек. Цинфелин держался в стороне. Удивительно, но на второго путешественника рыбаки вообще не обратили внимания.

Конан заговорил со старым рыбаком, чья одежда выглядела закопченной и провоняла дымом — даже усы его выглядели так, словно их долго вялили над огнем вместе с рыбой.

— Скажи, друг, где мы находимся?

Рыбак поднял на Конана полусонные глаза и ничего не ответил.

— Кто-нибудь скажет мне, что это за место? — повысил голос киммериец. — Кому принадлежит та башня?

Он указал на мрачную башню.

По-прежнему ответом ему было молчание. Несколько человек начали причмокивать, словно предвкушав трапезу, а старый рыбак сунул в рот свой ус и принял сосать его.

Цинфелин дернулся в седле, словно намереваясь ворваться в гущу толпы и покарать на глецов добрым ударом меча, но Конан вовремя сделал ему предупреждающий жест и остановил его.

Цинфелин замер.

И снова Конан уловил невнятное бормотание:

— Нет, эти не подходят... пришли посуху...

Конан развернул коня и двинулся прочь.

Цинфелин последовал за ним.

* * *

— Ты понял, что там происходит, в этом поселке? — спросил Цинфелин, догоняя Конана.

Киммериец ехал по берегу, погруженный в свои мысли. Услышав голос юного графа, он обернулся.

— Что? — переспросил он. И тотчас покачал головой: — Нет, это пока осталось загадкой. До поры, разумеется. Нет такой загадки, которая бы мне не открылась. За исключением тех, которые я уничтожаю прежде, чем кто-либо успевает открыть рот. Знаешь, как это бывает забавно! Какой-нибудь глупый колдун встает в позу и начинает: «А теперь я открою тебе величайшую тайну из всех, какие только ведомы человечеству!.. Итак, внимали!» И тут я роняю на его голову тяжелую каменную плиту или попросту отделяю болтливую башку от тела... и никаких тайн, все предельно просто. Я жив, а он — мертв.

Цинфелин поморщился.

— Я надеялся, что ты хотя бы сейчас заговоришь серьезно.

— Я серьезен как никогда, — возразил Конан. — Жизнь и смерть — вот те тайны, которыми следует заниматься, а все прочее — просто мусор. Нам не следует тратить время на разгадку секретов, которые, быть может, вовсе не имеют никакого отношения к нашему делу. Мы не можем позволить себе потерять ни минуты! Кто знает — быть может, жизнь твоей пленницы прямо сейчас подвергается опасности.

Цинфелин побледнел.

— Ты прав, — признал он. — Возможно, эти рыбаки с их загадками и невнятным бормотанием существуют лишь для того, чтобы отвлечь нас от главной цели.

— Вот видишь, и ты можешь рассуждать здраво, — обрадовался Конан.

Между тем они приблизились к башне и остановили коней. Огромное сооружение высилось над ними. Казалось, оно намерено штурмовать само небо, чтобы там помериться силами с божественной силой.

Стены, сложенные огромными почерневшими от времени булыжниками, казались неприступными. Островерхая крыша царапала облака, распарывая их брюхо.

Конан заметил, что поблизости от башни нет никакой растительности. И хотя камни постоянно были влажными — от близости моря, и от частых дождей, на них даже не вырос мох.

Кони обоих всадников начали ржать, вставать на дыбы и мотать головами. Животные явно не желали приближаться к этому зловещему месту.

Конан и Цинфелин с трудом укротили своих животных. Конан спешился.

— Попробую узнать, что здесь творится. Может быть, здесь вообще никого нет.

— Никого нет? — удивился Цинфелин. — Как такое может быть?

— Никого, кроме пленницы, — уточнил Конан.

— А разве такое возможно?

— Почему бы и нет?

— Я думал, пленница слишком важна... Слишком важная для негодяя, чтобы он оставил ее без охраны.

— Ты переоцениваешь некоторых негодяев, — заметил киммериец. — Башня выглядит устрашающе. Здесь действуют древние чары, которые насылают на человека ужас, едва он только видит эту башню. Помнишь, наши странствующие фигляры не захотели поворачивать свое зеркало в сторону этой башни? А ведь вид здесь довольно живописный! Тем не менее они поспешили отсюда убраться. Так что, не исключено, что пленница находится внутри совершенно одна. Ну, с каким-нибудь стражником, который приносит ей еду. Расправиться с одним-единственным стражником не составит большого труда. А

магии, даже насылающей чары ужаса, я не боюсь.

— Надеюсь, ты не ошибаешься, — пробормотал Цинфелин, глядя, как киммериец спрыгивает с седла и уверенным шагом направляется к низкой дверце, ведущей в башню.

Однако открыть дверь Конан не успел. Ему оставалось сделать еще шагов пять до башни, когда дверь распахнулась, и навстречу Конану вышел целый отряд. Человек пятьдесят в доспехах, со щитами и копьями, выступили из башни и окружили киммерийца.

Конан, подбоченясь, смотрел на них. Ему казалось, что кое-кого он узнает... Во всяком случае, в их выпрявке и манере держаться было нечто знакомое.

— Наёмники! — пробормотал киммериец. — Наёмники из Гандерланда! Так-так, интересно...

Он прищурился, рассматривая своих будущих противников. И тут его окликнули по имени:

— Конан! Я так и подумал почему-то, что только Конан мог решиться на такое. Ну надо же! Явиться сюда!.. Прямо в пасть к дьяволу!

— Гуннар! — обрадовался киммериец, поворачиваясь к здоровенному детине, чей доспех был украшен богаче, чем у остальных. — Это ты, Гуннар? Рад тебя видеть! Я ведь думал, что ты давным-давно погиб...

Гуннар поморщился, как будто киммериец задел какую-то неприятную для него тему.

— Никто не собирался жить вечно, не так ли? — ответил Гуннар киммерийцу. — Ни один наемник, во всяком случае, вступая в отряд, не предполагает, что боги сохранят его для долгой жизни. И довольно об этом!

— Так ты рад меня видеть? — осведомился Конан.

— Да, — ответил Гуннар, но в его тоне прозвучала странная неуверенность. — Я угощу тебя и твоего спутника элем, если хотите. У нас имеются хорошие запасы.

— Что вы здесь делаете целым отрядом? — поинтересовался Конан. — Вот уж не думал, что вас занесет сюда, на край света.

— А ты что здесь делаешь, Конан? — вопросом на вопрос ответил Гуннар.

— У меня здесь дельце, — уклончиво отозвался киммериец.

— Ну а нас наняли для того, чтобы мы охраняли эту башню, — заявил Гуннар.

— Охраняли? Но что здесь такого, что можно охранять? — Конан не слишком удачно изобразил удивление.

Цинфелин подъехал поближе, но Конан сделал ему знак, чтобы юноша не вмешивался.

— Ты знаешь наше правило, Конан, — сказал Гуннар. — Нам платят деньги за работу, а мы не

задаем лишних вопросов. Наш наниматель хочет, чтобы мы никого не пропускали в башню, кроме него самого. Вот чем мы занимаемся.

— И что, много было желающих сюда забраться? — прищурился киммериец.

Гуннар оглушительно, но как-то безрадостно расхохотался.

— Сказать по правде, ты — первый, — фыркнул он. — Мы здесь пухнем со скуки, но выбора у нас нет. Тот, кто нас нанял, хорошо знает свое дело. А теперь — убирайся, киммериец, и уводи с собой своего дружка! Убирайся, покуда цел! У нас с тобой нет вражды, и никто из нас не желает тебе зла. Однако если ты попытаешься проникнуть в башню, мы тебя убьем. Мы выполним наш контракт, чего бы нам это ни стоило.

— Почему? — спросил Конан. — Неужели плата так высока?

Цинфелин подъехал еще ближе и решился вмешаться:

— Сколько бы ни заплатил вам ваш наниматель, назовите цену — и я дам вдвое больше.

— Ты? — Гуннар смерил юношу взглядом. — Да кто ты такой?

— Я Цинфелин, наследник графства Бенойк. Поверьте, я хорошо понимаю, о чем говорю. Я не даю обещаний, которые не смогу выполнить.

— Ты не сможешь дать нам вдвое больше того, что нам заплатили, — отрезал Гуннар. — Ты

не сможешь дать нам даже ту цену, которую платит наш наниматель. И покончим на этом. Мы не желаем вам зла, поэтому просим по-хорошему: уезжайте.

К удивлению Цинфелина, Конан кивнул.

— Хорошо. Будь по-твоему, Гуннар. Уезжаем.

Он действительно сел на коня и двинулся прочь. Цинфелин, недоумевая, последовал его примеру.

Стражники, помедлив, вернулись в башню.

* * *

Когда Конан и Цинфелин остались наедине, молодой граф не выдержал.

— Как ты мог! — взорвался он. — Ты был в двух шагах от нашей цели и отступил! Почему ты не добился у этого Гуннара — какую цену ему предложили? Ведь вы, кажется, знакомы! Он даже считает себя твоим другом...

— У наемников не бывает друзей, — ответил Конан совершенно спокойно. — Только наниматели и товарищи по оружию. Наемник так же легко простит предательство, как другой человек простит кражу конфеты из золотой вазочки. Наемник доверяет только самому себе. Гуннар мне не друг.

— Стало быть, и ты мне не друг? — спросил Цинфелин.

— Не обольщайся, — хмыкнул Конан. — Ты еще не доказал мне, что можешь быть моим другом. Но я не предам тебя, если ты об этом.

— Да, да, знаю... — пробормотал Цинфелин, думая о своем. — Почему же ты не попытался прорваться в башню?

— Потому что их — пятьдесят человек, — ответил Конан. — Даже я не в состоянии одолеть с насоку сразу пятьдесят здоровенных воинов, вооруженных, к тому же, до зубов.

— Стало быть, ты — трус! — заявил Цинфелин.

— А ты — белоручка и дурак! — ответил Конан равнодушно. — Хочешь загрести жар моими руками? Ничего не получится. Нужно действовать с умом.

Цинфелин побледнел и закусил губу.

— Ладно, — смягчившись, проговорил Конан, — не кипятись.

— Я убью этого капитана, — прошептал Цинфелин.

— Очень хорошо, — сказал Конан таким тоном, каким кормилица успокаивает капризного ребенка, суля ему луну с неба. — Конечно, убешь. Нападем на них ночью.

— Ночью? — Цинфелин медленно поднял на Конана глаза. — Но ведь они и будут ожидать ночного нападения!

— Нет, не будут, — Конан покачал головой.

вой. — Напротив. Этот капитан меня знает. Он подумает, что я подумаю, что он будет ждать меня ночью...

Конан говорил рассеянно. Было очевидно, что его мысли занимает некое постороннее соображение, не имеющее никакого отношения к планам атаки.

Цинфелин решился нарушить задумчивость своего спутника.

— Скажи, что тебя так беспокоит? Неужели предстоящая стычка с наемниками?

— Стычка? — Конан выглядел удивленным. Несколько мгновений он размышлял, словно пытаясь понять, о чем вообще шла речь, а затем покачал головой. — Нет, стычка меня совершенно не волнует. Я думал сейчас о другом. Об одной очень странной вещи. Видишь ли, Цинфелин, несколько зим назад я слышал, будто этот капитан, Гуннар, погиб вместе со всем своим отрядом. Я, конечно, очень рад был увидеть, что это не так... И все же не всякий слух следует отмечать как несущественный. Наемники бывают очень точны в подобных случаях. Еще одно правило. Всегда хорошо знать, кто жив, а кто мертв. Кого могут нанять, а кого уже никогда нанять не смогут...

* * *

Конан и Цинфелин устроили лагерь на вершине холма, так, чтобы видеть все побережье: обе башни, рыбачий поселок и пролив.

Лошади были рады убраться подальше от этих жутких мест. Сейчас они паслись, пощипывая свежую траву, и выглядели довольными. Чего нельзя сказать об их хозяевах.

— Надвигается буря! — сказал Конан, всматриваясь в горизонт.

Небо было голубым, безмятежным, так что Цинфелин удивленно взорвался на своего спутника.

— С чего ты взял?

— Видишь вон то маленькое облачко на горизонте? — показал Конан. — Скоро оно вырастет так, что закроет все небо, и оттуда вырвутся молнии и громы.

— Откуда ты знаешь подобные вещи? — еще больше удивился Цинфелин.

— Мне доводилось плавать по морю.

Цинфелин только пожал плечами.

— В любом случае, мы мало что можем сделать. Если начнется буря — она начнется. От нас ничего здесь не зависит. Мы ведь не боги, чтобы остановить стихию, — заметил молодой граф.

Конан зловеще ухмыльнулся.

— Поищем какое-нибудь укрытие, — предложил он. — Иначе вымокнем до нитки. Впрочем,

хорошо, что мы на суще. Будь мы сейчас на море — тяжко бы нам пришлось.

Цинфелину невольно пришел на ум шепоток рыбаков из поселка: «Они нам не подходят — они пришли посуху»... Молодому человеку показалось, что он вот-вот поймет тайный, страшный смысл этих слов.

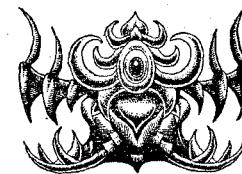
Небо постепенно мутнело, наливалось темнотой. Конан не ошибся — облачко, пришедшее с горизонта, разрасталось и чернело. Скоро уже сделалось темно, как ночью, и в этой тьме, прорезаемой безмолвными молниями, стало видно, как вдали появился корабль.

Большое судно, оснащенное парусами и веслами, отчаянно неслось на свет маяка. Цинфелин смотрел на корабль во все глаза.

— Они ведь спасутся? — прошептал он совершенно по-детски. Так ребенку непременно хочется, чтобы у сказки был хороший конец.

Конан не ответил. Неожиданно произошла очень странная вещь: маяк повернул лампу, а после и вовсе погас.

Сквозь рев бури до наблюдателей донеслись треск и скрежет. Корабль налетел на скалы и разбился.

Глава седьмая Из темноты в темноту

ткрай глаза, Югонна прислушался. Его обступала тьма. Вокруг царила мертвая тишина. В первое мгновение ему подумалось, что он очутился в небытии, завис в безнадежной пустоте между жизнью и смертью... «Неужели так выглядят Серые Миры, о которых столько толкуют люди?» — думал он со странной отрешенностью, как будто речь шла вовсе не о нем, а о каком-то постороннем человеке.

Потом до его слуха донесся еле слышный скрежет. Этот звук едва можно было уловить, и все же он всколыхнул в Югонне надежду. Ничему на свете он, кажется, так не радовался, как этому признаку того, что еще находится в мире живых!

Он попробовал пошевелиться. Очень осторожно. Сперва правая рука. Повреждений нет, и сама рука, кажется, на воле. Затем левая. Этую

придавило. Югонна снял, нащупав в темноте несколько камней, и левая рука тоже высвободилась.

Он покрутил головой. В висках ломит, но терпеть можно, а главное — он, кажется, начал соображать, что происходит.

Воспоминания возвращались одно за другим и постепенно становились все более яркими. Они проникли в спальню к вельможе, к главному графскому советнику, увидели там зеркало и отражение в полированной поверхности, покрытой волшебной амальгамой... Женщина. Молодая девушка, прикованная к стене, и мирно спящий на роскошной постели старик.

Кровь вскипела в жилах у Югонны. Пока он тут сидит, заваленный в подземелье, две беспомощные женщины страдают в руках у негодяев! Впрочем, быть может, Далесари все-таки сумела убежать...

Но он никогда не будет спокоен, пока не увидит ее. Ему нужно убедиться в том, что она в безопасности. А потом останется лишь разыскать Копана и открыть ему, кто виновен во всем происходящем.

Так просто... И почти невозможно.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и вдруг Югонна увидел рядом с собой нечто живое. Это живое шевелилось и, более того, отчаянно пыталось дотянуться до него. Югонна ви-

дел маленькую мордочку, имеющую странное и отвратительное сходство с человеческим лицом, острые длинные зубы, окруженные подобием губ, горящие пронзительным светом глаза... Одна из лап чудовища находилась на свободе, и ее когти тоже изо всех сил тянулись к нему.

Югонна взял камень и изо всех сил ударил по морде чудовища. Раздался визг, похожий на скрежет металла по стеклу, пронзительный и жуткий.

Югонна стиснул зубы и повторил удар. Не хватало еще, чтобы эта тварь добралась до него, пока он лежит тут под завалами камней.

Нужно выбираться как можно скорее. Подземелье кишит чудовищами. Любое из них в состоянии прогрызть ход сквозь камни и вцепиться в жертву, а он, Югонна, не сможет даже пошевелиться.

Он проклял свое слишком живое воображение, когда представил себе, как лежит, придавленный тяжестью, а монстры пожирают его заживо. Он попытался согнуться и снять со своих ног еще один камень. Но отбросить камень было некуда. Туда, где имелся небольшой просвет, руки не дотягивались, и имелся риск ударить самого себя по голове. К тому же глупо и бессмысленно заваливать единственное свободное место — дышать-то он чем будет? Югонна застонал сквозь зубы. Бесславная гибель! Безвестная и

бесславная! Не об этом он мечтал, когда был моложе...

Неожиданно он услышал, как кто-то возится с камнями, пытаясь пробиться к нему со стороны коридора. Югонна замер и насторожился.

Может быть, это стражники? Явились выкопать его и докончить начатое? Что ж, в любом случае оказаться в руках людей, пусть даже и враждебно настроенных, предпочтительнее, чем заживо сгинуть в завале.

— Я здесь! — повысил голос Югонна.

Тот, кто снимал камни, остановился. Очевидно, прислушивался.

— Я здесь! — снова крикнул пленник.

Работа возобновилась. Кто бы ни пытался освободить попавшего в ловушку Югонну, он обладал значительной силой и, кроме того, был наделен упорством.

Спустя какое-то время к Югонне начал пробиваться прохладный воздух. Затем в узкий проход всунулась чья-то рука. Пальцы незнакомца коснулись волос Югонны. Он содрогнулся от прикосновения, которое показалось ему неприятным.

— Ты жив? — спросил низкий голос.

— Да, — помолчав, отозвался Югонна.

— Подожди, сейчас откопаю.

Рука исчезла, работа возобновилась. Югонна хотел было помочь, но голос остановил его:

— Не двигайся и ничего не делай. Ты только мешаешь.

Югонна послушно замер. Ну надо же, им еще и командуют! А он, самое забавное, повинуется, словно мальчишка.

Скоро проход расширился настолько, что незнакомец смог забраться туда.

— Нам повезло, что ты был почти у самого выхода, когда все рухнуло. Если бы тебя завалило глубже в тоннеле, мне пришлось бы провозиться всю ночь, — объявил незнакомец. По его голосу слышно было, что он улыбается.

— «Нам»? — переспросил Югонна.

— Ну да, — подтвердил незнакомец, — ведь мы заодно, не так ли?

— Кто ты?

— Мое имя Рихан. Молодой граф Цинфелин называл меня своим другом, и, смею надеяться, так оно и есть. Я решил присматривать за тобой и твоей подругой.

— Что с Далесари? — вырвалось у Югонны. Рихан вздохнул.

— Лежи спокойно, иначе камни придавят тебя так, что ты не сможешь потом ходить. А ты нужен мне живой и здоровой, иначе мы не сможем помочь ей.

— Что с ней? — повторил Югонна в ужасе, однако, повинуясь приказу нового друга, остался неподвижным.

— Ее захватили в плен.

— Кто?

— Главный советник графа, разумеется. Он у нас теперь заправляет всеми делами. Очень важная фигура, — с горечью добавил Рихан. — Чем скорее он будет разоблачен, тем лучше для всех нас. Надеюсь, твой друг Конан знает, что делает. Он уехал с молодым графом...

Рихан вздохнул, и Югонна вдруг догадался: молодой человек огорчен тем, что его оставили в замке!

— Хорошо, что хоть ты здесь остался, — сказал Югонна быстро. — Не будь тебя рядом, я бы умер. И некому было бы помочь Далесари. Ты хорошо сделал, что согласился присматривать за нами, Рихан.

— Я не этого хотел, — простодушно буркнул Рихан. Он ухватил Югонну за плечи. — Ты готов? Я попробую вытащить тебя.

Он напрягся и потянул. Югонне показалось, что две равновеликие силы разрывают его на части. Тяжесть, лежавшая на ногах, тянула вглубь тоннеля, как бы засасывала во тьму, а мощь Рихана, напротив, упорно волокла его к свету.

Югонна попытался оттолкнуться ногами от камней.

Еще несколько рывков, и вдруг Югонна ощутил невероятную легкость. Рихану удалось вытащить его наружу.

Они услышали протяжный отдаленный гул. Тоннель продолжал обваливаться. Совсем близкосыпались новые камни. Потревоженные подвижкой, упали большие булыжники и завалили то место, где совсем недавно находился пленник.

Рихан и его новый приятель очутились в коридоре, когда из тоннеля вылетела туча пыли.

— Вот и все, — сказал Рихан. — Подземелья больше нет. Странно, что оно обрушилось именно сейчас.

— Должно быть, оно было очень старым, — возразил Югонна. — Рано или поздно это должно было случиться. Если за подземным ходом не следили, не укрепляли его...

— Нет, все это на самом деле выглядит необычно, — стоял на своем Рихан.

— В этом замке сейчас творится много необычного, — заметил Югонна. — У тебя есть какое-нибудь подходящее укрытие для меня? Я хотел бы рассказать тебе подробнее обо всем, что с нами случилось.

* * *

Югонна был прав, когда говорил о том, что в графстве Бенойк творится немало странного. Но если бы он знал, как разрослась тьма в этих землях, то никогда бы по доброй воле не ступил сюда и не позволил бы Далесари даже входить в замок.

Граф Гарлот даже не подозревал о том, что происходило в его наследственном владении. Гарлот был самым обыкновенным графом: немного войны, немного политики, немного развлечений.

Несколько раз ему приходилось принимать участие в конфликтах, связанных с Аршанским лесом.

Лес этот, традиционно называемый по имени первого его владельца, впоследствии был разделен между двумя соседями: графством Бенойк и графством Аршан. Бенойку принадлежала лучшая часть леса, так что кораблестроители Бенойка не уставали благословлять своего графа за то, что он отвоевал для них это владение.

Граф Аршана вынужден был мириться с этим обстоятельством. И так продолжалось какое-то время, пока наконец не вспыхнула война.

Повод для войны между графами-соседями назревал давно, особенно если учесть, что в жилах графа Аршана текла зингарская кровь — а зингарцы испокон веков оставались заклятыми врагами оффирцев.

Предлог же для начала конфликта был пустяковый. На землях Бенойка убили одного зингарца, родом из Аршана, который — по словам убийц — пытался воровать древесину.

Война началась и длилась несколько зим.

Граф Аршана, не располагая достаточной для

ведения боевых действий личной армией, вынужден был нанять отряд Гуннара...

С этого все и началось.

... Иногда к Гуннару приходили обрывочные воспоминания, и тогда он впадал в тоску. Бегал по берегу, тянул руки к горизонту, словно пытался ухватить нечто незримое... Но в конце концов все ускользало от него, и воспоминания, и сама жизнь.

Только обрывочные картины вставали в его мыслях и мучили его.

Он помнил, как граф Аршана нанимал их. Помнил деньги в кожаной сумке, переходившие из рук в руки. Помнил и задание: захватить башню возле пролива, принадлежащую графу Бенойка.

Почему-то башня эта была важна. Да, точно. Она позволяла контролировать пролив. Очень важная башня. И маяк. Кто владеет башней, владеет и маяком, а маяк — это корабли, идущие в твою гавань. Корабли с богатым товаром, с купцами, готовыми платить пошлины. Корабли — смысл жизни и основа процветания Офира.

Должно быть, произошло несколько сражений. Это было весьма обыденным делом и потому не задержалось в памяти капитана. А вот потом... потом случилось нечто странное.

Гуннар помнил этот вечер во всех подробностях. Наверное, потому, что вечер этот стал самым главным в его жизни. Если только то бы-

тие, в которое он был сейчас погружен вместе со своим отрядом, можно было назвать «жизнью».

Гуннар сидел в своей палатке, разбитой прямо на берегу, и играл в кости с друзьями. Им было скучно. Сражения приостановились. Бенойк собирал силы, Аршан, кажется, совершенно истощился в этой войне. Осталось поднажать совсем немного — и войны лопнет, как мыльный пузырь. Каждый из соперников останется при своем, наемники покинут графства, унося с собой плату за труды, погибшие будут сожжены и присоединятся к сонму умерших предков... и все забудется до следующего конфликта.

Такое случалось уже не раз. И повторилось бы вновь, если бы не стариик, заглянувший в палатку к Гуннару тем вечером.

— Скучаете? — вкрадчивым голосом осведомился он.

Что-то было в облике стариика такое, что не позволило солдатам обращаться с ним пренебрежительно. Гуннар встал, чтобы поклониться вождешему, и прочие последовали примеру капитана.

Стариик был высоким, с орлиным носом, яркими глазами. Он смотрел так властно, что людям и в голову не приходило противиться его воле. Было очевидно, что он обладает могучей скрытой силой. И Гуннар, всю жизнь потративший на то, чтобы научиться отличать тех, кого

можно убить, от тех, кому следует покориться, сразу распознал в стариике опасного человека.

— Мы слушаем тебя, — произнес Гуннар почтительно. — Ты пришел нам с каким-то важным делом?

— Я пришел выиграть войну, — ответил стариик. — Будьте внимательны и делайте все в точности как я скажу. Вы уже целую луну пытаетесь штурмовать эту башню. Мне нужно, чтобы вы проникли в нее. Там в подвалах спрятаны сокровища. Я знаю это точно, потому что сам служу графу Бенойка, Гарлоту. Я его главный советник.

Наемники загудели угрожающе, начали обмениваться сердитыми и недоумевающими взглядами, но Гуннар остановил их мановением руки.

— Пусть продолжает. Если у вас будут вопросы, вы зададите их потом.

— Я знаю, какие вопросы вертятся на языке у этих недалеких, но славных парней, — усмехнулся стариик. — Они спрашивают себя: почему главный советник графа Гарлота пришел к ним, воюющим на стороне его соперника, графа Аршана. Почему я хочу помочь вам забраться в башню, принадлежащую моему господину? Ведь именно это не дает вам покоя?

— Да, — прямо сказал Гуннар. — Мы чувствуем в этом какой-то подвох. Может быть, это хитрость, направленная на то, чтобы погубить нас?

— Нет, если вы сами себя не погубите, — ответил советник графа Гарлота. — Для вашего же блага я надеюсь, что вы поступите в точности так, как я скажу. Мне нужно кое-что из того, что хранится в этой башне. Мой господин владеет одной удивительной вещью. И как же он пользуется этой вещью? Да никак! Он держит ее запертой в сундуке, погребеной внутри башни. Он не прикасается к ней и запрещает другим даже приближаться к этому сундуку. Сам невежда в этих вопросах, он полагает, что не найдется знающего человека, способного использовать эту вещь во благо. Я намерен изменить такое положение дел. Вам понятно?

— Нам понятно, — кивнул Гуннар. — У твоего господина есть нечто, чем ты хочешь завладеть, а лучший способ осуществить это — воспользоваться нами.

— Что ж, ты схватываешь на лету, наемник, — ответил главный советник графа Гарлота. — Не видишь ли ты для себя в моем предложении чего-либо унизительного?

— Нет, — ответил Гуннар за всех. — Ведь мы работаем за плату. В этом смысле нашего существования. И если ты хорошо заплатишь нам за то, что мы добудем тебе тот сундук, — что ж, мы согласны.

Кругом загудели. Люди ухмылялись, обменивались веселыми взглядами. Как удачно все скла-

дывается! Предатель поможет им взять башню, которую они пытались штурмовать несколько раз — и все неудачно; а заодно еще и приплатит за услуги! Эдак они получат свою плату дважды, и от собственного нанимателя, и от врага!

— Да, — медленно промолвил Гуннар, — вот это удача так удача! Какой еще наемник может похвастаться тем, что дважды получал деньги за одну и ту же работу!

— Мне нравится твое здравомыслие, — сказал ему советник графа. — Надеюсь, оно не изменит тебе и впредь.

* * *

Ровно в полночь, когда рогатый месяц выбрался на небо, наемники уже выстроились перед стеной башни. Башня, казалось, спала. Все было глухо. Голые стены, ровные, без окон, уходили высоко в небо. Никаких ворот, чтобы их можно было выбить тараном, никаких ходов. Башня казалась необитаемой, хотя на самом деле там имелся гарнizon. Все окна и воздушные колодцы были проделаны на крыше, а попадали в башню по подземному ходу, ведущему из потайного места.

Сперва Гуннар предполагал, что предатель покажет им, где начинается подземный ход, но у старика и в мыслях такого не было. Он предложил совершенно иной способ.

Гуннар смотрел на месяц. Неожиданно ему подумалось, что черное небо, невидимое в темноте шумное море и этот рогатый месяц будут последним, что запечатлеется в его памяти перед тем, как он умрет. Мысль была глупой, и Гуннар поскорее кинул головой, чтобы отогнать ее.

Увлеченный своими странными предчувствиями, он не сразу расслышал то, что говорил наемникам предатель.

— ... отойдите на десяток шагов. В этой склянке содержится вещество, способное уничтожать даже камни. Оно раскрывает стены. Можете смотреть, но заткните уши.

Наемники зашевелились, отходя как можно дальше от стены. Старик спокойно приблизился к башне и поставил перед ней какой-то запечатанный сосуд. Лунный свет отразился на медном горльшке.

Старик произнес несколько слов на непонятном языке.

— Митра! — прошептал один из наемников. — Я знаю язык... среди нас был один моряк из Стигии, это их язык. Язык злой магии!

— Можно подумать, все стигийцы — маги, — фыркнул другой солдат, не такой суеверный.

— Не все, но этот — точно.

— Этот — не стигиец. Он офицер и служит оффирскому графу.

В этот момент раздался ужасный грохот, и часть стены обвалилась. Поднялась туча пыли, рассыпавшиеся в прах камни взметнулись к небесам, и облако затмило даже луну. На фоне рогатого месяца видно было, как ветер несет тучу пыли вдаль и рассеивает ее над морем.

Наемники зажимали уши, жмурились, трясли головами, оглушенные. А когда они наконец пришли в себя, то увидели, что старик стоит, выпрямившись, среди разбросанных камней, и ни одна пылинка не упала на его одежды. На лице старика играла легкая улыбка, глаза на смешливо осматривали перепуганных солдат. Он выговорил еще одно стигийское слово, а затем повернулся и вошел внутрь башни.

Опомнившись, наемники побежали за ним. Они мчались по винтовой лестнице наверх, туда, где находился немногочисленный гарнизон. Надеясь на неприступные стены башни, граф Гарлот оставил здесь совсем немного солдат.

Наверху закипела битва. Схватка была неравной: пятьдесят наемников против всего десятка людей Гарлота. Впрочем, те дорого продали свою жизнь. Вооруженные короткими мечами и кинжалами, не имевшие времени надеть кольчуги, они разили с яростью хищников, загнанных в ловушку. Один из них прежде чем погибнуть убил ударом в глаз одного из лучших людей Гуннара; другой успел снести полголовы солда-

ту, выбиравшемуся из люка в полу, третий выбросил напавшего на него наемника в окно, проубленное в верхней части комнаты... Но скоро все они, изрубленные в куски, оказались лежащими на полу, и Гуннар повелел своим солдатам выбросить их вниз, в море.

— Башня наша! — крикнул Гуннар, поворачиваясь к предателю. — Где же наши деньги?

— Идемте за мной, — приказал стариk, хладнокровно созерцавший бойню. — То, что мы ищем, находится в подземельях. Возьмите с собой факелы, они нам пригодятся.

Несколько солдат взяли факелы из связки, приготовленной заранее — очевидно, именно для таких случаев, — и наемники побежали вниз по лестнице вслед за своим командиром. Советник графа замыкал шествие. И хотя солдаты шли очень быстро, а стариk, казалось, совершенно не торопился, почему-то он от них не отставал ни на шаг.

Наконец они очутились в самом низу, перед тяжелой, окованной железом дверью. Нигде не было видно ни замка, ни засова, и тем не менее дверь не открывалась.

— Проклять! Здесь какой-то колдовской запор, не иначе! — предположил Гуннар.

— Так и есть, — спокойно сказал советник графа. Он приблизился к двери, отстрелил Гуннара и оглянулся на солдат. — Так вы помните, —

медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, произнес он, — берите любые сокровища, какие найдете в этом подземелье, но не прикасайтесь к сундуку из красного дерева. Сундук этот — мой, я его хочу, и я получу его любой ценой. А спорить со мной бывает небезопасно, даже если вы молоды и вас много. Не обольщайтесь. Не думайте, что несколько десятков здоровенных парней легко одолеет старика, вроде меня.

— Никто и не думает спорить с тобой, — возразил ему Гуннар. — Мы честные наемники и держим слово. Сундук тебе, богатство — нам. И башня нами взята, так что скоро, богатые и свободные, мы уйдем отсюда восвояси. Не так ли, парни?

Дружный веселый рев наемников был ответом на бодрую речь командира.

— Вот и хорошо, — сказал стариk и глянул на Гуннара немного странно. — В таком случае, отойдите.

— Опять склянка с зельем и заклинание? — осторожно осведомился Гуннар.

— Нет, — стариk качнул головой, — обойдусь одним заклинанием.

Он поднес к двери сжатый кулак, прошептал несколько слов, а затем разжал пальцы. И дверь медленно, сама собой отворилась внутрь, как бы приглашая входить. За дверью разливалась тьма, чернее темноты, что плескала за стенами башни.

Даже факелы горели здесь тускло, и их огонь, казалось, не в силах был развеять мрак.

Солдаты замешкались у входа, но Гуннар прикрикнул на них, и они один за другим начали входить в подземелье башни. Под ногами ощущалась гнилая солома, какие-то тряпки, палки — должно быть, когда-то здесь устилали полы камышом.

Несколько раз солдаты вспугивали лягушек или крыс, и мелкие существа исчезали с тихим писком в соломе. Затем настал черед большой комнаты с очень затхлым воздухом. Здесь старик пробормотал еще одно заклинание, и внезапно факелы вспыхнули ослепительным огнем. Все вокруг озарил яркий свет.

Глаза у людей стали слезиться, в первые минуты больно было смотреть, и многие зажмурились. Но когда наемники наконец смогли видеть, перед ними открылось поразительное зрелище.

Вся комната была засыпана драгоценными камнями. Самоцветы лежали на полу горстями, кучами. Свет факелов переливался в гранях алмазов, рубинов, изумрудов, сапфиров. Украшения из яшмы, бирюзы, золота и серебра лежали россыпью, как овощи на прилавке у торговки.

В самом дальнем конце комнаты, у стены, находился сундук из красного дерева. Это был совсем небольшой пузатый сундучок, вроде тех, какие берут с собой состоятельные путешествен-

ники. В таких возят разные безделушки, без которых якобы «невозможно обойтись в дороге», — вроде зеркал, пудры, побрякушек, носовых платочеков и прочей ерунды.

А на сундуке, подобрав под себя ноги, восседал удивительнейший старикашка. Это был горбатый карлик, невероятно жирный. Жир свисал с его боков, лежал подушками на плечах, от жира набухло его лицо, щеки пытались закрыть глаза, пальцы едва могли шевелиться.

— А! — заверещал он пронзительным голосом, от которого звенело в ушах. — Кого я вижу! Сам Кернив пожаловал! Глупый Кернив! Недоучка Кернив! Кем ты возомнил себя, дурак? Владелином мира? И кого это ты с собой привел? Других дураков? Не слушайте его, ребята! Вот кто обманщик из обманщиков!

— Говорящая обезьяна, — попятился от страха Гуннар.

Другие солдаты, хоть и были неустрашимыми воинами, тоже испугались. Такого они не видывали в своей жизни никогда.

— Я? Обезьяна? — возмутился горбатый карлик. — Я человек, как вы или он, — он снова указал жирным пальцем на старика, которого назвал Кернивом. — Посмотрите, что он со мной сделал!

Карлик запрыгал на сундуке, и наемники увидели, что он прикован к стене цепью. Одним

концом цепь крепилась к ошейнику на шее карлик, другим — к большому кольцу высоко в стене, так, что до него не мог дотянуться не только карлик, но даже и рослый мужчина. Впрочем, сама цепь была достаточно длинной, чтобы карлик мог передвигаться на довольно большом пространстве.

— Он сумасшедший, — сказал Кернив, презрительно кривя губы. — Вы что, будете слушать его? Забирайте сокровища, которые видите здесь, берите, сколько хотите, и убирайтесь. Наша сделка выполнена. Уходите, куда хотите, — пока еще у вас есть время сделать это.

Гуннар в нерешительности замешкался. Ему вдруг показалось, что Кернив намерен надуть его. До сих пор предатель держался уверенно и с таким достоинством, что наемнику и в голову не приходило заподозрить его в двойной игре, но теперь... Кернив определенно знался с магией. Гуннар вспомнил киммерийца, с которым некогда сталкивала его судьба.

Конан — так звали того киммерийца — нередко говорил: «Никогда нельзя верить магу. Все они лжецы и обманщики. Напустят тебе пыли в глаза, обдурят — и хорошо, если в живых останешься. Нет уж. Лично я когда вижу мага, даже не разговариваю с ним. Сразу бью по голове добрым киммерийским мечом. И тебе то же советую».

Гуннар заколебался. А карлик как будто прочел его мысли.

— Этот проклятый старик сперва заточил меня в башню, а теперь явился забрать то, над чем я трудился всю мою жизнь!

— Ты имеешь в виду... — начал было Гуннар.

Кернив прошипел:

— Не смей с ним разговаривать, солдат! Бери сокровища и убирайся отсюда!

— Ты мне не указ! — рявкнул на Кернива Гуннар. — Я буду говорить, с кем захочу!

Кернив насмешливо глянул на него и отвернулся.

А Гуннар снова обратился к карлику:

— Почему же он не забрал твой сундук, когда помещал тебя в эту темницу?

— Тогда он не мог, а теперь может... Время. Прошло много времени, — верещал карлик, крутясь на сундуке. — Вот в чем дело. Прошло немало времени, утекло немало воды! Он стал сильнее, я стал мудрее. И то, что хранится в сундуке, умножилось многократно. Солдаты! — теперь карлик обращался ко всем наемникам. — Ваш наниматель обманывает вас. Он — предатель. Он уже предал своего господина, графа Бенойка, когда привел вас сюда. А теперь предаст и вас. Кого вы слушаете? Агун! Что он предлагает вам? Эти сокровища? Они ничего не стоят! Все эти алмазы, драгоценные камни, все это зо-

лото — оно ничего не стоит по сравнению с тем, что хранится в сундуке!

Среди наемников поднялся ропот. Некоторые склонны были согласиться с карликом. В самом деле, все это выглядело довольно подозрительно. С чего это человек графа Бенойка вздумал предавать в руки врагов башню на берегу пролива? Неприступную башню, едва ли не ключ ко всей войне?

— Не слушайте его, — повторил Кернив. — Спасайте свои жизни.

Но глаза старика странно поблескивали. Он знал людей. Знал: природа наемников такова, что они ни за что не упустят своей выгоды, едва лишь приметят, как мелькает впереди серебристый плащ плутовки-удачи. Они погонятся за призраком. Так они устроены.

Тем лучше. Ему нужны те, кто придет к нему добровольно...

Но пока еще не время. Он должен молчать. Он ни в коем случае не должен выдавать своих мыслей.

— Солдаты! — подпрыгивая и гремя цепью, вопил карлик. — Да в этом сундуке лежит такое, что сделает вас властелинами всего мира! Неужели вы отадите это глупому, злобному, ограниченному старику? Человеку, который все равно скоро умрет и не сможет насладиться и сотовой частью этой добычи? Возьмите все себе!

Кернив поднял руку и направил палец на карлика. Он произнес несколько стигийских слов, от которых мороз пошел по коже у людей, стоявших поблизости и слышавших все.

Карлик съежился на сундуке и вдруг затих. Цепь со звяканьем упала, ошейник повис в воздухе, слегка покачиваясь. Вместо карлика, только что прыгавшего и размахивавшего руками, на сундуке лежала сморшившаяся шкурка.

Один из солдат вдруг вскрикнул. Он наклонился, поднял с пола горсть золотых монет и сунул в кошель. Затем подобрал десяток драгоценных камней и запихал туда же, еще один браслет он нацепил себе на запястье. Он повернулся к Гуннару.

— Я ухожу, Гуннар. Я поступлю так, как говорит Кернив. Прости меня — и позволь мне уйти.

— Хорошо, — Гуннар безразлично махнул рукой. — Убирайся. Ты предал нас всех. Ты больше не один из нас, и ни один отряд наемников не возьмет тебя к себе. Об этом я позабочусь.

— Если сможешь, — тихо сказал солдат.

Он повернулся и побежал, торопясь скрыться быстрее, чем Гуннар передумает и бросит ему в спину нож. Но Гуннар уже забыл о дезертире. Его интересовал сундук.

— Не приближайся!

Кернив заслонил собой сундук. Однако Гуннар отшвырнул советника в сторону и ударил

его кулаком по голове. Удар оказался так силен, что старик рухнул на пол без чувств. Наемников это совершенно не обеспокоило. Старик вообще перестал занимать их мысли. Они больше не думали ни о его магии, ни о его величественной манере держаться, ни о собственных договорах с этим человеком.

Сундук и таинственное содержимое сундука! Скорее, скорее! Забрать как можно больше!

Драгоценности хрюстели под сапогами солдат, навалившихся на сундук. Гуннар, рыча, отбрасывал назад своих соратников.

— Я сам! Пустите! Я сам открою!

Наконец ему удалось откинуть крышку. Она даже не была заперта.

И... сперва ничего не произошло.

Сундук был пуст.

Несколько раз солдаты подходили и заглядывали внутрь. Они ничего не понимали. В комнате как будто сделалось темнее, факелы вдруг начали отчаянно коптить. Но в сундуке ничего не появилось. Да и откуда?

Тоска овладела людьми. Они бродили по комнате, не в силах покинуть ее, и все ждали чего-то. Они не могли смириться с разочарованием. Как же так? Почему так получилось? Не потому ли, что они поддались на уговоры обманщика? Или же это вышло из-за того, что они нарушили собственное обещание?

Но Гуннару все время казалось, что дело совершиенно не в этом. Здесь таился какой-то подвох... И пока его люди разочарованно подбирали драгоценные побрякушки и рассматривали их, Гуннар вернулся к сундуку и наклонился над ним. Ему показалось, что на дне сундука что-то шевелится. Он пригляделся внимательнее.

Да, там, несомненно, что-то было. Что-то живое и едва различимое. Гуннар засунул руку в сундук и прикоснулся к днищу. Он как будто пронзил пальцами нечто живое — так ощущалась бы медуза или какая-нибудь иная студенистая масса...

И вдруг он почувствовал на коже сильное жжение. Он выдернул руку и затряс кистью в воздухе, пытаясь немного облегчить боль. Вслед за рукой Гуннара из сундука вылетела бесформенная черная тварь.

Она росла прямо на глазах, заполняя собой воздух. Вот из темного облака протянулись два крыла, окруженные хлопьями гари, затем явились два красных глаза. Крылатая тьма заметалась по помещению, преследуя людей.

Солдаты пытались скрыться от нее. Они в панике бегали взад-вперед, искали выход, пытались добежать до двери. Но дверь куда-то исчезла. Они так легко вошли в сокровищницу — и теперь совершенно не представляли себе, как из нее выйти!

Чернота падала на них сверху, выпуская когти, она вцеплялась в волосы, охватывала голову крыльями и приникала к ним ртом. Тот, кого она хватала, медленно опускался на землю. Оставшиеся в живых не понимали, что происходит. Они видели лишь, как тело их товарища с гротескной маской вместо головы сперва дергало руками и ногами, а затем обмякало и мягко опускалось на пол.

А крылатая тьма опять взмывала в воздух и кружила под потолком в поисках новой жертвы...

* * *

Солдат-дезертир остановился на берегу, тяжело дыша. С него довольно! Хватит этой войны! Он съят по горло магами и их уловками! Что это Гуннару взбрело послушать предателя? Если бы тот показал им подземный ход — все было бы в порядке. Но ломать стену с помощью заклинания, а потом еще тащить их в ту сокровищницу... У солдата мурашки бежали по коже, едва он вспоминал карлика, сундук, все эти выкрики и звяканье цепи...

Неожиданно отвратительный запах удариł ему в ноздри. Он повертелся по сторонам, пытаясь определить источник вони. Но поблизости ничего не было. А пахло так, словно где-то совсем близко разлагался труп.

Месяц уже исчез с неба, горизонт начинал розоветь. Солдат обернулся к башне, из которой выбрался — как он считал, чудом. Из верхних окон башни вырывались черные клубы. Огня не было, только дым. Ужасный, темный дым, такой густой, словно горели человеческие тела или какое-то тяжелое масло.

Солдат закашлялся и поднял руку, чтобы обтереть лицо. Нестерпимая вонь ударила ему в ноздри. Он присмотрелся и увидел, что его запястье вымазано нечистотами.

— Проклятье! Откуда здесь это? — проворчал он, обтирая руку о песок.

Но вонь не исчезла. Неожиданная догадка пронзила солдата. Он схватился за свой кошель и развязал его. Оттуда полились жидкие нечистоты. С громкой руганью он выбросил кошель и бросился бежать.

Никаких драгоценностей в башне не было. То, что они принимали за бриллианты и золото, было пometом карлика, заточенного в подземелье.

* * *

Гуннар открыл глаза. Первая мысль, которая пришла к нему в голову, была очень простой и ясной. Они выиграли войну, они захватили башню, и теперь у них новый наниматель, гораздо лучшие прежнего. Отряд почти не понес потерь.

Один солдат. Один — за всю кампанию! Удачно вышло.

И денег — полные карманы. Они богачи!

Они служили теперь в гарнизоне башни, что охраняла пролив. Гуннара ничуть не удивляло то обстоятельство, что солдаты, погибшие при штурме этой башни, снова находились в строю. Они ведь не покинули отряд! Они ведь не сбежали отсюда, унося в качестве награды лишь дерьмо! Нет, они остались со своими товарищами и теперь опять служат с ними бок о бок. Это справедливо. Так должно быть всегда.

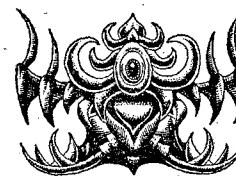
Умирают лишь дезертиры, верно?

* * *

Это помнил Гуннар. Он не знал, что осталось в памяти у других. Наверное, то же самое.

Во всяком случае, каждый наемник в его отряде твердо знал: их хозяин — господин Кернив, их задача — охранять башню возле пролива, их враг — любой, кто попытается в эту башню войти.

Даже если этот «кто-то» — давний знакомец Гуннара, киммериец Конан.

Глава восьмая Призрачные моряки

мотри! — крикнул Цинфелин, обращаясь к Конану. Молодой граф указывал на море, туда, где в волнах видны были обломки корабля и головы тонущих моряков. — Что там происходит?

— Они погибли или сейчас погибнут, — ответил Конан. — Корабль затонул, море бурное, волны выше человеческого роста... Лишь немногим удастся спастись.

— И мы не попробуем помочь? — спросил граф.

Конан искоса посмотрел на него.

— А ты не боишься погибнуть сам?

Цинфелин покачал головой.

— Моя смерть будет другой, я уверен.

— Какой?

— Я умру от старости.

— Откуда ты знаешь?

— Видел в волшебном зеркале...

— Никогда не доверяй зеркалам, особенно волшебным, — сказал Конан. — Не доверяй никому. Впрочем, мне можешь верить. Идем.

Они побежали вниз с холма.

Тем временем из поселка вышли рыбаки. Жутко было смотреть, как утлые лодочки, сражаясь со штормовым ветром и высоченными волнами, что, подобно пастьям чудовищ, пытались проглотить людей, бесстрашно плыли на встречу погибающим морякам.

Весла гнулись, люди гребли из последних сил. Моряки хватались за борта лодок, и местные жители втаскивали их на борт. Поднимали они и тех, кто погиб, и скоро их «улов» переполнял лодки.

Тогда они возвращались, сваливали «добычу» на берегу и снова бросались в море.

Одна из лодок, та, что была побольше других, вышла с сетью. Не обращая внимания на шторм, рыбаки забросили сеть и потащили ее. В ней забились, как огромные рыбы, сразу несколько человек, а еще один лежал неподвижно — этот захлебнулся.

Пока киммериец и юный граф приближались к берегу, они успели увидеть, что рыбаки обходят лежащих на песке спасенных людей и над каждым наклоняются.

— Что они делают? — спросил Цинфелин на бегу. — Тебе понятно?

— Слушают дыхание, — ответил Конан. — Проверяют, кто жив, а кто захлебнулся.

Конан был отчасти прав. Отчасти — потому что рыбаки действительно искали живых среди утопленников. Но когда они находили живого, они не пытались сохранить ему жизнь. Напротив, они обрывали эту жизнь.

И когда Конан с Цинфелином очутились на берегу, живых там уже не было.

Странная и жуткая картина открылась непрошенным наблюдателям. Они увидели, как рыбаки с горящими от жадности глазами высасывают нечто из раскрытых ртов утопленников. И как только это «нечто» оказывалось внутри рыбака, румянец вспыхивал на бледном лице, жизнь возвращалась в глаза, улыбка показывалась на синюшных губах.

— Души! — закричал Конан. — Они забирают их души!

Не сговариваясь, оба бросились на рыбаков с обнаженными мечами. Они отдавали себе отчет в том, что сейчас столкнутся с нелюдями, но стоять и спокойно наблюдать за тем, что вытворяют нежити, у Конана и Цинфелина не было сил.

С громким боевым кличем они набросились на рыбаков. Те сперва как будто удивились такой неожиданности. Конан ударил мечом в спину ближайшего к нему живого мертвеца, который наклонился над умирающим моряком,

жадно раскрыв рот в ожидании, пока душа погибающего отлетит и окажется беззащитной. Конану не дано было видеть саму душу, но он заметил ужас в глазах лежащего на песке моряка. Тот находился сейчас между жизнью и смертью, и ему, несомненно, было открыто то, что скрывалось от глаз киммерийца.

Тускнеющие глаза со страхом и неусыпным вниманием следили за нависшей сверху физиономией чужака. Вся поза моряка выражала безнадежность и покорность судьбе.

Когда Конан ударил нежить мечом, киммериец почувствовал, что сталь как будто проходит сквозь густой туман или кисель. Ничего не произошло. Плоть рыбака расступилась перед мечом, а затем сомкнулась вновь как ни в чем не бывало. Пожиратель душ даже не заметил атаки.

Конан выругался. По собственному опыту он знал, что нет такой нежити, которую нельзя было бы успокоить. Нужно только выяснить — как.

Моряк задрожал в последней агонии. Вырвавшийся из рук Конана мародер снова навис над ним. Живой мертвец алчно облизывался, вздыхал и глядел на умирающего с поистине родительской нежностью.

Губы его шевелились. Конан заметил, что рот нежити стал очень красным, как будто тот нахлебался крови, и это яркое пятно еще более

резко выделялось на совершенно бледном, землистого цвета лице.

Конан вновь нанес удар, на сей раз целя в голову. Такого нежити, увлекшися мечтами о скорой поживе, не ожидала. Со злобным шипением он повернулся к киммерийцу. Бледно-желтая жидкость стекала по виску псевдо-рыбака. Конан оскалился и снова ударил его по голове. Раздался отвратительный звук — как будто разбилась тыква, — и голова нежити развалилась на части. Тело, постояв немного, бессильно рухнуло. Пальцы схватились за песок да так и застыли.

На миг Конану показалось, что он различает какие-то бесплотные тени, что заскользили вокруг него в воздухе. Одна или две даже задели киммерийца — их прикосновение было воздушным и нежным; он уловил слабое благоухание — а затем все исчезло.

Умирающий моряк прошептал:

— Спасибо.

И больше не двигался.

Конан огляделся по сторонам. Везде на побережье происходило одно и то же. Несколько нежитей обступили Цинфелина. Они угрожающе скалились и замахивались на него ножами и кулаками. Юный граф отбивался, как мог, но силы были слишком неравны.

— Кром! — С громким боевым кличем киммериец устремился на помощь своему товарищу.

По пути он сбил с ног нескольких нежитей, бросившихся ему наперерез, и наконец очутился возле Цинфелина.

— Они забирают души! — задыхаясь, кричал Цинфелин. — Митра, они хуже, чем я предполагал! Они хуже убийц!

— Бей их в голову! — крикнул Конан. — Остальное бесполезно!

Спина к спине они начали отбиваться от лже-рыбаков. А тех становилось все больше. Казалось, сама ночная тьма насыщает их, порождая в своем зловещем чреве.

Конан без устали бил, повторяя один и тот же прием: он делал вид, будто хочет поразить нежить в плечо, а затем в последний миг поднимал меч и опускал его на голову своей жертвы.

Кругом громоздилась уже гора трупов. В отличие от людских тел, эти не внушили ужаса. Напротив, казалось, будто киммериец и его молодой друг совершают какую-то очень важную и полезную работу, вроде чистки рыбы. Да и трупы нежитей имели что-то рыбье. Холодные и скользкие, бледно-серого цвета, они падали на песок, и волны равнодушно лизали их.

И все больше прозрачных теней летало вокруг Конана и Цинфелина.

Киммериец начал замечать еще кое-что. Эти освобожденные души, несомненно, помогали своим освободителям. Вот одна из них облепила ли-

цо нападавшего, и рыбак остановился, замотал головой, как будто внезапно ослеп. Конан замешкался, боясь повредить бесплотной субстанции чужой души, но она легко и с неслышным смешком вспорхнула в воздух, и последнее, что видел в своей псевдо-жизни «рыбак», была сверкнувшая над его головой киммерийская сталь.

Цинфелин отчаянно сражался сразу с нескользкими противниками. Юный граф явно не успевал отражать их атаки. К тому же любой удар врага мог оказаться для Цинфелина если не смертельным, то во всяком случае болезненным и опасным; в то время как сам Цинфелин не мог причинить им вреда, если только не попадал по голове и не наносил рану достаточно серьезную, чтобы голова нежити развалилась.

Цинфелин чувствовал, как немеют руки от усталости. Он не привык к подобным схваткам. Во время тренировочных боев с друзьями он учился хитрым приемам, выпадам, отскокам и стремительным атакам; но сейчас от него требовалась простая физическая сила и механическое повторение одного и того же приема: удара сверху вниз по голове.

— Я не дровосек! — пожаловался Цинфелин, хватая ртом воздух.

— Так стань им! — рявкнул Конан. — Потому что, клянусь Кромом, это единственное, что тебя спасёт!

Цинфелин покачнулся и едва не упал. Киммериец подхватил его в последний момент.

— Тебя убьют! — прорычал Конан. — Будь осторожнее! Я не намерен погибать вместе с тобой!

Подражая старшему другу, Цинфелин взревел и бросился в яростную атаку на врагов. Меньше всего ему хотелось, чтобы Конан счел его слабаком.

Неожиданно Цинфелин споткнулся о скользкий ледяной труп лже-рыбака и рухнул на землю. Тотчас над ним нависло сразу два бледных лица. Цинфелин с ужасом смотрел на жадные, ласковые улыбки, медленно расцветающие на этих лицах. Он понял: сейчас его убьют и разделят между собой его душу.

От одной только этой мысли мороз наполнил его сердце. Дрожащей рукой Цинфелин поднял меч и направил его острие между глаз одного из лже-рыбаков. Ни один из нежитей, казалось, даже не обратил на это внимания.

Цинфелин попытался нанести удар, но пальцы его разжались, и меч упал на песок. Все, это конец. Сейчас он умрет, и душа его вечно будет страдать и мучиться здесь, на этом мрачном, безрадостном берегу.

Внезапно до него донесся чей-то голос. Тихий, отдаленный зов. Никогда прежде ему не доводилось слышать этого голоса, и тем не менее Цинфелин сразу узнал его.

Это могла быть только она, пленница из башни. Та, которую он видел в колдовском зеркале и которую полюбил, не зная даже, существует ли она на самом деле или же является плодом его пылкого юношеского воображения, чьим-то воспоминанием, созданием чьей-то необузданной фантазии...

Она звала его по имени.

Ощущая в себе удесятеренную силу, Цинфелин схватил свой меч и резко ткнул первого из противников между глаз, так что, словно по волшебству, голова нежити вдруг распалась на половинки. Цинфелин вскочил на ноги и с громким, ликующим хохотом обрушил клинок на затылок второго врага.

Он развернулся, чтобы схватиться с новыми врагами.

Конан мельком глянул на юного графа. Киммериец не знал, откуда тот обрел новые силы, но от души приветствовал это.

— Кром! Ты делаешь успехи, друг! — выкрикнул Конан.

Цинфелин ответил злой улыбкой и молча ринулся на врагов.

Внезапно ему показалось, что их стало меньше. Тьма над головой рассеивалась. Туча уползла за горизонт, туда, где зародилась буря, как побежденный противник уходит в свой стан, дабы зализать раны и собраться с новыми силами.

Немногие оставшиеся на ногах «рыбаки» бросились бежать к своей деревне. Конан не преследовал их.

Цинфелин, криво усмехнувшись, сделал было пару шагов им вслед, но вдруг споткнулся и плюхнулся на песок. Он совершенно обессилел.

Конан устроился рядом с ним. Пот струился по загорелому лицу киммерийца, синие глаза зло блестели.

— Что скажешь? — спросил Конан.

— Такого со мной еще не случалось, — признался Цинфелин.

— В разгар битвы ты вел себя просто как берсерк, — заметил Конан. — Разил, ничего вокруг себя не замечая, да еще и хохотал при этом.

— Я слышал ее голос, — прошептал Цинфелин, опуская голову. Ему не хотелось рассказывать об этом, и одновременно с тем снедало острое желание только об этом и разговаривать. — Ты понимаешь, что это значит? Это было чудом! Чудом, которое поставило меня на ноги и спасло мне жизнь!

— Ну, прости, — хмыкнул Конан. — Я не мог одновременно сражаться с дюжиной нежитей и еще присматривать за таким большим мальчиком, как ты. В конце концов, ты — граф.

Цинфелин вспыхнул.

— Я не говорю о тебе или о том, что ты должен за мной «присматривать»! Я говорю о том,

что она — та, которую я полюбил в моих видениях, — она существует на самом деле! Она рядом и теперь может говорить со мной!

— Ты слышал ее голос? Ты уверен, что это был именно ее голос? — переспросил Конан.

— А чей же еще? — рассердился Цинфелин. — Едва я услышал его, как силы вернулись ко мне. Я сражался ради нее! Я хотел жить ради нее!

— Что ж, в любом случае, это помогло, — согласился Конан.

Цинфелина бесило равнодушное отношение киммерийца к его великой любви и к чуду, которое сотворила эта любовь. Конан, разумеется, все это знал — он читал в душе юноши, как в книге, ибо встречал подобное уже не в первый раз, — и нарочно поддразнивал юного графа. Излишняя патетичность может повредить делу, считал Конан.

— Как ты думаешь, — мирным тоном заговорил Конан с Цинфелином, который сидел теперь молча, отвернувшись, и с подчеркнутым вниманием рассматривал волны, — чем на самом деле промышляет эта нежить?

— Забирает души людей, — сказал Цинфелин, не поворачиваясь.

— Зачем?

— Чтобы продолжать... «жить», — буркнул Цинфелин. — По-моему, это очевидно.

— Нет, это не очевидно, — возразил киммериец. — Может быть, они делали это не для себя.

— А для кого? — Цинфелин наконец заинтересовался новой проблемой и обернулся к киммерийцу.

— Возможно, у них есть хозяин. Некто, кому требуются живые души для исполнения каких-то планов.

— Кем бы он ни был, сейчас он утратил большую часть своей добычи, — хмыкнул Цинфелин.

— Это точно, — подтвердил Конан.

Помолчав, Цинфелин предложил:

— Нужно проверить среди моряков. Вдруг кто-то остался в живых? Нам сейчас не помешал бы союзник.

— Союзник, в котором едва теплится жизнь? Понятия не имею, чем бы он мог быть нам полезен, — проворчал Конан. — Разве что тебе нравится возиться с больными и умирающими...

— Терпеть этого не могу, — поморщился Цинфелин. — Но... разве не нужно посмотреть? Если не ради нас, то ради простого долга?

— Согласен, — сказал Конан.

— Если ты согласен, то зачем все эти рассуждения?

— Чтобы посмотреть, как ты злишься.

Цинфелин покачал головой.

— Наверное, я никогда не пойму тебя, Конан.

Киммериец легко вскочил на ноги.

— Ты и не должен меня понимать. Когда ты станешь графом, тебе придется командовать самыми разными людьми. И большинство из них останутся для тебя загадкой, настолько они не будут похожи на тебя. Привыкай уже сейчас.

Они обошли весь берег, останавливаясь возле каждого погибшего и подолгу осматривая его. Увы, признаки жизни подавал лишь один, но и тот вскоре угас.

Цинфелин выглядел подавленным.

— Я никогда не видел такого количества мертвецов, — признался он. — Это какая-то бойня.

— Попробуем предать их тела огню, — предложил Конан. — Работа долгая и трудная, придется набрать много хвороста и притащить сюда десятка три древесных стволов... Не знаю, как управимся.

— Мы вдвоем не управимся, — ответил Цинфелин.

— А мы постараемся, — сказал Конан. — Поверь, дело того стоит. Нельзя оставлять тела без погребения. Мы спасли их души от пожирания — одним богам известно, какова посмертная участь тех, кого поглотит здешняя нежить! — теперь завершим начатое.

Цинфелин нерешительно огляделся по сторонам.

— Ты боишься мертвецов? — спросил он наконец. — Ты суеверен, Конан?

— Ничуть, но я уважаю тех, кто погиб достойно.

— А что будем делать с этими? — Цинфелин указал на лже-рыбаков, валявшихся повсюду.

— Пусть их сожрет море, — равнодушно ответил Конан. — После прилива здесь не останется ни одного трупа. Рыбе будет чем поживиться. Это будет только справедливо.

Остаток дня они валили деревья и таскали их на берег, складывая большой костер. Погибших уложили в ряд, и Цинфелин поджег костер. Пламя сразу охватило всю поленницу. Костер был сложен искусно, а ветер с моря только раздувал огонь. Скоро все умершие исчезли в ревущем пламени.

— Вот и все, — сказал Конан, вновь и вновь ощущая прикосновение невесомых существ. — Они обрели мир и покой. А ты полагал, что это будет невозможно...

— Кажется, ты не признаешь слова «невозможно», — улыбнулся Цинфелин. Он тоже чувствовал умиротворенность.

— Почему? — возразил Конан. — Когда что-то невыполнимо, я так и говорю. Но сложить погребальный костер под силу двум мужчинам, уж поверь мне.

— Верю, — вздохнул Цинфелин.

Они по-прежнему находились на берегу, и башня, где томилась пленница, до сих пор выси-

лась перед ними, такая же неприступная и мрачная, как и в час их прибытия сюда.

* * *

С рассветом Конан и его молодой товарищ попытались проникнуть в башню.

— Возможно, на рассвете силы призраков слабеют, — предположил Конан.

— Ты знал этого капитана, — сказал Цинфелин. — На что он способен?

— Я знал Гуннара в ту пору, когда он был еще жив, — возразил киммериец. — Тогда он был способен на многое. Храбрец, ни во что не ставящий ни свою жизнь, ни чужую. Мне было хорошо сражаться с ним бок о бок — и я не позавидовал бы тому, против кого он поднял меч! Но то было давно. В те зимы, когда он был еще жив. Кто знает, каким он стал теперь, когда его изменили чьи-то злые чары!

— Я всегда полагал, — нерешительно начал Цинфелин, — что человек, даже после смерти, даже после того, как на него окажет воздействие злая магия, все равно сохраняет какие-то свои прежние качества.

— Не стоит обольщаться, — возразил Конан. — Маги частенько пользуются этим человеческим заблуждением. Но самые опасные демоны обычно принимают облик чьего-нибудь дав-

но умершего ребенка или погибшей возлюбленной. Такие демоны страшнее всего. Они заманивают в ловушку ничего не подозревающую жертву... Нет, Цинфелин. Если тебе явится с того света твоя подруга, будь уверен: самое лучшее, что ты можешь сделать, — это поскорее снести ей голову и присыпать ее раны пеплом и солью.

Подумав немного, он добавил:

— Впрочем, Гуннар был достаточно плохим — с обычной точки зрения — человеком, чтобы предположить, что после смерти он не слишком-то изменился. Так что ожидай худшего, Цинфелин, и не надейся ошибиться.

Они подошли к башне и начали обходить ее кругом.

— Где-то здесь должна быть дверь, — бормотал Конан. — Возможно, она прямо у нас перед носом, а мы ее попросту не видим.

— Но как же мы войдем, если двери нет?

— Я попробую забраться по стене. Там, наверху, имеются какие-то окна. Возможно, сумею протиснуться.

— Ты? — Цинфелин с сомнением оглядел могучую фигуру варвара.

— А что? — оскорбился Конан. И рассмеялся: — Наверное, ты полагаешь, что по такой стене невозможно вскарабкаться?

— Если говорить честно, то — да, — кивнул Цинфелин. — Она почти гладкая.

— Почти. — Конан весело фыркнул. — Смотри и запоминай, только не пытайся повторить. На такое способны только киммерийцы.

Он сбросил сапоги, снял с себя тяжелый плащ и остался босой, в штанах и рубахе. Меч был привязан у Конана за спиной.

Ловко, как кошка, он поднялся на уровень первого этажа — точнее, это можно было бы считать первым этажом, если бы башня имела окна и другие признаки того, что она является человеческим жильем.

Ошеломленный Цинфелин стоял внизу, все выше и выше задирая голову по мере того, как киммериец карабкался по стене. Стена эта была совершенно отвесной и со стороны выглядела гладким, но ловкие пальцы Конана находили здесь опору без особого труда. Он ухитрялся вставлять пальцы ног в крохотные щели и хвататься за совсем незаметные выступы, чтобы подтягиваться все выше и выше.

Вот уже он на высоте трех человеческих ростов...

Цинфелин начал было верить в успех их безумного предприятия, но тут башня ожила. Дверь не появилась там, где она, в принципе, должна была быть; и окон в стенах по-прежнему не было. Но призрачные наемники возникли как будто из ничего. Они проступали сквозь стены, спускались с крыши по несуществующим ступеням, которые как будто имелись в воздухе.

Цинфелин с ужасом увидел, как прямо перед ним стена вдруг начала бугриться, на ней появилось нечто вроде барельефа. Барельеф этот изображал двух вооруженных воинов с грубо высеченными лицами и бородами. Мгновение барельеф оставался неподвижным, а затем он зашевелился, и вот уже воины высвободились из каменного плена и представили перед Цинфелином во плоти.

Молодой граф поднял меч, готовясь сразиться с ними. Не сговариваясь и даже не обменявшись взглядами, воины-призраки набросились на него.

Зазвенела сталь. Цинфелину не приходилось даже мечтать о том, чтобы перейти в наступление; он едва успевал отбивать удары, которые сыпались на него справа и слева.

С диким криком киммериец спрыгнул со стены. На миг Цинфелину показалось, что Конан переломает себе все кости, но ловкий и гибкий киммериец приземлился довольно удачно, на мягкий песок, перекатился и, быстро прия в себя после падения, вскочил на ноги.

К нему устремилось сразу несколько призрачных воинов.

Конан, оскалившись, как зверь, бросился в атаку. Казалось, он угадывает каждое намерение своих врагов, и опережает их по меньшей мере на шаг. Звон стали был оглушительным.

Победить призрачных наемниковказалось делом совершенно невозможным: никакой удар не мог оказаться для них смертельным. Сталь не в силах была ни отсечь им голову, ни перерубить конечности. Они не знали устали.

Конан отражал атаку за атакой, теснил своих врагов и все ближе подбирался к Цинфелину.

Молодой граф едва держался на ногах. В самом начале схватки он получил глубокую рану на бедре, и теперь все силы уходили на то, чтобы не упасть. Цинфелин знал, что если он поддастся слабости и опустится на песок, наемники без всякой жалости добьют его.

Конан крикнул:

— Отходи!

Цинфелин подставил меч, встречая очередной выпад врага.

— Беги, Цинфелин! — повторил Конан. — Я задержу их!

Забыв о гордости, раненый молодой человек повернулся к врагам спиной и помчался из последних сил наверх, на заросший травой холм. За ним гнались, но недолго. Тяжелые воины увязали в песке все глубже и наконец застряли. Конан в два прыжка догнал их и мощными ударами одного разрубил почти пополам, опустив меч на основание шеи врага, а другого обезглавил. Здесь, на холме, тела наемников обрели телесность. Призраки вновь стали людьми — они

истекали кровью и умирали, как самые обычные люди.

Прочие устремились прочь, и скоро башня поглотила их всех.

Цинфелин лежал на траве и тяжело переводил дыхание. Конан усился рядом с ним и принялся вытираять меч.

— Я забыл сапоги возле башни, — заметил киммериец, мельком глянув туда, откуда они только что спаслись.

— Я ранен, — сказал Цинфелин.

Конан повернулся к нему.

— Сильно?

— Не знаю... Ты не мог бы посмотреть?

Он отнял руку от бедра и показал кровавое пятно, расплывшееся по одежде и ладони.

— Сними штаны, — фыркнул Конан. — Я вижу только гору тряпок и что-то неопрятное под ними.

Вместе они сняли с молодого графа штаны. Конан плеснул на рану водой из фляги.

— Порез, довольно глубокий, но страшного я ничего не вижу, — заявил варвар. — Вашу нежную кожу несколько повредили, ваша светлость, но, полагаю, скоро все заживет. Останется шрам, которым будут любоваться лишь избранные женщины. Счастливицы, которых вы допустите на свое шелковое ложе.

— Не надо так разговаривать со мной, — по-

просил Цинфелин, морщась. — Может быть, я не слишком опытный воин, но, видят боги, я делаю все, на что способен.

— Ты неплохой воин, — неожиданно согласился Конан. — Мне жаль, если моя грубость тебя задела. Я хотел лишь подбодрить тебя.

— На мое ложе будет допущена только одна женщина, — сказал Цинфелин, и видно было, что именно это беспокоит его больше всего. — Та, которую я люблю. Та, что томится в башне.

— Проклятье, я не меньше твоего хочу освободить ее! — рявкнул Конан. — Перестань ныть! Сейчас я перевяжу эту царапину, потом мы отдохнем и поразмыслим, как нам быть. Кое-что показалось мне довольно обнадеживающим.

Он разорвал свою рубаху и перевязал рану Цинфелина, остановив кровь.

— Ненавижу, когда маги издеваются над беззащитными людьми, — проворчал киммериец, зло посматривая на башню. — Есть множество способов доставлять себе удовольствие, к чему избирать столь извращенные?.. Впрочем, мне никогда их не понять. Сумасшедшие люди. Бешенных животных уничтожают, не так ли?

— Я вот о чём думаю, — сказал Цинфелин. — Те наемники... Их невозможно убить, когда они возле башни, но если они отходят от башни хотя бы на полет стрелы, то становятся уязвимыми.

— Те двое бедняг увлеклись в своем желании отправить меня в Серые Мирры, — хмыкнул Конан. — И поплатились. Не думаю, чтобы и прочие люди Гуннара оказались такими же идиотами. Нет, дважды этот фокус у нас не пройдет.

* * *

Незаметно приближался вечер. Из припасов, взятых с собой из замка, у двоих приятелей оставалось лишь немного черствого хлеба и пара полосок вяленого мяса. С точки зрения Конана, преступно мало, особенно если учесть, что им предстояла битва.

— Мы должна закончить дело сегодня к ночи и завтра уже отправиться в обратный путь, — объявил Конан. — Я не намерен пускать корни на этом берегу. Это, в конце концов, скучно! Здесь нечем заняться, здесь нечего есть, а до ближайшего кабака еще скакать и скакать...

Цинфелин слабо улыбнулся.

— Мне тоже кажется, что я умру, если задержусь здесь дольше. Здесь даже раны не заживают. Я потеряю все мои силы и в одно прекрасное утро попросту не проснусь.

— Что ж, я рад, что мы с тобой мыслим одинаково, — объявил киммериец.

— Но как нам пробраться в башню? — вздохнул Цинфелин. — Как одолеть призраков?

— С помощью других призраков... — Конан вскочил на ноги и уставился куда-то вниз, на берег. — Ты глянь только, что творится!

Цинфелин с трудом поднялся и посмотрел туда, куда показывал киммериец.

Из наползающих на берег темных морских вод медленно выходили люди в рваной матросской одежде. Один за другим показывались они на берегу и все поворачивались в ту сторону, где находились Конан и Цинфелин.

— Это те моряки, которых мы освободили, — сказал Конан, шурясь. — Говорил я тебе, что следует предать их тела достойному погребению! А ты, помнится, еще называл меня суеверным. Как будто воздать человеку последнюю почесть означает проявить суеверие!

— Прости, — Цинфелин вздохнул. — Я ничего дурного в виду не имел. И... хорошо, ты был прав, Конан! Я признаю это. И готов признать еще тысячу раз.

— К сожалению, у нас нет на это времени, — хмыкнул Конан. — Разумеется, в другой раз я прослушал бы тысячекратные извинения. Впрочем, ты вполне можешь заменить их деньгами. Я беру монетами любой страны, где только обитают люди, достаточно цивилизованные, чтобы возвести на своей земле пару хороших таверн.

Он схватил Цинфелина за руку и помог ему спуститься с крутого обрыва на берег.

Призрачные моряки обступили их. Странно, но Цинфелин не испытывал никакого страха при виде этих полуопрозрачных фигур. Предостережение Конана насчет того, что самые опасные демоны зачастую принимают облик дружелюбных и дорогих нам людей, почему-то вылетело у Цинфелина из головы. Может быть, потому, что сам Конан смотрел на этих призраков совершенно спокойно.

От толпы отделился капитан. Он низко поклонился Конану и Цинфелину и произнес еле слышно:

— Вы спасли нас, вы оба. Мы благодарны вам. Мы готовы служить вам, пока вы не отпустите нас... Таково было условие нашего окончательного освобождения.

— Что ж, — медленно проговорил Конан, — мы с радостью принимаем вашу помощь. Видите эту башню? Ее охраняют люди, охваченные злыми чарами. Полагаю, эти люди давным-давно погибли. Они мертвы, но продолжают подчиняться чьим-то злым чарам. Они стерегут вход в башню.

— Для чего вы хотите войти? — спросил капитан.

Цинфелин хотел было рассказать о несчастной пленнице, но Конан сделал ему знак молчать и сурово обратился к спасенным душам:

— Как вы смеете задавать нам вопросы! Разве это ваше дело? Вы обязаны помочь нам! Неуже-

ли ваша благодарность так ничтожна, что вам непременно нужно знать все подробности?

Капитан замер, а затем низко склонился перед Конаном:

— Нет, господин. Нам довольно и того, что мы знаем о тебе. Ты избавил нас от ужасной участи. Твои намерения в любом случае благородны. Мы с радостью поможем тебе. Говори, что мы должны делать!

— Так-то лучше, — буркнул Конан. — Видите эти стены? Здесь нет никакой двери, а между тем нам необходимо очутиться внутри.

— Здесь есть дверь, — ответил капитан, — и если вы ее не видите, то лишь потому, что еще живы. Многое в этой башне находится не в этом мире, а в потустороннем.

— Вы должны открыть эту дверь, чтобы мы могли войти, — продолжал Конан. — Башню охраняют призрачные воины. Сразитесь с ними. Наше оружие не может нанести им поражение, но ваше в состоянии сделать это. Вы находитесь в одном и том же мире.

— К тому же, — прибавил Цинфелин, — такая смерть поможет этим наемникам избавиться от чар, которыедерживают их между мирами, не живыми и не мертвыми.

«А может быть, наемникам как раз и нравится подобное существование? — подумал Конан. — Впрочем, я не намерен пускаться в дол-

гие рассуждения по этому поводу. Они стоят у меня на пути, и я сделаю все, чтобы избавиться от нежелательного препятствия».

Призрачные моряки дружно выхватили оружие и бросились к башне. Прямо на глазах у Конана и его спутника, они вошли в стену и скрылись внутри строения.

Конан сделал Цинфелину знак подойти поближе. Они остановились перед самой стеной и прислушались, но изнутри не доносилось ни звука. Башня поглотила второй призрачный отряд, как и первый, и двоим приятелям оставалось лишь гадать о том, что может происходить за стеной.

Внезапно в стене распахнулся проход. Только что Конан видел лишь гладкую кирпичную кладку — и вот уже перед ним зияли, словно зев чудовища, раскрытые ворота. Они были такими большими, что в них могла бы пройти телега, запряженная лошадьми. В черном проеме виднелись человеческие фигуры. Они странно светились в темноте.

— Вперед! — крикнул Конан и устремился туда.

Цинфелин бросился за ним следом, хромая и изо всех сил стараясь сохранять на лице решительное выражение.

На самом деле он был растерян. Что им предстояло делать? Участвовать в битве призраков?

Эдак они сами потеряют жизнь и ничего не добываются. Цинфелину не хотелось признаваться самому себе, что он попросту боится входить в заколдованную башню, которая столько времени будоражила его воображение и едва не довела его до смертельной болезни.

Вокруг действительно кипела битва. Наемники Гуннара пытались остановить входящих людей, но призрачные моряки набрасывались на солдат и разили их мечами и ножами. Крови не было, крики были едва слышны, однако от всего происходящего мурашки бежали по коже и волоски на загривке вставали у Конана дыбом, как у зверя, почувствовавшего опасность.

— Скорей! — торопил Конан своего спутника.

— Не могу, — прохрипел Цинфелин. — Нога плохо слушается.

Неожиданно кто-то схватил Цинфелина за одежду и дернул. Юный граф скатился на несколько ступенек вниз.

— Конан, помоги! — выкрикнул он.

Киммериец спустился ниже и поднял меч.

— Кто здесь?

Ответа не последовало. Цинфелин ощущал, как чьи-то ледяные пальцы хватают его за горло. Граф несколько раз ударил кинжалом туда, где должен был находиться его противник, но лезвие пронзило пустоту.

Конан наклонился и схватил напавшего на

Цинфелина за волосы. Если нож проходил сквозь призрак, как сквозь туман, то живая человеческая рука почувствовала нечто скользкое и холодное, но вполне плотское.

Конан впился пальцами туда, где, по его расчету, должны быть глаза нападавшего. Киммериец не прогадал. Раздался едва слышный, но воспринимаемый всем естеством вопль, от которого закладывало уши и дикий ужас зарождался в душе, существо забилось в руках у Конана. Затем киммериец выпустил его, и оно, завывая, скатилось вниз по ступенькам.

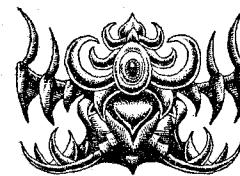
— Что ты с ним сделал? — пробормотал Цинфелин.

— Порвал голыми руками, — ответил Конан. — Это единственный способ задержать их, если они набрасываются. Наши моряки добывают их. И впредь не пугайся так. Они не в силах повредить тебе больше, чем это может сделать любое другое существо.

Он ухватил Цинфелина за локоть и потащил за собой наверх.

Казалось, этой винтовой лестнице не будет конца.

Они сбились со счета и уже не могли сказать, сколько раз обернулись вокруг своей оси, а ступеньки уводили их все выше и выше...

Глава девятая Последняя схватка

ленницу, захваченную при попытке проникнуть в покой главного графского советника господина Кернива, решено было судить открыто. Граф Гарлот желал показать всем своим подданным, что творит правосудие, не боясь огласки. Что бы ни произошло в его дворце, какой бы приговор он ни был вынужден вынести преступнику, — господин Бенойка не намерен делать из этого тайну. Ему нечего скрывать от своего доброго народа!

Поэтому Далесари была доставлена на Поля Правосудия. Так назывался большой луг, где в добрые времена проходили праздники, а в том случае, когда требовалось судебное разбирательство, устраивались публичные слушания.

Просторная площадка была огорожена, так, чтобы ближе к графу могли разместиться наиболее уважаемые отцы семейств Бенойка. Прочие

любопытствующие имели право находиться за оградой и наблюдать за происходящим в свое удовольствие. Обычно граф позволял народу громкими выкриками выражать свои чувства касательно приговора. Считалось, что граф не обращает внимание на вопли толпы и принимает решения по каждому делу вполне самостоятельно, но люди хорошо знали: все их пожелания учитываются, и с их настроениями граф неизменно считается. И в самом деле, не было случая, чтобы Гарлот помиловал того, кому толпа требовала смертной казни, или приговорил человека, достойного, по мнению людей, милосердия.

Рихан привел Югонну на судилище загодя, чтобы им занять места поближе к ограждению.

— Не стоит стоять так, чтобы нас могли увидеть с помоста, — говорил Рихан, — но и совсем удаляться тоже не стоит. Заберемся во второй ряд и будем держаться за чужими спинами. Постарайся не кричать, не падать в обморок — вообще веди себя потише, иначе на тебя обратят внимание, а это уже лишнее.

Под раскидистыми ветвями одиноко растущего посреди луга дерева графские слуги уже собирали помост. Плотники работали вовсю, устанавливая балдахин над троном, где будет восседать граф Гарлот. Трудились они быстро и слаженно, и было очевидно, что это дело для них не новинка. Все детали помоста, балдахина и трона

хранились во дворце, их осталось только принести и собрать, придая «сцене» надлежащий вид.

Придворные начали съезжаться. Появился и сам «пострадавший» — господин Кернив. На нем было тяжелое роскошное одеяние, в котором он, несмотря на жару, чувствовал себя вполне комфортно.

Некоторые господа явились с супругами, хотя в основном всем приглашенным и почетным гостям вменялось в обязанность приходить на судилища без членов семьи. Женщины допускались на подобные собрания только в качестве зрительниц, их места были за ограждением. Исключения делались лишь для очень немногих — наиболее знатных и влиятельных.

Наконец на помост взошел и сам граф Гарлот. Он выглядел бледным и исхудавшим. Сказывалась тревога, которую Гарлот испытывал за своего сына: сперва непонятная болезнь, потом еще более странное душевное расстройство... а теперь, по слухам, юный Цинфелин и вовсе куда-то исчез.

Тем не менее никакие личные беды не помешали графу Гарлоту исполнять свой долг перед народом. Он поднялся к трону и вскинул руки, призывая к тишине.

Как по колдовству, луг, заполненный народом, затих. Стало слышно, как вдали гудит шмель, — такая воцарилась тишина.

— Люди Бенойка! — раздался голос графа Гарлота. — Сегодня мне предстоит судить женщину, которую обвиняют в том, что она проникла в покой нашего главного советника — господина Кернива, чьи заботы о графстве неустанны, чьи заслуги перед графством бесспорны! Она пыталась обокрасть его, а может быть, и покушалась на его жизнь! Я позволил присутствовать на этом суде женам многих моих сановников и верных подданных, и сделал это сознательно, в нарушение давнего обычая. Как правило, мы считаем правосудие делом чисто мужским, ибо оно подчас требует от нас твердости и беспристрастности, а зачастую и жестокости. Как известно, сердце женщины мягко и склонно прощать. Женщине трудно заставить себя быть беспристрастной и тем более — быть жестокой.

«Боги! — подумал Югонна в смятении. — Граф Бенойка — идеалист, если он действительно думает то, что говорит!»

Рихан слушал Гарлота, полуоткрыв рот и глядя на него с откровенным обожанием. За такого вождя радостно отдать жизнь! А сын графа — еще лучше, еще благородней и отважней!

Между тем Гарлот продолжал:

— Но наш преступник — женщина, и я подумал, что наши благородные женщины лучше поймут ее. Поэтому им дозволено находиться здесь и выступать в защиту или в обвинение.

Граф сделал знак страже, и на помост подняли Далесари. Югонна весь напрягся и подался вперед, желая лучше рассмотреть свою возлюбленную. Несколько дней заточения в подземелье сделали свое дело. Далесари утратила свежие краски лица, она сильно исхудала, под глазами у нее появились темные круги, рот печально обвис. Югонна никогда прежде не видел ее такой.

— Она больна? — спросил он Рихана, подергав того за рукав. — Как, по-твоему, она больна? Или голодна? Что они с ней делали? Ее пытали?

Рихан покачал головой.

— Мне доводилось видеть такие лица, — тихо ответил он. — Она попросту смертельно напугана. Этот негодяй запугивал ее все то время, что она находилась у него в подвалах. Кроме того, полагаю, она до сих пор не знает, что ты жив...

Тем временем заговорил господин Кернив. Он подробно описал все случившееся в его спальне, заранее попросив прощения у присутствующих женщин за то, что вынужден говорить о столь интимных вещах.

— Если бы не обстоятельства дела, я не стал бы касаться таких тем, как постель, покрывало, да и я сам, коль скоро я не одет надлежащим образом, — галантно заметил он, кланяясь.

Эти слова произвели благоприятное впечатление на слушательниц, многие улыбнулись. Югонна заскрежетал зубами.

Лицо Далесари осталось неподвижным. Она как будто смотрела на что-то, находящееся очень далеко отсюда, и пыталась разобрать детали неуловимой картины.

— Эта женщина — хотя едва ли существо, подобное ей, имеет право носить столь высокое имя, — продолжал Кернив возмущенным тоном, — забралась ко мне, когда я спал и был совершенно беспомощен перед любым злоумышленником. Она намеревалась убить меня и лишить нашего доброго графа, — поклон в сторону Гарлота, — одного из самых верных его слуг!

Югонна вздрогнул, явно желая броситься вперед и осуществить намерение, приписанное Далесари обвинителем, но Рихан удержал его за руку.

— Подожди, еще не время, — прошептал он. — Ты ведь не хочешь все испортить?

Он показал на большой, закрытый куском ткани предмет, который висел у него на плече, прикрепленный за лямку. Со стороны этот предмет можно было принять за обычный щит. Югонна вздохнул:

— Так тяжело оставаться сторонним наблюдателем, когда видишь такое!

Один из стоявших поблизости, упитанный человек с блестящей лысиной, возвился на Югонну с негодованием.

— У меня складывается ощущение, будто вы оба сочувствуете этой негодяйке!

На сей раз Рихан опередил Югонну.

— Возможно, обстоятельства этого дела не вполне соответствуют рассказу господина Кернива.

— Этого не может быть! — отрезал толстяк и возмущенно отвернулся. Он уставился на Кернива с обожанием.

— Он околдовал их всех! — тихо обратился Югонна к своему товарищу. — Иначе чем объяснить эту всеобщую любовь?

— Погоди, скоро дело изменится... — Рихан усмехнулся. — Спроси лучше, как я вытащил эту штуку из дворца?

Югонна посмотрел на солдата и увидел, что тот просто сияет от самодовольства. И тотчас же фокуснику стало стыдно. С точки зрения Югонны, не было ничего особенного в том, чтобы пробраться во дворце, уболтать стражу, отвести глаза двум-трем случайно встреченным в коридорах слугам, проникнуть в комнату юного Цинфелина, где до сих пор оставалось магическое зеркало Югонны и Далесари, и утащить его. Подумаешь!

Однако поразмыслив, Югонна понял, что для солдата это было настоящим подвигом. Рихан не умел скрываться, ловчить и, будучи захваченным врасплох, говорить первую пришедшую в голову чушь. Так что для него это похищение превратилось в настоящий подвиг.

Чтобы сделать Рихану приятно, Югонна спросил:

— Как тебе это удалось? Я думал, такое невозможно!

Улыбка на лице Рихана сделалась еще более лучистой.

— Ну, пришлось проломить голову одному не в меру любознательному охраннику... Но в общем и целом прошло без шума.

— Ты устроил драку? — ужаснулся Югонна.

— Только в самих покоях юного графа, — успокоил его Рихан. — К тому же, трудно назвать это дракой. Тот парень даже кулак сжать не успел. Он просто поинтересовался, зачем я забрался в апартаменты Цинфелина, а я спросил, что он тут делает. Он сказал, что ему приказано охранять имущество юного графа, а я сказал, что во дворце воров нет и быть не может. Тогда он сказал, что из-за болезни Цинфелина здесь развелось много разной сволочи, вроде той, что должны судить завтра — то есть, уже сегодня...

Югонна скрипнул зубами, но Рихан этого не заметил и простодушно продолжал:

— Тогда я дал ему по голове стулом, забрал зеркало, сунул его в чехол от щита и вышел. Меня даже не пробовали остановить, все ведь знают, что я служу в гарнизоне — ну а коли комнаты графа велено охранять, то и...

Он развел руками и ухмыльнулся.

— Так что все просто. Напрасно ты считал, будто мне это не под силу.

— Да, — произнес Югонна, — ты не перестаешь удивлять меня.

Тем временем бесконечная речь господина Кернива — поток жалоб, перемежаемых напоминанием о его, Кернива, заслугах перед графством, — наконец иссякла. Поднялся граф Гарлот. Он обвел глазами собравшихся и остановил взор на Далесари.

— Может быть, ты хочешь что-то сказать в свое оправдание? — осведомился он у обвиняемой весьма суровым тоном.

Молодая женщина не ответила. Она держалась так, словно заранее знала, каким будет приговор, и не старалась сделать ничего, чтобы смягчить свою грядущую участь.

— Она считает меня мертвым, — прошептал Югонна, внимательно следивший за своей женой. — Все остальное ей сейчас безразлично.

— Ей не будет безразлично, когда они потащат ее на виселицу, — возразил Рихан. — Но только тогда поздно будет кричать и оправдываться.

— Жаль, что с нами сейчас нет Конана! — сказал Югонна и тотчас прикусил язык. Похоже, в трудных ситуациях он слишком привык полагаться на киммерийца. Как такое вышло? Когда они только-только встретились с Конаном, то сочли

его самым обычным варварам, громилой, в то время как они с Далесари относились к миру ученой элиты. Однако никакая книжная ученье не могла вызволить их из беды.

Гарлот между тем произнес:

— Мне отвратительна сама мысль о том, что женщина может быть подвергнута смертной казни, но я не вижу оправданий для этой злодейки. Нет такого преступления, которое она бы не совершила! Она воспользовалась болезнью моего сына, злоупотребила его доверием, пыталась убить беспомощного во сне человека, а затем бежала от правосудия... Мое сердце болит при мысли о том, что она будет повешена, но кто приведет мне доводы против такого приговора?

— Пора! — шепнул Рихан.

И в тот же миг Югонна бросился вперед.

— Я! — закричал он.

— Что?! — Граф Гарлот грозно воззрился на него, словно готовясь и Югонну приговорить к смерти за то, что он пытается помешать правосудию. — Ты смеешь возражать мне?

— Простите, ваша милость, — ответил Югонна, — но я слышал вопрос, исходящий от вашей милости, и решился дать на него ответ.

— Что? — еще более грозно нахмурился граф. — Какой вопрос?

— Ваша милость спрашивали, кто возразит против смертного приговора для этой женщи-

ны, — громким голосом напомнил Югонна. — И я дал вашей милости ответ: «Я»!

— Ты? Ты готов возразить мне?

— Да.

— Полагаю, у тебя есть основания?

— Да, — снова ответил Югонна.

— Что ж, — граф с видимым усилием взял себя в руки и даже заставил себя улыбнуться, — послушаем. Время у нас еще есть. — И тут тень снова набежала на лицо Гарлота. — Погоди-ка... Не тот ли ты фокусник, что выступал вместе с этой потаскухой? Хоть ты и переоделся, и смыл с лица дурацкий грим, я узнал тебя! Это — второй преступник, сообщник! Человек, за которым гналась моя стража! Он здесь, и готов выступить!

— Ну так позвольте же мне говорить, — не растерялся Югонна. — Вот я в ваших руках, отлично. Я ведь никуда не убегу. Вы хотели схватить меня — я пришел сам и лично сдался на ваше правосудие. И теперь я прошу только об одном: дайте же мне наконец высказаться!

Под громкие выкрики: «Стой! Куда?» Рихан выбрался из толпы и предстал перед судилищем.

— А это кто? — спросил Гарлот.

Рихан молча поклонился.

Югонна усмехнулся:

— Это мой страж. Солдат, который схватил меня и привел сюда. Так что ваша милость мо-

жет наградить его за расторопность и бдительность.

Гарлот прищурился, глядя на обоих, а затем перевел взгляд на Далесари. Женщина была очень бледна и казалась близкой к обмороку. Что касается Кернива, тот выглядел так, словно ничуть не сомневался в исходе дела. Легкая улыбка порхала на губах графского советника.

— Я знаю, — начал Югонна, — никто из вас не поверит мне, если я буду утверждать, что невиновен, и что эта женщина, моя жена, — тоже не совершила ничего, что было бы направлено против графа и графства. И уж конечно вы будете смеяться, если услышите, что наши действия служили лишь ко благу вашей земли. И тем не менее это так.

— Сказать что угодно можно! — донесся выкрик из толпы.

Югонна даже не повернул головы, чтобы посмотреть на кричавшего. Он заранее знал, что подобные вопли будут непременно.

— Это точно, — согласился Югонна. — Вот и господий Кернив об этом знает и потому болтает все подряд, что только ему в голову взбредет. Удивляюсь, что вы слушаете его, точно пророка. А вдруг он лжет?

— Не забывайся, фигляр, — предупредил граф Гарлот. — Я могу распорядиться казнить тебя и твою шлюху в любой момент.

— Моя жена не шлюха, хотя все остальное абсолютно точно, — сказал Югонна не моргнув глазом. — Но мое время еще не истекло, и я хотел бы продолжить.

— Оправдание стоит того, — кивнул Гарлот. — Хоть вы оба и внушаете мне сильное подозрение, скажу по правде.

— Я готов представить свидетеля, который не лжет и которого нельзя подкупить, — объявил Югонна.

— Таких свидетелей не существует, — презрительно сплюнул Кернив.

— А вот и нет!

И Югонна сделал знак Рихану. Тот сдернул чехол с того, что все считали щитом, и перед собранием предстало магическое зеркало. Кернив рванулся было к зеркалу, но в последний миг усилием воли удержался на месте и только растянул губы в насмешливой улыбке.

— Это украденное у меня зеркало, — объявил он. — У них хватает наглости похваляться своей воровской добычей.

— Никто не похваляется, — возразил Югонна, — разве что ты, почтенный Кернив. Это зеркало вовсе не принадлежит тебе. Оно — мое. Мое и этой женщины, моей жены. Многие из приближенных графа Гарлота могли видеть наше зеркало на представлениях.

— Магическое зеркало! — вспомнил Гарлот и

внимательно посмотрел на Югонну. — Но если это так, то почему я должен верить тебе?

— Потому что зеркало не лжет. Оно отражает только то, что видит, — был ответ.

— Ты сам признал, чужестранец, что оно магическое, — продолжал настаивать граф. — А магия всегда сопряжена с обманом и иллюзией.

— Это так, — кивнул Югонна. — Но если наше зеркало обладает кое-какими магическими свойствами, то мы — моя жена и я — отнюдь не маги, поэтому не в нашей власти управлять этим зеркалом. Говорю же, оно отражает лишь то, что перед ним было. Я могу вызвать отражение, но не могу создать его.

— В твоих словах есть резон, — признал Гарлот. — Что ж, дозволим тебе выступить! В конце концов, ты защищаешь свою жизнь и жизнь своей подруги, а такое дело требует времени и поддержки. Смерть необратима. Я могу освободить человека из заключения, если получу новые сведения касательно его невиновности, но я не в силах никого воскресить. Поэтому потратим время и выслушаем этого проходимца. Даже проходимцы иногда говорят дело.

— Не говоря уж о том, что они не заслуживают несправедливой казни, — спокойно добавил Югонна, и граф опять нахмурился: ему не нравилось то, с каким достоинством и как спокойно держится этот бродячий фокусник! Можно поду-

мать, он считает себя, безродного фигляра, едва ли не ровней ему, графу Бенойка!

Югонна развернул зеркало так, чтобы граф мог видеть в нем отражение, и провел рукой над мутной поверхностью стекла. Туман тотчас рассеялся, и перед графом предстало отражение комнаты Цинфелина.

— Это спальня юного графа, — громко говорил Югонна, поворачивая зеркало попеременно во все стороны, дабы и прочие собравшиеся могли рассмотреть его. — Здесь, по словам самого Цинфелина, ему являлось видение прекрасной девушки, заключенной в узы. Ночь за ночью представляла перед ним дивная пленница. Она плакала и умоляла спасти ее. Наш юный граф обладает добрым сердцем и пылким нравом. Он не мог спокойно созерцать эти картины. Но он не знал ни имени этой девушки, ни того, где разыскивать ее. И поэтому тоска поселилась в его душе и начала медленно убивать его...

— Поэтому он и заболел, — медленно проговорил Гарлот. Сейчас граф выглядел как человек, который только что очнулся от долгого забытья. — Поэтому он и выглядел безумцем. Ему не давала покоя эта картина...

— Совершенно верно, — кивнул Югонна.

Он протянул руку, делая знак своей жене, и Далесари повиновалась: она медленно приблизи-

лась к мужу и прижалась к нему. Он обнял ее и продолжал говорить, сжимая плечо Далесари.

— Цинфелин тосковал и в то же время ни с кем не мог поделиться причиной своей тоски. Ему бы просто никто не поверил. Какая-то пленница? Ночное видение? Должно быть, обыкновенный сон, и все дело в том, что юному графу пора жениться. Вот и все, что мог он услышать от своих близких.

Рихан покраснел: Югонна попал в точку. Если бы Цинфелин раскрыл ему душу, Рихан именно это и посоветовал бы своему другу. «Пора тебе, дружище, перестать спать одному и взять в постель какую-нибудь добрую женщину. Глядишь — и девки мерещиться перестанут».

— Но откуда в комнате моего сына могло взяться это видение? — спросил Гарлот.

Югонна живо повернулся к нему и поклонился.

— Вот именно! — вскричал фокусник. — Откуда? Мы знаем, что такие зеркала, как наше, покрыты амальгамой, обладающей колдовским свойством запоминать и воспроизводить отражение. Но наше зеркало находилось при нас. Стало быть, в замке имеется еще одно, а кроме того, у кого-то была амальгама, которую он наносил на стену в комнате Цинфелина. И когда мы нашли следы этой амальгамы, полагаю, истинный преступник пробрался в покой Цинфелина и попы-

тался вытереть стену. Иначе все стало бы слишком очевидно.

— Неправда! — сказал Кернив. — Такого не может быть!

— Но зеркало не в состоянии лгать, — возразил Югонна. — Оно, в отличие от человека, не может меняться. Оно таково, каким было создано изначально, и его природа неизменна. Оно отражает лишь то, что существует или существовало на самом деле.

— Подожди, — остановил Югонну граф Гарлот, — если верить твоим словам, то... То тогда получается, что и та прекрасная пленница, которая завладела сердцем моего сына, — она тоже существует в действительности?

Югонна кивнул.

— Именно так. И, полагаю, Цинфелин сейчас разыскивает ее.

— Митра! — простонал граф.

Тем временем Югонна снова провел рукой над зеркалом, и изображение в стекле изменилось: в спальне Цинфелина появился некий человек. Озираясь по сторонам, он начал водить кистью по стене, а затем растирать нечто ладонями. Приглядевшись, Гарлот узнал в этом человеке самого Кернива.

Изумленный, граф уставился на своего советника.

— Как вы объясните это?

— Ложь! — взвизгнул Кернив. — Неужели вы поверили этим негодяям? Они — воры и убийцы, и самое мудрое было бы отправить их на виселицу!

— Я уже сказал, что не сделаю этого, не разобравшись во всех хитросплетениях дела, — ответил граф, повысив голос. — Помните свое место, советник! Вы можете лишь давать мне рекомендации — и многие из них действительно были мудры и к месту, — но не имеете никакого права мне приказывать!

— Я настоятельно рекомендую вашему сиятельству казнить этих двух негодяев, — повторил Кернив.

Он закусил губу и отвернулся.

Второй «Кернив» — тот, что в зеркале, — продолжал повторять одни и те же движения, размазывая колдовскую амальгаму по стене в спальне наследника графства.

Собравшиеся, как завороженные, смотрели то на зеркало, то на самого Кернива. Многих поражал контраст между гордым лицом Кернива «во плоти» и вороватым выражением, которое это лицо вдруг обретало в отражении в колдовском зеркале.

И в этот самый миг на краю луга послышался громкий стук копыт, и пронзительный женский голос закричал:

— Это он!

* * *

Когда Конан и Цинфелин очутились в заколдованный башне, на винтовой лестнице, их окружила тьма. Киммериец хорошо видел в темноте и уверенно поднимался все выше и выше, а Цинфелин последовал за ним, ориентируясь по звуку шагов своего спутника, и старался не отставать. Призрачные воины остались внизу — они сражались с призрачными моряками.

— Сюда! — крикнул Конан. Он увидел наверху полоску света и устремился к ней.

Киммериец не сомневался в том, что пленница содергится в помещении, где должно быть достаточно светло. Ведь если она будет находиться в полной темноте, то ее отражение останется неразличимым для Цинфелина и будет по просту бесполезно.

Он увидел тяжелую дверь из массивного дерева, окованную железом. Дверь эта закрывалась на простой засов — не было даже замка.

А зачем здесь, в этой башне, какие-то замки? Никто посторонний не мог бы проникнуть сюда.

Конан радостно вскрикнул и устремился к двери. Цинфелин, задыхаясь и хватаясь за раненый бок, побежал за своим товарищем.

— Мы нашли ее! — вскрикнул юный граф.

Внезапно Конан остановился. Цинфелин налетел на него и едва не упал.

— Что с тобой? — спросил юноша. — Мы преодолели столько препятствий, и вдруг перед самой целью ты замираешь... Можно подумать, это ты взволнован предстоящей встречей, а не я...

— Здесь что-то не так, — прошептал Конан. — Я это чувствую. Какая-то ловушка.

— Брось! — возмутился граф. — Какая здесь может быть ловушка? Да будь у меня такая башня, в которую никто чужой не в состоянии войти, не стал бы я устраивать ловушки...

— Нет, подожди. Обидно погибнуть на пороге...

Конан оказался прав. Только сообразительность и стремительность варвара, да еще его привычка доверять своим диким инстинктам спасла ему жизнь. Откуда-то сверху на плечи Конана спрыгнуло огромное лохматое существо. Оно выпустило когти и вцепилось в руки Конана, а зубастой пастью нависло над его шеей.

— Кром! — взревел киммериец. — Цинфелин, сними с меня эту гадину!

Юный граф взмахнул мечом, стараясь нанести удар так, чтобы не повредить своему товарищу. Но это оказалось не так-то просто: Конан вместе с наседающей на него тварью все время вертелся и метался из стороны в сторону. Наконец киммериец с силой ударился о стену, и чудовище выпустило его из своей хватки. Оно упало на пол и откатилось в угол, но затем тотчас

же вскочило на ноги, распрямившись, как пружина.

Цинфелин с ужасом увидел человекоподобную тварь с огромными круглыми глазами желтого цвета. Существо было покрыто бурой шерстью, его длинные руки свисали ниже колен. Негромко ворча, оно двинулось к киммерийцу. К ужасу Цинфелина, Конан рассмеялся и, отбросив меч, шагнул навстречу монстру.

Юный граф отошел в сторону. Он совершенно перестал понимать смысл происходящего. Только что, буквально на его глазах, киммериец окончательно расстался с «оболочкой» цивилизации и превратился в настоящего дикаря, совершенно под стать тому монстру, который оказался его противником.

Но как такое возможно? Ведь Конан только что держался как умный человек, хорошо разбирающийся в тонкостях человеческих взаимоотношений и даже как будто не чуждый придворных условностей. И вот перед потрясенным Цинфелином — два диких существа, готовых схлестнуться в битве не на жизнь, а на смерть.

Из горла киммерийца вырвалось рычание. Шерсть на загривке монстра поднялась дыбом. Конан чуть присел и бросился на лохматую тварь. Они вцепились друг другу в глотки и покатились по полу. Они бились молча, как два хищника за добычу.

Несколько раз Цинфелину хотелось вмешаться и покончить с лохматой тварью одним ударом. Ему казалось — вот самый удачный момент, чтобы вонзить меч в косматую спину между лопатками. Но мгновение — и там, где извивался и норовил загрызть соперника монстр, оказывался киммериец.

Конан вывернулся из железной хватки монстра и отбежал к стене. Двигаясь боком и подпрыгивая, монстр приблизился к киммерийцу и протянул длинные лапы, норовя снова ухватить противника.

Конан присел, и удар когтистых пальцев пришелся у киммерийца над головой.

Метнувшись вперед, Конан ударили врага головой в живот. Тот согнулся пополам, и тут Цинфелин наконец изловчился и вонзил кинжал, который сжимал в левой руке, чудищу в основание шеи.

Получеловек захрипел. Конан оттолкнул его от себя и швырнул на пол. Истекая кровью, монстр забился на холодных камнях. Конан перевел взгляд на Цинфелина, и молодой человек с удивлением понял, что киммериец улыбается.

Поначалу лицо варвара было искажено дикой ухмылкой, но чем дольше Цинфелин смотрел на своего товарища, тем более человеческой становилась его улыбка.

Наконец Конан тяжело перевел дыхание.

— Долго же ты решался сделать это, Цинфелин!

— Мне показалось, ты хочешь расправиться с ним сам и голыми руками, — возразил Цинфелин, поглядывая на Конана с легкой опаской.

Киммериец расхохотался и подобрал свой меч.

— Честный бой — это прекрасно, Цинфелин, но не в том случае, когда из-за нашего благородства страдает беззащитный человек. Ты еще не забыл о том, кто находится за этой дверью?

Цинфелин побледнел.

— Не слишком ли ты быстро меняешь настроение? Я не успеваю за тобой!

— Я всего лишь хотел убедиться в том, что эту дверь действительно никто не охраняет, — возразил киммериец. — И теперь, когда это действительно так, — он глянул на косматое тело, скорчившееся в луже крови на полу, — нам остается лишь отодвинуть засов.

Цинфелин, не веря, протянул руку к задвижке. Она отодвинулась со скрежетом, дверь медленно отворилась, и молодой человек очутился в комнате, которую так часто видел, находясь в горячечном бреду у себя в спальне, в замке, за день пути отсюда.

Свет попадал в комнату из узкого окна, прорезанного над потолком. Юная девушка с темно-каштановыми волосами — в видениях они ка-

зались немного другого оттенка, — стояла возле стены и расширенными глазами смотрела на вошедших. Она показалась Цинфелину тысячекратно прекрасней того явления, что не давало ему покоя столько времени. И тем страшнее выглядели тяжелая ржавая цепь и обручи, что охватывали ее шею, запястья и щиколотки.

Цинфелин бросился к ней и схватил ее за руку. Она закрыла глаза и прижалась к стене.

— Ты боишься? — тихо спросил Цинфелин. — Но чего? Я с тобой! Я здесь, я пришел, чтобы спасти тебя!

Она тихо покачала головой.

— Исчезни... Он нашел новый способ мучить меня. Я не знаю, как он это сделал... и никогда не узнаю. Но у него ничего не получится. Я не стану радостно бросаться тебе на шею только ради того, чтобы ты растаял в полумраке и оказался иллюзией... как многое другое до тебя.

— Нет, нет! — в отчаянии закричал Цинфелин. — Нет, я настоящий! Я пришел освободить тебя!

— Я не верю, — сказала пленница.

— Ну вот что, — вмешался Конан, — нежности, благодарности, поцелуи и прочие приятные штуки — это потом, а пока, Цинфелин, отойди от нее. Как бы мне вас обоих не покалечить.

Он показал тяжелый молот, который неведомо как очутился у него в руках. Заметив удив-

ленный взгляд Цинфелина, киммериец хмыкнул:

— Лежал у входа. А ты, конечно, не заметил. Что ты вообще можешь заметить, когда здесь — она...

Цинфелин повиновался своему старшему другу и отошел в сторону. Конан оглядел девушку с головы до ног.

— Он тебя совсем не кормил, — проворчал киммериец. — Кожа да кости. Не понимаю, что нашел в тебе Цинфелин. Наверное, он провидец и может угадать, какой ты станешь, если тебя хорошенъко откормить. Полагаю, ты любишь свинину, нашпигованную чесноком... впрочем, это не мое дело. Держи руки неподвижно. Подними их над головой, прижми к стене и не шевелись, даже если тебе покажется, что я вот-вот размажу тебе голову. Ты все поняла?

— Я привыкла повиноваться, — тихо отзвалась пленница.

— Заметь, Цинфелин, — обратился Конан к юноше, — меня она иллюзией не считает.

— Ты слишком похож на палача, чтобы казаться иллюзией, — огрызнулся Цинфелин.

— Неблагодарный, как, впрочем, и все знатные юнцы, — вздохнул Конан и принял сбивать железные «брраслеты» с рук пленницы. Затем настал черед ее щиколоток, а после — и ошейника. Наконец, освобожденная, она рухнула

в объятия киммерийца, и он обхватил ее своими могучими ручищами.

— Так это все происходит на самом деле! — заплакала она.

— Ну конечно на самом деле, — утешительно произнес Конан и положил ладонь ей на голову. — Надеюсь, сейчас за нами никто не следит.

— Нет, — отозвалась девушка. — В комнате никого нет. Я всегда чувствую, когда ОН смотрит в зеркало.

— ОН? — нахмурился Конан.

— Мой мучитель...

— Кто ты? — спросил Конан. — Ты помнишь свое имя?

— Лизерана... Так называла меня мать. И еще кормилица. У меня была добрая кормилица... Наверное, она сейчас уже умерла.

Цинфелин решительно отстранил Конана от девушки и заговорил с ней сам.

— Ты можешь идти?

— Идти? — вмешался Конан. — Нам придется скакать верхом!

— Она такая легкая! — откликнулся Цинфелин. — Я возьму ее в седло, конь даже не заметит, что всадников двое.

— Я бы на твоем месте не строил иллюзий, — проворчал Конан. — Некоторые дамы только выглядят хрупкими, а как усадишь их на лошадь — бедная скотина аж приседает от тяжести.

Цинфелин не без удивления понял, что киммериец немало растроган случившимся и под напускной грубостью пытается скрыть свои чувства. Что ж, еще один признак цивилизованного человека. О чём самому Конану, разумеется, лучше не говорить.

Цинфелин взял девушку за руку и повел из комнаты, где она провела столько горьких зим.

— Как я выгляжу? — шепнула она на ухо своему спасителю.

— Ты прекрасна, — ответил он.

«Стало быть, с нею все в порядке, — отметил Конан, слышавший этот краткий диалог. — Только умирающая женщина не интересуется своей внешностью... Впрочем, знал я и нескольких, которые беспокоились об этом даже на краю могилы...»

— Я не видела своего отражения с детских лет, — призналась Лизерана. — Все, что показывали мне зеркала, были другие люди. И... и еще ты. Я видела, как ты хворал, как ты был болен, как ты умирал... Всеми силами я пыталась помочь тебе.

— Помочь? О великий Митра! — удивленно воскликнул Цинфелин. — Ты, беспомощная, измученная пленница — пыталась помочь мне, избалованному графскому сыну?

Они начали медленно спускаться по лестнице. Лизерана спотыкалась на каждой ступеньке.

Цинфелин боялся даже думать о том, что может ожидать их внизу. Однако весь путь они проделали, не встретив никаких препятствий. Башня была пуста.

Они выбрались наружу и оглянулись. Ничего зловещего теперь не ощущалось в этой местности. Просто пролив, чайки в небесах, серые волны — и пустая башня с зияющим входом на том месте, где когда-то стояли ворота.

Кони паслись над обрывом, пощипывая траву, что росла на склоне холма.

— Едем, — бросил киммериец, устремляясь туда...

* * *

— Это он, он! — вне себя кричала Лизерана. Она сидела на коне в седле перед Цинфелином. Ее длинное платье развевалось, ветер трепал ее волосы. Цинфелин крепко удерживал ее за талию, а девушка протягивала руку к Керниву в обвиняющем жесте.

Всадники ворвались на Поля Правосудия и двинулись прямо к заграждению. Граф Гарлот повернулся к ним и застыл, неподвижно глядя на своего сына, на незнакомую девушку в седле и на рослого варвара с мечом за плечами.

— Расступитесь! Дорогу Цинфелину! — кричал Конан, орудуя кулаками, чтобы вразумить наименее сообразительных.

Люди шарахались в стороны, позволяя всадникам проехать. Гарлот не проронил ни слова, не сделал ни жеста. Он просто позволил своему сыну действовать — и молча ждал, желая увидеть, что же тот намерен предпринять.

Возле заграждения всадники спешились, и Цинфелин вместе с девушкой перебрался внутрь, туда, куда допускались только избранные. Конан следовал за ним шаг в шаг. Он ни на мгновение не отрывал глаз от Кернива.

«Хвала всем богам! — подумал Югонна. — Но как же вовремя они приехали! Можно подумать, они нарочно подгадали миг своего появления!»

Лизерана остановилась перед Кернивом и еще раз указала на него рукой, а затем повернулась к Гарлоту и громко, отчетливо произнесла:

— Это он! Он — тот человек, который похитил меня, который держал меня в плену, мучил ради собственных низких прихотей — человек, который задумал погубить вашего сына!

— Это правда, отец, — вмешался Цинфелин.

— Но каким образом? — спросил граф.

— Я видел ее в зеркалах... в тех самых зеркалах, которые держит у себя Кернив. Вот зачем эти двое фокусников забрались в спальню к вашему советнику, отец! Они искали доказательства — и они нашли его!

— Да! — вдруг «ожила» Далесари. — Все было именно так, как говорит графский сын! Мы ви-

дели следы амальгамы, которую Кернив наносил на стены спальни Цинфелина, мы видели, куда ведет этот след, мы нашли второе волшебное зеркало. Все именно так! Вот почему Кернив так яростно добивается нашей смерти!

— Нет! — вскричал Кернив. — Умри, проклятая ведьма!

Он выхватил из своего широкого рукава кинжал и набросился на Далесари. Все произошло в считанные мгновения. Никто из собравшихся не успел ни удержать Кернива, ни оттолкнуть Далесари в сторону, ни даже просто вскрикнуть от ужаса. Нож вонзился в ямку у основания шеи молодой женщины.

И... ничего не произошло. Далесари продолжала стоять и уверенно улыбаться. Кернив отдернул руку и огляделся по сторонам с таким вороватым видом, что Гарлот внезапно понял: граф Бенойка никогда по-настоящему не знал своего главного советника. Человек с подобным выражением лица не может быть никем, кроме низкого интригана и предателя.

Вокруг зашумели.

— Что это значит? — спросил Гарлот, сурохо глядя на съежившегося советника. — Кажется, вы пытались убить эту женщину? Кто дал вам право выносить ей смертный приговор и приводить этот приговор в исполнение — да еще у меня на глазах?

Кернив молчал. Его игра была окончена.

То, что он принял за Далесари, исчезло, растворилось в воздухе, а настоящая Далесари выступила из-за широкой спины Конана, куда спряталась за мгновение перед тем.

— Вы видели, как создаются иллюзии, — громким голосом произнес Югонн. — Это произошло у вас на глазах. Зеркало отразило и повторило то, что уже существовало на самом деле, — в данном случае образ моей жены. Кернив показывал графу Цинфелину другую женщину... Женщину, которая страдала по его вине!

Лизерана преклонила перед Гарлотом колени.

— Я обвиняю этого человека в том, что он украл... украл мое детство! Он держал меня в заточении, он пользовался мною для того, чтобы терзать душу Цинфелина! По его вине в слезах зачахли мои родители, и одним только богам известно, что стало с моей доброй няней.

— Я знаю, где она, — подала голос Далесари. — Она жива, и в нашей власти ее освободить... Ее осудили за участие в похищении этой юной девушки, — обратилась Далесари к графу. — Но теперь, когда все разрешилось...

Гарлот поднял руку.

— Мне отвратительно слушать все эти подробности, — проговорил он так, чтобы его голос гремел на все Поля Правосудия. — И я прекрасно решено. Преступник

сам изобличил себя. Я сожалею лишь об одном: о том, что допустил сюда женщин. Все случившееся — не для их нежных глаз и ушей.

«Да, он идеалист, — опять подумал Югонна, с восторгом глядя на графа. — А это означает, что скоро здесь будут устроены грандиозные празднества по случаю свадьбы Цинфелина. И нам с Далесари не худо бы задержаться. Может быть, осчастливленный юноша вспомнит о тех, кто ему помог, и в свою очередь поможет нам достать хороший корабль...»

Содержание

Пленники песчаных вихрей

Повесть

Глава первая Одиночество в пустыне	6
Глава вторая Вести о странной женщине	38
Глава третья Похождения разбойника	61
Глава четвертая История Югонны	88
Глава пятая В поисках Далесари	102
Глава шестая Пятое зеркало	127
Глава седьмая Освобождение	150

Красавица в зеркалах

Повесть

Глава первая Юный граф между жизнью и смертью	170
Глава вторая Нападение в темноте	196
Глава третья Граф показывает фокусы	214
Глава четвертая Тайное бегство	230
Глава пятая Светящиеся следы	247
Глава шестая Возле маяка	279
Глава седьмая Из темноты в темноту	295
Глава восьмая Призрачные моряки	323
Глава девятая Последняя схватка	351

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас

КОНАН

И ПОТОМКИ АТЛАНТОВ

2012年1月20日于北京

Руководитель проекта Дмитрий Иоахимов

Составитель *Андрей Партычнов*
Сертификация одобрена Администрацией Всемирного

Общероссийский классификатор продукции

К-005-93, том 2; 953000 — книги, бронза

антигарно-эпидемиологическое заключение

е 77.99.02.953.Δ.003857.05.06 от 05.05.200

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чапковского, д. 27/32

Главн. электронные адреса:

www.ast.ru e-mail: astpub@ast.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

190121, г. Санкт-Петербург,

аб. кн. Грибослова, 148-150, пом. 5Н, лт.

conan@sp.ru

Отпечатано с горячих диапозитов

Списано с готовых диагпозитивов
в «Типографии ИПО профсоюзов. Про-

лестроСТАЛЬ, Московская область, ул. Т

САЈА О КОНАНЕ

КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИМЫРЫ 74	КОНАН И ЗЕМЛЯНАЯ ПУСТЬИНА 75	КОНАН И ДУХИ ТОР 76	КОНАН И СКОРОСТЬ АГАРАНТИН 77	КОНАН И НИФИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УВИДЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАНДИН СМОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВАЛАДА АЛСА 82	КОНАН И НАРЫЛА НАМЕДИКА 83	КОНАН И АЛТЫН ЗАРИ 84	КОНАН И ГЛАМЫ КОШЕЛАЙ 85	КОНАН И ТРОМ ВЛАМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАННИЯ 89	КОНАН И ВОЛНА БАШНЯ 90
КОНАН И КАЛТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СОЮЗЕР МАГА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН И АЛТЫНДА АЛМУСЫ 94	КОНАН И ПРОСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАИНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАВ ТАЛАССАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЧЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРИ КОЛДУНЫ 99
КОНАН ГЕРОЙ ХАЙБОРДЫ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101	КОНАН И ЗОЛОТЫЙ РОК 102	КОНАН И ПАТОМА СИА 103	КОНАН И РИТУАЛ АЗИИ 104	КОНАН И АЛЫ СТЕПИЧА 105	КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТИК 106	КОНАН И КАЛЬКИ АСУРЫ 107	КОНАН И СУД БОГИНЕ 108
КОНАН ИЩЕТ ВОЛДИН 109	КОНАН И АЛЫК АХЕРОНА 110	КОНАН КОЛДУНСКАЯ ОСТРОВ 111	КОНАН И АДАМЫ СТЕПЕЙ 112	КОНАН И ЧАРОДЕЙ ЮГА 113	КОНАН И ЧЕЗИКИ КАИНИ 114	КОНАН И КРАСНОЕ БЛЯСТИО 115	КОНАН И ГЛАЗ ГЛУХА 116	КОНАН И ЦЕЛЬ ОБОРОТИЯ 117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ 118	КОНАН И РЕКИ ЗАБЫТИЯ 119	КОНАН И АДАМЫ АЛКАРЫ 120	КОНАН И ЗЕЛАЯ ЗИРВАРОВ 121	КОНАН И ОВАЛУА СИРПЫ 122	КОНАН И САЛТОЙ ЖИРЦ 123	КОНАН И НЕЗАДОНА НАЛАДЫЧА 124	КОНАН И МОРОК ЧАЩИ 125	КОНАН И КРЫТ ВРЕМЕН 126
КОНАН И ДОЛЫ ДРУНАДОВ 127	КОНАН И УГЛАС КХАРИН 128	КОНАН И ВЛАСТИВА ШЕМА 129	КОНАН И СТАВИДИН СВИТЛАНДА 130	КОНАН И ВОЛЫНЦЫ ПРОКЛСА 131	КОНАН ПРОТИВ ЗЕЛЯ-САЛА 132	КОНАН ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНА 133	КОНАН НГОЛОМЫ АТАЛОНТОВ 134	

СЕВЕРО - ЗАПАД ПРЕСС

ISBN 978-5-17-043290-5

9